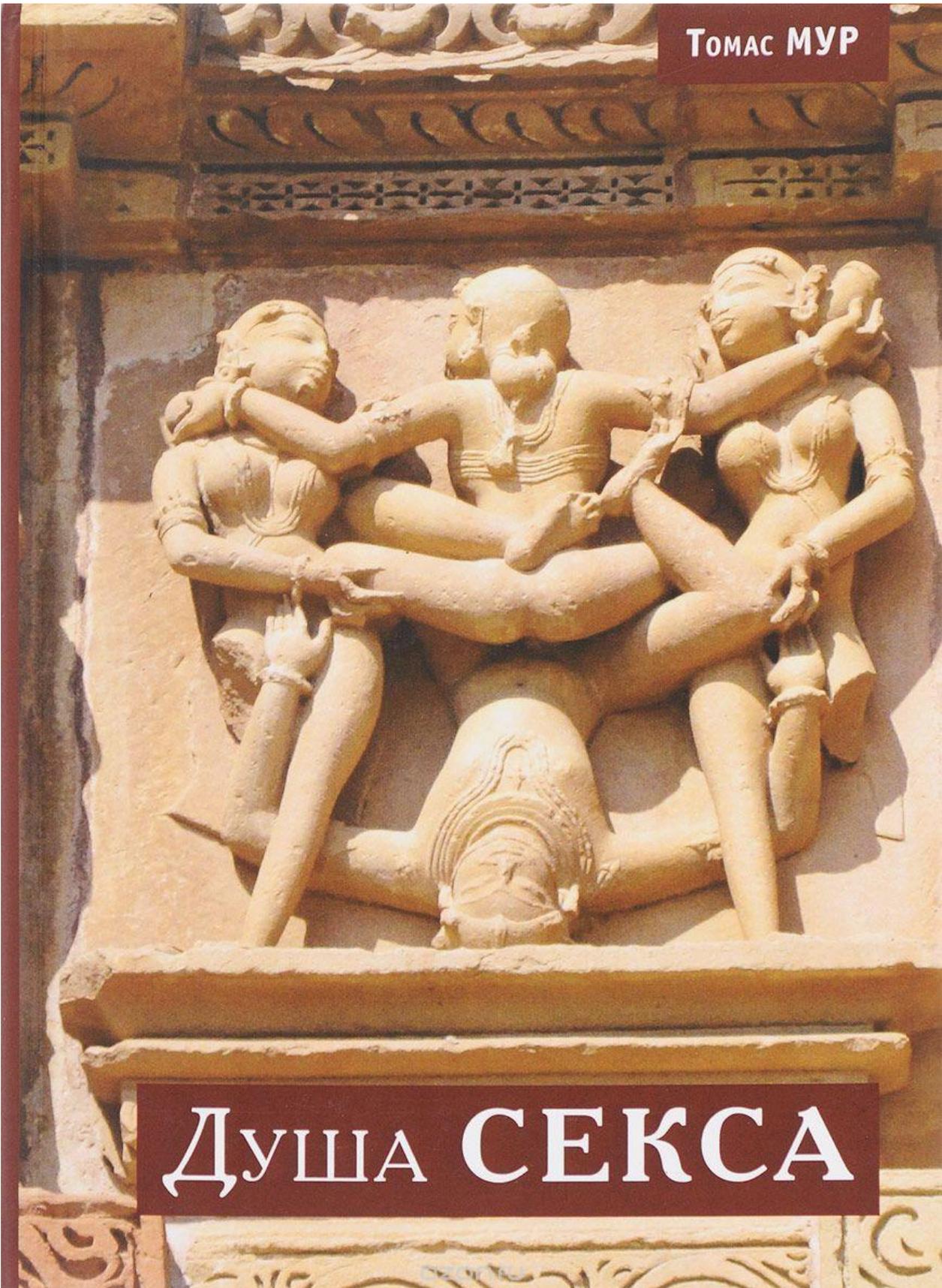

ТОМАС МУР

ДУША СЕКСА

Благодарности

Писать о сексе значит неким образом соучаствовать в предмете, будь то любовное письмо, эссе или порнография, что можно перевести как «письмо куртизанки», древний дух которого я пытался сохранить в этой книге. Я постарался написать книгу о сексе, которая бы обогатила наше понимание, продемонстрировав одну из главных тем: все, что мы делаем и создаем, может быть сексуальным. Пусть те, кто любят книги со страстью, знают, что эта работа может быть чувственной.

Я чувствую себя в долгу перед многими авторами и художниками, посвящавших себя Эросу на протяжении веков, теми, что имели храбрость говорить о нем и изящество говорить о нем красиво: Сапфо, Платоном, Эпикуром, Плотиним, Фичино, Уайльдом, Диксоном, Садом, Юнгом, Хиллманом и другими, некоторые из которых упоминаются в примечаниях.

Я хотел бы поблагодарить друзей и коллег, которые помогали мне многими путями сохранить настоящий проект об эросе и эротике. Это Джейран Боггис, чей ценный юмор, критика и обаяние помогали на каждом этапе работы. Это Кен Тейт, замечательный архитектор чувств, что направлял меня и давал мне подсказки. Пэт Тумэй, как всегда, спасший меня от хладнокровных ловушек рассудительности. Доктор Ли Доил, терапевт по призванию, которая давным-давно научила меня незабываемым урокам в эротической жизни. Хью Ван Дюсен – широко признанный редактор с сердцем, страстью и цивилизованностью, который обнаружил вдохновляющие способы представить заботящую меня тему общественности. Джихо Варнер и Кэрол Уильямс, что помогли мне восстановить первый черновой проект и затем отшлифовать его. Роза Коррано принесла неожиданную теплоту и, следовательно, эрос, в важную маркетинговую работу. Джеймс Хиллман, что задал мне нужное направление в последних открытках и многочисленных прошедших беседах и дал несколько замечательных источников. Мерле Ворф, гений кино, всегда напоминавший мне о том, что душа соткана из образов, а не идей об образах. Майкл Кац, ставший близким сотрудником. Этот человек был необычайно настойчив в помощи по оформлению и представлению этой книги, и если вы почувствуете аромат Дзен на этих страницах, то это подарок от него. Наконец, стоит сказать о живописи Джоан Хэнли и её партнёрстве, что вдохнули жизнь в мою работу - как в сказке, где Афродита мягко опускает бабочку на скульптуру, чтобы привести её к жизни и даровать ей душу.

Оглавление

Глава 1.

Нимфа Секса. Божественный Эрос и человеческая сексуальность.

Глава 2.

Эротическое Тело. Красота, Лицо, Волосы.

Глава 3.

Фаллические и вагинальные мистерии.

Глава 4.

Архетипические Паттерны в Сексе. Мифы, святые и знаменитости.

Глава 5.

Сексуальная фантазия и сновидение.

Глава 6.

Чучело Приапа. Комическое и Вульгарное в сексе.

Глава 7.

Мистический оргазм в духовности.

Глава 8

Эрос и мораль. Сексуальная этика и эмоциональная свобода.

Глава 9.

Радость целибата: Тонкие выражения сексуальности.

Глава 10.

Брачное ложе: Создание брака через секс.

Глава 11.

Таинственный любовник. Сексуальная жизнь души.

Глава 12.

Сексуальность мира. Эротическая жизнь вещей.

Глава 13.

Сублимация секса. Эротический интеллект и видение.

Глава 14.

Земные наслаждения. Эпикурейская жизнь.

Вступление

Эта книга о человеческой сексуальности, но она не содержит информации по биологии, анатомии или здоровью, и мало что может сказать о технике и взаимоотношениях. Она начинается с предположения, что человек является собой целый мир смыслов, эмоций, сновидений, желаний, страхов, прошлого, культурной среды и внутренней жизни мысли и фантазии – короче говоря, речь о душе. Душа приходит к своей полноте в месте, где встречается Бога, бесконечность, или то, что мы называем объектом религиозной озабоченности. Хотя я бы предпочел менее очевидные фразы, эта книга действительно о душе секса.

Всю свою жизнь я испытывал особую тягу к эросу. Я помню свои ранние годы в детстве, преисполненные интереса к телу. Теперь я вижу в своих юных детях относительно невинное очарование словами, частями тела и чувственными радостями, которые вполне эротичны по-своему.

Хотя я был воспитан в глубоко католической среде, сдержанной и ханжеской в отношении сексуальных вопросов, я все же глубоко ценю эротическую жизнь. Я не пленен эротикой, но наслаждаюсь хорошей живописью, фотографией обнаженного человеческого тела или интеллектуальным эротическим фильмом. Для меня ясно, что секс является одним из важнейших аспектов человеческой жизни, вторым после религии, и они часто неразделимы.

Я пишу о духах и призраках, вовлекающих душу в секс. Секс бесконечно более таинственен, чем мы обычно себе это представляем, и мы касаемся только внешней его стороны, когда говорим в терминах гормонов или механики любви. Я отношусь к сексу, как любитель тайн.

Я писал об эросе во всех своих книгах, но здесь я фокусируюсь на самой сексуальности. Я долго наблюдаю тело, особенно то, как оно представлено в искусстве и религии, и все ради знамений того таинственного, сокрытого в телах и занятии любовью. Когда я «дразнюсь» этими скрытыми значениями, я применяю их в жизни и культуре в более широком масштабе с идеей, что мы можем уменьшить депрессию и запутанность, если сделаем наше окружение более сексуальным, позволяя удовольствию стать достойной целью жизни.

Как психотерапевт, я обнаружил, что душа часто проявляет себя в сексуальных областях жизни. Многие мужчины и женщины, консультирующиеся у меня в течение многих лет, приходили с сексуальными беспокойствами, которые, в конечном итоге, оказывались вместилищем для центральных тайн жизни личности. В некотором смысле, секс является фасадом души, и когда мы имеем с ним дело обдуманно, вся сущность космоса выступает на передний план.

Почему современная жизнь становится более чувственной и сексуальной? Мы уже «затоплены» сексуальной образностью во всех средствах массовой

информации. Ясно, что мы представляем собой сексуально-одержимое общество. Зачем делать еще хуже?

Для ответа я призываю Фрейда. Он изложил принцип, который я считаю полезным: мы отображаем возмутительное и одержимое, чем полностью не обладаем или чего не имеем в своем глубоком распоряжении. Если мы позиционируем секс с неприличным преувеличением и озабоченностью, то мы не нашли сердце секса и не сделали его полностью интегрированной частью индивида и социальной жизни.

Учитывая нашу одержимость сексом, мы должны получать больше, но не в количестве, а в качестве. Это как в том случае, если человек пристрастился к нездоровой пище. Он ест столь много, как только может, но это пустое дело. Если он поест настоящую пищу – необработанную, близкую к истокам земли и прекрасно приготовленную, он может оставить свою прежнюю пагубную привычку.

Нам нужно больше секса, а не меньше, но нам нужен секс с душой. Вопрос о том, что это значит, и есть предмет настоящей книги.

Когда влюбленные лежат на постели и обнимают друг друга так крепко, что руки и ноги одного переплетаются с руками и ногами другого и как будто трутся о них, это называется объятием, Тина Тандулака, подобным «смеси кунжута с рисом».

Камасутра

Чего она жаждет, вулканическая Венера,

Задымившая все вокруг?

Чего же она желает?

Она говорит, что желает любовника,

Но ты не веришь ей.

Она кипит подобно вулкану,

А вулканы не жаждут любовников.

Д.Х.Лоуренс

Конница — одним, а другим — пехота,

Стройных кораблей вереницы — третьим...

А по мне — на черной земле всех краше

Только любимый.

Сапфо^[1]

Глава 1

Нимфа Секса.

Божественный Эрос и человеческая сексуальность

Мы имеем обыкновение говорить о сексе только как о чем-то физическом, но, несмотря на это, ничто другое не имеет в себе больше души. Секс забирает нас в мир интенсивных страстей, чувственных прикосновений, захватывающих фантазий, многих уровней значений и тонких эмоций. Это Он оживляет воображение вкупе с фантазией, мечтами и памятью. Даже если секс происходит

без любви, будучи пустым или манипуляторным, все же он имеет сильный резонанс в душе, и даже плохой сексуальный опыт оставляет прочное, запоминающееся впечатление.

В общем, мы относимся к телу как к скелету, завернутому в мышцы и нафаршированному органами. Когда приходит болезнь, мы идем к доктору, и нас ожидают рентгеновские лучи, пилюли или хирургия. Мы не говорим о том, как мы живем и о тех сильных чувствах, которые могут быть связаны с болезнью, или смыслом жизни. Мы разделяем тело, разум и эмоции как расположенные в отдельных отсеках, которые между собой не связаны.

Философия, характеризующая нашу культуру, где тело рассматривается вне связи с нашими эмоциями, чувством смысла и нашим опытом, имеет глубокие последствия для сексуальности. Мало того, что мы имеем дело с сексуальными проблемами механическим путем, мы вполне можем приближаться к своим любовникам также механизировано – без глубокого вовлечения тела и духа, которые дают сексу его глубину и человечность.

Восставая против этой точки зрения, поэт восемнадцатого века, Уильям Блейк, использовавший силу слов для борьбы с рационалистическим и механическим мышлением своего времени, сделал утверждение, которое можно было бы напечатать внизу каждой страницы данной книги:

Человек не имеет Тела, отличного от Души, ибо то, что называется Телом есть часть Души, распознаваемая пятью Чувствами, главными входами для Души в этот век.

Если мы не утратили полностью воображение, то когда мы смотрим на тело, мы видим душу, а когда мы занимаемся сексом, мы переживаем тело как путь к наиболее проникновенным тайнам души.

Порой возникает соблазн представлять секс как нечто исключительно физическое. Тогда нам не приходится иметь дело с чувствами, индивидуальностями и последствиями. Мы можем попытаться избежать сложностей, которые всегда возникают во взаимоотношениях и искать освобожденного секса в «свободной любви». Как было бы приятно, думается нам, заниматься сексом без обязательств, болезненных эмоций, расставаний и воссоединений. Но душа имеет свою собственную жизнь и свою собственную волю. Она не будет подчиняться нашим манипуляциям. Попытка иметь секс без последствий может неожиданно привести к обратному эффекту, и посредством бессмысленных сексуальных чувств мы можем прийти к самому большому эмоциональному беспорядку в нашей жизни.

Это человеческое тело, которым мы обусловлены, рассматриваемое как система химических веществ, шкивов, помп и водопроводной системой, является выразительной сущностью величайших утонченностей и оттенков. Это тонкое тело живо, прозрачно, преисполнено значений, поэтики, выразительности в каждом органе и части, тесно связано с эмоциями и чувством, и, что не менее важно, красиво. Это есть тело, которые вовлечено в секс, тело с такой душой, что любая попытка отрицать её слои смыслов, скорее всего, вернется обратно, дабы преследовать нас.

Очевидно, что тело может быть соответствующим образом изучено, измерено и обработано только на химическом и психологическом уровне. Но в тоже время тело бесконечно больше, и чтобы понять его сексуальность, нам следует основательно выйти за пределы научного воображения. Мы можем обратиться к художникам, поэтам и мистическим писателям, к ритуалам и образам религий, для получения полной картины сексуальности и обнаружения множества способов для тела быть сексуально выразительным.

Ключ к тому, чтобы следовать дальше по этой книге, лежит в отказе от нашей привычки смотреть на тело и его сексуальность материалистически, принципиально осознав, что нет такого понятия как человеческое тело без включения эмоций и воображения. Значительная часть человеческой сексуальности недоступна для материалистической точки зрения. За её пределами лежит целый мир сексуальных смыслов. Рассматривая сексуальные мифы, среди которых мы живем, и на наши духовные отношения, неважно, насколько развитыми и сознательными они могут быть, мы можем обнаружить корни своих желаний и источники удовлетворения. Там скрыты тайны, имеющие критическое значение для наших проблем и несбывшихся надежд, там способ обучать молодых сексуальности и средства примирения между сексом и моралью, между телом и духом.

Вызывание Венеры

«Гомеровский Гимн Афродите», древняя история о сексе, поясняет то, что я считаю ключом к сохранению «человеческого» в человеческой сексуальности. Зевс, божественный правитель жизни, хочет удостовериться, чтобы сочетались бессмертные и люди. Эта великая тайна, связанная в христианстве с воплощением, рассматривает состояние человека, в котором духовность и ординарная жизнь идут вместе с целью завершения нашей человечности. Мы состоим из духа и тела с живой душой между ними, и любое олицетворение духа – это воплощение. Итак, история начинается с Зевса, вселяющегося в Афродиту, богиню секса, мечту смертного человека.

По мере развития сюжета Афродита идет к своему храму в Кипре, принимает ванну, мажет тело и облекается в красивые одежды и золотые украшения. Затем она находит Анхиса, молодого пастыря, и выдает себя за молодую девственницу. Пораженный её красотой, Анхис не подозревает, что она может быть богиней, но она говорит, что является дочерью правителя Фригии. Гермес похитил её из дома, говорит она, чтобы она стала супругой Анхиса и матерью их детей.

Будучи убежденным в том, что она смертная, Анхис занимается с ней любовью, но затем она пробуждает его ото сна и открывает себя в своей Божественной славе. «Когда я впервые увидел тебя, я знал, что ты Божественна», говорит Анхис, беспокоясь о последствиях соития с Богиней, в том числе о потере потенции. Она же уверяет его, что все в порядке и в согласии с Божественной волей. Их сын вскормлен большегрудыми нимфами, обитающими на высоких горах - теми самыми, что, по её словам, долго живут, вкушают Божественную пищу и занимаются любовью с Гермесом в закоулках очаровательных пещер. Затем она дает Анихису предупреждение:

"Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит, приявшей
 "В страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс,
 "То отвечай, - и навеки запомни мое приказанье! -
 "Что родила тебе сына того цветколицая нимфа
 "Из обитающих здесь вот, на этих горах многолесных. [1]

Этот прекрасный эротический гимн Богине секса предлагает множество очаровательных инсайтов, но темой, занимающей меня годами, является идея о том, что секс есть часть и преходящего, и вечного. Сын, которого Афродита и Анхис зачали при своем замечательном свидании, Эней, далее проложит путь к основанию Рима. Это могущественное творение есть указание на то, что занятие любовью между человеком и божеством, единение духа и тела, может быть чрезвычайно плодотворным.

Последний комментарий Афродиты также намекает, что один из партнеров в сексе более чем человек – он или она является нимфой. Мужчина или женщина могут воодушевить такую глубокую фантазию и эмоцию, что через любящие объятия с телом нашего партнера мы можем прорваться через ограничения человеческого состояния, прикоснувшись к иному уровню реальности. Духи секса приходят к нам из другого мира и не могут быть сведены к составляющим человеческой личности. Секс с душой – это всегда форма сообщения с другим уровнем существования, и его качество может быть основной причиной его непреодолимого притяжения.

Я нахожу эту нимфу изображенной во многих местах: в прекрасных Кикладских фигурах Средиземноморья, где она показана почти без лица, сооружение её тело и грудь малы, а лобковая область представляет собой блестящий треугольник; в обнаженных фигурах Лукаса Кранаха; в Африканских, вырезанных из дерева женских статуях; в фотографиях Эдварда Вестона; и почти в каждом изображении Мэрилин Монро. В этих образах нимфа присутствует в заданной форме, но я также чувствую её, незримую, в определенных рощах, садах и спальнях. Я чувствую её запах в некоторых духах, и я ощущаю её в шарфе. Я вхожу в её окружение всякий раз, когда посещаю определенные необыкновенные магазины и салоны, где она представлена во всей своей красоте и где деликатные владельцы магазинов представляют собой ризничих Богини чувственности. *Кикладская фигура*

Когда Афродита говорит, что она цветочная нимфа, она также выявляет нечто важное о себе и своей сексуальности. Божественное наслаждение, предоставленное Анихису, пришло из простой красоты цветка. Римская коллега Афродиты, Венера, почиталась как Богиня садов. Природная красота, а не только функциональность её органов, являет сущность сексуальности. На самом деле, эта книга вдохновляет весь путь через простое откровение Богини: если вы хотите узнать что такое секс, долго и упорно думайте о цветке, особенно о его красоте и его обращению к чувствам. Затем думайте о природе и своем собственном месте в ней. Все, что заставляет цветок сиять с очарованием – является сущностью вашей собственной сексуальности.

Нечто глубинное в человеческой природе нуждается и жаждет вкуса вечности – по крайней мере, краткого освобождения от неумолимого темпа времени. Обычно мы не помещаем вечность в список потребностей, но душа только наполовину удовлетворяется вещами этого мира. Традиционная литература утверждает снова и снова, что душа требует освобождения от времени и места. Она нуждается в регулярных экскурсиях из занятой жизни, требует взаимоотношений и непрерывной продуктивности. Для монаха, созерцание является одним из видов освобождения от времени и занятости, тогда как для среднего человека для той же самой цели используется секс.

Душа хочет единения не только с другими персонами, но также и с совершенно другим измерением, которое мы можем назвать вечным, бессмертным, мифическим или множеством других имен. Как мы увидим в конце нашего путешествия через множество реальностей секса, душа жаждет тайного любовника, который является живым и переступает пределы известного партнера. Мы также увидим, что этот мир, включающий нашего любовника из крови и плоти, необязательно является препятствием, но предлагает позитивный путь к вечной и духовной реальности.

Краткая сексуальная игра Анхиса и Афродиты дала рождение целой цивилизации, и когда наш секс имеет душу, она также создает миры – семьи, общины, дружеские отношения и личную жизненность. Без мистерии измерение секса не полностью человечно, и оно может ощущаться неполным или даже пустым. Секс не является чем-то оторванным от жизни, но включенным в каждый аспект. Богиня – просто цветочная нимфа, но древние также называли её душой мира.

В Гомеровском Гимне, Афродита представляет себя и богиней, и смертной. Раньше я думал об истории, рассказанной ей Анхису, как о средстве манипуляции, аспекте её умения обольщать и убеждать, но сейчас я предполагаю, что здесь происходит нечто большее. Весь рассказ являет собой воплощение – речь о бессмертном, облеченном в человеческую плоть. История, что она рассказывает Анхису, дает ей человеческую семью и место, контекст, который по общему признанию продолжается лишь короткое время занятия любовью, но это придает их сексу как человеческие, так и Божественные свойства.

Нимфа секса являет собой сущность занятия любовью, но также очевидно, что она есть человеческий партнер. Мы нуждаемся в мужчине или женщине, которые бы вызвали этот дух для нас. Сексуальное притяжение – это не только чисто физическое явление. Душа всегда находится в поиске того, что завершит её желания, а наши физические глаза никогда не разделены с глазами души.

Она также помогает выбрать место для любви, подходящее для нимфы, ибо эти природные духи показывают себя только в определенных местах и в определенное время. Марсилио Фичино, Флорентийский философ пятнадцатого века (подкованный в знаниях и магии) учил, что благодаря некоторой степени ловкости мы можем привлечь различные виды духа, включая сексуальных духов, нуждающихся в полноценной человеческой жизни. Все наслаждение от секса в

том, чтобы воплотить, низвести духа, который оживит наш физический мир и приютит эрос.

Многие люди знают, что можно совершить все положенные движения в сексе и даже получить оргазм, но все равно присутствовать при этом не полностью. Иногда сексуальный отклик может чувствоваться как незавершенный. Человек может быть бессильным, эмоционально холодным или по каким-то иным причинам не способным вовлечься в занятие любовью полностью, несмотря на свое намерение полного присутствия. В области секса стремление не так важно как в нашей ординарной жизни. Обычно мы объясняем сексуальные проблемы в личностных терминах, как будто бы вина лежит на эго, но Гимн учит нас, что секс более таинственен и не так зависит от эго, как мы могли этого ожидать.

Занятие любовью – это целый ритуал, который приглашает к присутствию Богиню секса. Любовь и влечение, что мы ощущаем по отношению к нашему партнеру, приготовления для занятия любовью, и все действия, входящие в прелюдии мы совершаем для вызова Нимфы Секса, так, чтобы то, что происходит между людьми, вдохновлялось и переплеталось с этим духом. Без присутствия нимфы, секс становится механическим. Он будет лишенным души, поскольку душа требует наше присутствия и во временном, и в бесконечном аспектах. Если мы отбросим вертикальное измерение и глубину наших чувств, наши высокие устремления - в любой активности, включая секс, то мы «отключим» душу и потеряемся в функциональном опыте, который может ощущаться как пустотелый.

Когда дух или гений секса входит в занятие любовью благодаря призывающим словам, прикосновениям и действиям, душа секса присоединяется к игре, и любовники чувствуют необъяснимую глубину в своем единении. Сексуальный опыт может быть естественным и даже чудесным. Мы можем думать о сексе как о чем-то, что мы должны делать, со знанием дела и здоровыми мотивами. Но здоровье и техника, какими бы они ни были ценными, недостаточны для призвания глубин секса, которая взывает к воображению, благоговению и полному присутствию.

Занятие любовью – это ритуал, подобный всем другим религиозным ритуалам мира, пытающийся достичь присутствия духа, который делает человеческую активность магически эффективной. Как и все ритуалы, секс требует искусства, внимания к деталям и постоянного воображения. Он призывает к своего рода смирению, присущему религиозному ритуалу, где практик не вынуждает, но просит присутствия Бога или Духа. Мы можем пойти на обед, привлекательно одеться, иметь интимные беседы, слушать музыку – все с мыслью о призвании духов сексуальности. В разгар занятия любовью мы можем руководствоваться глубинной интуицией и воображением, делая конкретные вещи, которые не только радуют нас и нашего партнера, но и уводят нас от холодного мира эго и помещают нас в теплоту, подобное сновидению облако сексуального транса и очарования. В этом чарующем облаке Афродиты (ученые связывают имя Афродиты с «сияющим облаком») мистерия, которая есть секс, происходит эффективно и ярко, как будто бы это было таинством религии этой Богини, задачей которой является углубление человеческой сексуальности, придавая её больше чем человеческий уровень смысла.

Эрос и Душа

В настоящее время слово «эрос» было испорчено отсылкой к плану физических сексуальных актов и даже к самым низшим видам секса. Это слово действительно отвратительно для некоторых людей, что удивительно, так как в классической литературе оно подразумевало высокий духовный, комический и возвышенный вид любви. В греческой литературе эрос – это не что иное как магнетизм, который удерживает всю Вселенную вместе, и человеческая любовь во множестве форм является просто участником в этом величайшем эросе.

Древний поэт Гесиод писал около 800 г. до н.э. о происхождении вещей, помещая Эрос среди первых существ, но также предупреждал о страшной силе эротики и, возможно, именно та самая тенденция, которая подавляет нас, заставляя людей опасаться Эроса. Гесиод писал:

«И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос. Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает». [2]

Позднее, греческий философ Эмпедокл учил, что вся Вселенная работает на принципах любви и борьбы. Он отождествлял любовь и с Эросом, и с Афродитой, соединенных притяжением, что держит все вещи связанными и действующими в гармонии с соблазнами и желаниями, которые мы обычно называем сексуальными. Связь между этим величайшим понятием Эроса и обычной сексуальностью есть ключевая идея в нашем исследовании души секса. Мы не хотим оставлять секс позади и фокусироваться на некоторой бесплотной и общей идеи эротической жизни, но также мы бы не хотели сводить секс до физического поведения. Баланс где-то посередине - ценный способ узреть эротику внутри секса, расширяя нашу идею сексуальности без потери непосредственности и близости.

Многие писатели, поясняющие эротическую жизнь, помогают создать картину Эроса, что может быть полезно в углублении нашего понятия сексуальности. Например, Платон, говорит о любовниках, что «глубокое понимание исходит из их любви». Эрос представляет собой руководство к познанию, и по этой причине архетипические фигуры мудрости Сократа и Платона, называют себя любовниками [3].

В некоторых культурах считается, что для занятия сексом с человеком нужно знать его на глубоком уровне, и занятие сексом впервые – это познание жизни совершенном новым и преобразующим способом. Секс является своего рода Гнозисом или Святым Знанием. В сексе мы узнаем человека более чем определенным образом. Секс раскрывает многое, что пребывает в бессознательном, и с таким раскрытием на физическом уровне отражается сбрасывание защитной оболочки с самой души.

В сексе мы также открываем силу и направление наших глубинных желаний. Удовольствия, что мы можем найти в сексе – нежный секс, агрессивный секс, изобретательный и исследовательский секс, садомазохические игры, одевания и раздевания, части тела и виды поцелуев, места и окружения – все предпочтения так тесно связаны с иллюстрацией того, кто мы есть, куда наша душа хочет

привести нас и что из себя представляют наши комплексы, помехи и подавления. В сексе мы наблюдаем сокрытые части души со всеми её частностями.

В своих семинарах о сновидениях, К.Г.Юнг однажды заметил, что «люди думают, что эрос есть секс, но вопреки всему, Эрос есть связанность» [4]. Эрос не является только физическим выражением, свойственным одному лишь сексу, но скорее комбинация физического и эмоционального. Скорее, это значимая связь, устанавливаемая через секс, чувства и понимание людей, занимающихся любовью. Этот эрос, что мы ощущаем в сексе и романтике, также является широким магнетизмом, скрепляющим Вселенную, духом-посредником, удерживающим планеты на орбите и устанавливающим смену времен года. То, что мы ищем в сексе, не есть только телесное удовольствие, но ответ на потребность души во всем, что предлагает эрос, ради совместного мира и целостной жизни, которая является творческой и движется благодаря любви.

В своей элегантной книге «Эрос горьковато-сладкий», Энн Карсон отмечает, что Греки играли со словом «eros», добавляя к нему «pt» и получая «pteros», т.е. «крыло». Когда пенис изображается с крыльями, или когда женщина-птица, подобная сиренам, искушает и соблазняет, это есть идея летучего, величественного эроса, находящего прямое выражение. Когда Греки и Римляне персонифицировали Эрос в их искусстве и литературе, они иногда представляли его в виде молодого человека с большими и прекрасными крыльями. Эрос перемещается по воздуху, и ему свойственно перемещать нас, как говорит Энн Карсон, «отсюда туда». [5] Когда мы долго ждем чего-то или кого-то, нас приглашают к движению, парению в духе по ту сторону status quo и вхождению в новый мир. Может быть, это еще одна причина, по которой мы боимся эротического и сексуального – это беспокоит нашу текущее равновесие. С другой стороны, это также источник жизненной силы и воодушевления.

Жорж Батай, французский писатель, который посвятил свою жизнь изучению эроса, говорит, что эрос всегда предполагает своего рода трансгрессию. «Если мы не видим, что трансгрессия имеет место, мы более не чувствуем свободы, которая преисполняет завершенность требуемого сексуального акта» [6], пишет он. Сейчас это сильное утверждение, которое легко может быть неверное истолковано, будет милым образом соответствовать страху многих людей, считающих эротизм злым и греховным по своей природе. Но трансгрессия в сексе может быть скорее психологической, чем буквально моральной.

Так как эрос заманивает нас в новые миры, это может приводить к нарушению старых режимов и даже правил поведения, и поэтому может ощущаться как преступление. Первый сексуальный опыт пересекает запреты, которые могли иметь место долгое время. Первая близость с конкретным любовником разрывает резерв, который сохранял пару внутри определенных ограничений в их контакте друг с другом. Первый эксперимент с новым стилем занятия любовью может быть связан с нарушением правил или привычек. Предельная точка сексуальных экспериментов может переживаться вместе, во взаимной щедрости и соучастии, радости выхода за пределы правил и ожиданий. В этом духе общины часто отмечают важные религиозные праздники с оргиями и другими видами

сексуальной распущенности, врываясь в реальность духа посредством сексуального пересечения границы.

На протяжении своих работ Платон обсуждает роль Эроса в жизни, но особенно это происходит в «Симпозиуме», где Сократ учит природе любви. «Эрос», пишет Платон, «оживает в красоте в связи с телом и душой». Это тот аспект Эроса, который может быть легко упущен из виду или же принят слишком пренебрежительно. В наших эротических желаниях мы можем быть в поисках красоты, чистоты и простоты. Однако, будучи близким или далеким в отношении культурных идеалов красоты, любовник приглашает нас к душе красоты и собственной красоте души.

Мы живем в мире, который уделяет мало внимания красоте. Мы пытаемся строить функциональные города, но имеем мало красивого и делаем дома, которые являются удобными и доступными, но необязательно красивыми. Мы верим, что красота невозвратима. Но для души красота важнее, чем что-либо другое, и поэтому она играет важную роль в наших желаниях и страстных устремлениях. Она лежит в сердце сексуальности и несет ответственность за большее удовольствие, что мы в ней обнаруживаем.

У Платона мы обнаруживаем, что Эрос является дитем Желания и Изобилия. Наши эротические жизни могут одно время быть преисполненными, а в другое время – пустыми, или даже полными и пустыми в одно и то же время. Если мы знаем, что пустота и полнота являются естественными для нашей эротической жизни, то мы можем жить сочувственно с этим естественным ритмом, вместо того, чтобы требовать от Эроса постоянной преисполненности, и чувствовать что что-то ненормально или дефектно, если это не так.

Один человек в своей середине пятидесятых как-то сказал мне, что он был озадачен лицезрением своих сексуальных сновидений, страстных желаний и фантазий, уменьшенных в середине его жизни. Он считал, что это изменение может быть связанным с его возрастом, и, в то же время, он, наконец, нашел партнера, с которым мог жить и которого любить. Иногда мы ожидаем, что Эрос будет ощущаться пустым, но вместо этого обнаруживаем удивительную полноту. В других случаях мы можем считать, что жизнь будет эротически полной, когда же на самом деле ощущаем нечто от пустоты.

В конце двадцатого века, мы жаждем сексуального удовлетворения, но не уделяем внимания Эросу в целой жизни. Наша тяга, кажется, никогда не находит удовлетворения, или, если это и случается, то лишь на какое-то время и вне связи с остальной жизнью. Некоторые упорно работают целый день за компьютером, а затем приходят домой посмотреть сексуальные фильмы по кабельному телевидению. В их жизни Эрос и работа находятся в разных категориях. Размышляя буквально и негативно об эротической жизни, мы не отдаем Эросу почетное место среди наших ценностей, и в то же время мы перегружены нашими желаниями и нашими базовыми, но непонятными аппетитами.

Как говорили Греки, секс и Эрос связаны подобно матери и сыну. Если мы сможем восстановить чувство святости Эроса и его творчества, Божественного места в природе вещей, мы сможем увидеть, каким нелепым был наш взгляд на секс, и мы сможем восстановить его без морализма в центре жизни, где он мог бы предложить жизненность и близость непревзойденной силы. Прежде чем мы сможем придать глубину и богатство нашей сексуальности, мы обнаруживаем ценность глубинного удовольствия и желания, и в то же самое время расслабляем свое тревожное внимание контроля за эмоциями, оправданиями наших жизней через работу и сдержанность, и нашей верой в ценность подавления и страдания.

В нашем обществе секс причиняет боль глубоким мазохизмом, который находит искаженное удовлетворение в подавлении желаний. Этот мазохизм является симптоматической и разрушительной формой капитуляции. Вместо того чтобы войти в наши страсти, позволяя эмоциям течь через наше тело и психику, щедро предлагая себя для близости, мы отрекаемся от радости жизни в пользу какой-либо найденной нами власти, и находим множество авторитетов, готовых осудить нас за наши желания и удовольствия.

В самом сердце секса лежит глубокое утверждение бытия, дающее нам причину для жизни, оптимизма и энергии. На каждом шагу этот процесс может быть ослаблен и ранен страхом жизненности и отсутствием доверия к жизни, другим и самому себе. Везде нам говорят об установке ограничений на Эрос, об осторожности не потерять себя в своей страсти. Но если мы будем слушать эти тревожные предостережения, мы можем приобрести в итоге только капельку самообладания за счет страсти жизни. Эрос может уйти в подполье, как кипящее, темное желание, и поверхность жизни окажется механистической и контролируемой, унылой и лишенной чувства юмора.

Если кто спросит, кто твоя возлюбленная, наставляя Афродита пастуха, скажи им, что это цветочная нимфа, которую можно найти в лесу. Сексуальное желание всегда приглашает душу в иные миры через нимфу, ответственную за красоту и жизненность наших лесов и их растений с цветами. Секс дает нам связь с глубинной природой и корнями. Таким образом, он раскрывает источник, из которого происходят наши жизни.

«Орфический Гимн Эросу» называет его «величайшим, чистым, прелестным и сладостным» и молится ему для изгнания дурных наклонностей из наших сердец. Какое изменение в сердце требуется от нас, чтобы вызвать дух желания и удовольствия, избавления от зла? Все же секс имеет способность умиротворить наше бушующее и страдающее сердце, если только мы сможем даровать ему свою душу.

Глава 2.

Эротическое Тело.

Красота, Лицо, Волосы.

Если мы принимаем всерьёз напоминание Уильяма Блейка о том, что тело представляет собой душу, проявленную посредством ощущений, то следует взглянуть на тело новым путем. Эта точка зрения, совсем не похожая на что-либо существующее в современной культуре, предполагает две проблемы: как нам увидеть душу, когда мы смотрим на тело, и как использовать наши чувства в качестве основных методов познания души. Обычно мы думаем о теле в чисто физических терминах, а душу рассматриваем абстрактно. Люди часто спрашивают об определении души – таком, которое можно было бы понять интеллектуально. Они хотят узнать, бессмертна ли она и каким образом функционирует. Блейк предлагает нам подумать о душе другим путем, как о нечто таком, что может быть обнаружено через прикосновения, обоняние, слух, вкус и зрение.

Мы допускаем ошибку, когда помышляем об ощущении как об исключительно физическом опыте. Как и всё человеческое, ощущение не может быть отделено от воображения. Мы всегда живем в истории, всегда окружены образами и всегда воспринимаем с воображением. Ощущение есть особый способ воображения, основанный на физическом восприятии, но все же определяемый фантазией. Ральф Уолдо Эмерсон сказал об этом, когда заметил, что только поэт может по-настоящему увидеть звезды. На мирском уровне, человек, вкушающий макароны, которые готовила его мать всю свою жизнь, будет иметь сенсорный опыт, во многом зависящий от прошлых воспоминаний и привязанности к матери. Ощущение никогда не отделяется от фантазии, придающей ему значение.

Всем известно, что секс является физическим опытом. То, что мы иногда забываем – тот факт, что даже в разгар экстатического ощущения, мы все еще также глубоки в воображении. Мы не сможем оценить более глубокие аспекты секса, если не рассмотрим поэтику того тела, что говорит с нами через ощущения.

Ландшафт Тела

Тело представляет собой эротический ландшафт с особо интересными областями, некоторых из которых являются общими для всех людей, а другие принадлежат определенным культурам и индивидам. Всегда сложно читать символизм или образность тела, но в целом тело и его отдельные части отражаются в определенных темах психологии личности. Например, совсем не трудно увидеть привязанность ребенка к матери во влечении мужчины к пышногрудым женщинам. Но что означает интерес к ногам и обуви? Что стоит за влечение к мужским грудным мышцам или женским икрам и бедрам? Что означает наше очарование мужскими или женскими «булочками»? Я никогда не принимал общую для ученых идею о том, что бедро является эвфемизмом для гениталий. Бедра имеют свой собственный эрос. А что же представляет собой соблазн нижнего белья, и как глаза могут быть эротично-гипнотическими?

Тело есть мифология, целостность и завершенность сами в себе. Подобно тому, как мы можем обратиться к любым традиционным историям культуры и ритуалам, найти богов войны, нимф роц и ручьев, духов места, то также мы можем посмотреть на тело и отыскать возвращающую грудь, защитные мышцы, пышные волосы, авантюрные ноги и отроческие ягодички. Каждая часть тела, слегка отличающаяся от человека к человеку, является окном в мир значения и

очарования. Это перемешивание фантазии и желания показывает, что тело выражает душу, или даже, говоря языком Блейка, оно и есть душа.

Фрейдистское тело представляет собой территорию кормящей груди, удерживающего ануса и сексуального фаллоса. Но было бы ошибкой ограничивать любую часть тела фрейдистской интерпретацией, неважно, насколько воображаемо детализированной. Например, в работах Маркиза де Сада анус являет собой таинственный объект обожания, а в статуях Артемиды грудь, кажется, не имеет ничего общего с кормлением. Тело всегда доступно для поэтического прочтения, и не нужно придерживаться жесткого способа его интерпретации. Каждая персона, каждая культура, каждый исторический период и каждая теория имеет право на свое собственное повествование на базе образов, которые сложены друг на друга в каждом дюйме сплетения человека. Кожа полна историями, рассказанными и не рассказанными, уже известными и теми, которые только предстоит открыть.

Некоторые древние скульптуры показывают аккуратных, мускулистых мужчин, соревнующихся в беге, бросающих копья и сражающихся в бою. Некоторые изображают мать, кормящую ребенка грудью. Афродита появляется готовящейся к ванне, освобождающейся от сандалий, положившей руки на грудь и лобковую область, оглядывающейся через плечо на свои ягодицы, или рассматривающей свои браслеты и другие украшения. Она, кажется, наслаждается сама собой и часто смотрит на вещи, которые нам бы показались периферийными или несущественными. В целом она представляет счастливой в своей явной непродуктивности, незначительной озабоченности.

Эти восхитительные образы Богини Секса могут помочь исправить наши предубеждения. Для души может оказаться полезным рассмотрение наших тел, пребывая какое-то время в ванной, принимая во внимание наши ювелирные изделия и телесные украшения. Душа может быть возобновлена через долгое купание или час отдыха от занятой жизни в ароматической сауне. Душа может потребовать внимания к ногтям, коже и волосам.

В случае Афродиты, всё тело живо со значением и наслаждением – её улыбкой, положением рук, изгибом ног и формой груди. Мы должны помнить, что статуи Афродиты - это иконы, святые представления Богини, а не только Её портреты, и так каждый тонкий элемент имеет глубокие последствия для сексуальности на личностном уровне и для жизни в самом широком смысле. Изгиб её бедра может быть привлекательным, и он также может что-то сказать об изгибах во всей природе и всей культуре. Её соблазнительная улыбка может напомнить нам о друге или подруге, а также может предложить некоторое глубинное проникновение в очарование природы и вещей. Её жесты настолько точны, что кажутся мудрами, священными знаками, представляющим святые истины. Мы внимательные рассмотрим такие мудры в следующей главе.

Тело Афродиты – это архетип человеческого тела, а также тела мира. Человеческое тело представляет собой миниатюрный мир, каждый из частей которого отражает природу, культуру и ординарную человеческую жизнь. Если бы мы смогли отказаться от некоторых наших современных предубеждений, то

смогли бы смотреть на тело и видеть глубокие тайны жизни. Каждое тело есть мистическое тело, часть поэмы. Если можно узреть целый мир в зерне песка, то мы можем увидеть значение жизни в брови, соске, пенисе и святом духе Афродиты, округлой задней стороне.

Эротическое Тело

Я могу понять огромную любознательность и очарование, связанную в человеческом теле, только благодаря припоминанию инструкции Уильяма Блейка о том, что тело есть душа, воспринимаемая через ощущения. Тело тонко выражает тайну личности и человеческой расы. Как увлекательно наблюдать тела в переполненном общественном транспорте. Мы никогда не устаем от созерцания тонких различий и представлений тела в рекламе и серьезной фотографии. Художники не перестают рисовать тела во множестве стилей и тоналностей, да и мы сами рассматриваем свои тела в зеркале и в семейных фотографиях.

Дело обстоит так, будто бы тело хранит в себе тайну о том, кто мы есть и кем мы становимся. Можно задаться вопросом, а не защищаются ли от жизненной энергии телесного эротизма религии и философии, подавляющие и отвергающие тело. Духовное беспокойство о теле, кажется, происходит из недооценки физической жизни, происходящей одновременно с переоценкой вечности.

Женщины, мучимые анорексией и булимией, рассказывали мне, что от всего сердца сердца желали бы избавиться от своих тел. Некоторые стесняются иметь грудь или изгибы, некоторые имеют потребность состричь свои волосы, а кто-то просто хочет истощаться до тех пор пока от тела ничего не останется. Я стал свидетелем глубокого освобождения таких женщин, когда они начали принимать свои желания и уникальные направления своей привлекательности.

Часто духовность мотивируется анти-Венерой, отступлением в эфирную и бестелесную реальность, где мы можем избежать нашей человечности. В отдельных случаях анорексии мы можем увидеть битву, принятую в целом в культуре, за добродетельную жизнь в явно присутствующем теле. Очевидный материализм нашего времени скрывает экстремальный спиритизм, в котором мы отрицаем необходимость Венеры и живем так, как будто бы могли игнорировать тело. Часто мужчины и женщины настолько сосредоточены на будущем успехе в работе и бизнесе, что впервые замечают свои тела в случаях серьезной болезни и сексуальных влечений, которые их беспокоят.

Мужчины могут быть экстремально застенчивыми в своих телах. Некоторые не могут мочиться в общественных туалетах из-за глубокого смущения. Многие мужчины одержимо посвящают себя тяжелой атлетике и фитнесу, заставляя страдать свое телесное существование вместо того, чтобы наслаждаться им. Очевидно, будучи в состоянии дискомфорта с самим собой, мужчины могут ходить с напыщенным видом и скандалить, как будто бы им нужно проявить свою физическую силу и присутствие.

Одно из первых достижений в примирении тела и духа, которое нужно сделать и которое необходимо для преисполнения глубинной сексуальностью души – это

открытие силы и значения телесного эротизма. Возможно, нам придется ярко осознать, что историческое и психологическое разделение духа и тела, трансцендентного и сознательного, добродетельного и страстного есть невроз, расстройство души. Это не философский выбор, не культурный акцент и не духовная потребность. Оно принимает различные формы как внутри религии, так и вне её, в явной духовной преданности всех видов и в менее очевидных формах самоотверждения, таких как бизнес и политика.

Эти разделения лежат в основе современной Западной культуры, а также пребывают в отдельных сердцах каждого из нас, омрачая наши браки и наши занятия любовью. Это ложные разделения, ненужные оппозиции, которые влияют на все аспекты современной жизни, от личной эмоциональной стабильности до строительства мостов. Для обнаружения души, которая у нас есть, для того, чтобы вывернуть её из материалистического и механистического тела, которое было создано смыслами наших современных философов и соединить его с тонким, исполненным фантазией, мифологизированном телом воображения.

Тело и дух сочетаются браком в часовне души. Они женятся каждую минуту, каждый день, во всех действиях и бездействиях, во всех мыслях и поступках, или же не женятся вообще. Если они не вступят в брак, мы не познаем сексуальности души, и, следовательно, наша сексуальность остается неполной и недостаточно человеческой. Мы не находим душу секса благодаря одухотворению тела, но делаем это принимая ценность его тайн и смело входя в его чувственность.

Красивое Лицо

Один из любопытных эпитетов Богини Афродиты – *philommeides*. Традиция, восходящая к античной литературе понимает *philomrides* в двух значениях: «любитель улыбок» и «любитель гениталий». Афродита часто показывается с легкой улыбкой на лице – этот вид мы находим и в таинственной и интригующей «Моно Лизе» Леонардо да Винчи. Улыбка не может быть сведена к какому-то одному значению, но в связи с другими качествами, ассоциированными с Богиней, мы можем увидеть в ней её восхищение ординарными физическими удовольствиями, ту радость, что она привносит в жизнь, и ее принятие сексуального тела, не отягощенное стыдом.

Тайна Афродиты выражается в улыбке, ибо она знает, что лицо можно использовать с особой утонченностью, дабы вызвать атмосферу секса, притяжения партнера и завлечь любовника в свои чувственные ритуалы. Эта Богиня привлекательной улыбкой являет собой покровительницу обольщения. Посмотрите внимательно на статую Венеры и сможете прочесть многое в её улыбке и наклоне головы.

Некоторые люди привлекательны просто потому, что у них красивое лицо. С небольшим усилием они могут включать сексуальную магию, талант, который может быть величайшим подарком или ужасным бременем. Человек с красивым лицом рождается в мир Афродиты и должен научиться жить в нем. Как и с любым другим даром бессмертных, такой одаренный человек должен найти способ наслаждаться им без самолюбования и превращения в раба эго. Большинство по-настоящему красивых людей, которых я знаю, признают свою благодарность и чувство счастья за рождение красивым или красивой, но в то же самое время

признают, что красота может принести им проблемы и быть ношей, которую придется нести. В том числе они выражают страх потерять свою красоту с возрастом, изумляясь как они будут обходиться без неё. Их физическая красота становится частью их натуры и играет центральную роль в раскрытии их души. Но опять же, то же самое верно для всех нас. Архетипическая человеческая красота светит через каждое тело и каждое лицо, особенно в случае партнера или любовника, и эта красота, с её соблазнительностью, является частью жизни души.

В Мэрилин Монро люди столкнулись с нимфой секса, и она часто жаловалась на то, что люди смотрели на неё, реально не видя её. «Люди имели привычку смотреть на меня, как если бы я была своего рода зеркалом, а не человеком», говорила она. Люди не точно видели себя в ней, ибо это зеркало совершало особую магию. В неё они видели их идеализацию тела и секса, и помимо этого воспринимали её сексуальный дух, нашу нимфу, Богиню, которая так овладела актрисой, что саму личность трудно было заметить.

Мэрилин Монро также наблюдала, что «Настоящий любовник – это тот человек, который может заставить трепетать только прикоснувшись к твоей голове, улыбнувшись или просто глядя в пространство» [1]. Эта простое высказывание точно выражает ощущение вступления в мир Афродиты через улыбку или взгляд. Все, что нужно для этой магии - темно-черные глаза, изогнутые брови, безупречная кожа, влиятельный подбородок или утонченное горло.

Нимфа пребывает в мужчинах так же, как и в женщинах, и когда Она находится там, люди реагируют на Её присутствие, иногда незаурядной неловкостью, и называют это красотой. Кэри Грант начал свою жизнь как Арчи Лич, английский актер, который тяжело работал над созданием персоны обходительного любовника в кино – взгляд, походка, акцент. Его биограф Грэхам Мканн ссылался на персону Гранта как на «кластер идеализированных качеств» и цитировал кинокритика Полина Каела, описывающего Гранта как «самого публично-соблазнительного мужчину мира, которого я знаю». Он отмечает, что скандальная Мэй Уэст однажды смерила его взглядом и сказала: «Вас можно иметь» [2].

Мы можем взять на себя задачу Афродиты и поработать с тем сырьем красоты, что нам дано. Лицо позволяет нам эротизировать наши истинные личности творческим образом. Губы, зубы, нос, брови и кожа, вместе со всей заботой и медицинским уходом, которые мы можем дать им, служат духу, для которого тело и его сексуальность являются центром жизни, хотя мы и можем судить о них поверхностно.

Косметический стоматологический уход и пластическая хирургия могут быть списаны как работа тщеславия, но они также могут быть душеспасительными ресурсами, благодаря которым наша глубинная, живительная сексуальность поддерживается и окружается заботой. Наша сексуальная нимфа не удержит сердце бьющимся, а мозг работающим, но она дает жизнь стоящей, и её работа имеет важное значение для выживания души.

Эротические Волосы

Глаза, ямочки, лоб, щеки, плечи – всё из этого может отправить тысячу посылов в воображение личности, делая её одержимым любовью, как мы помним – это

может быть рисунок, фотография и просто обсуждение некоторых малых особенностей личности, которую мы любим. Один элемент, который привлекает особое внимание в живописи и литературе – волосы. Причесанные, окрашенные, бритые и оформленные в соответствии с продиктованным значением, удовольствием и привлекательностью, волосы заслуживают особого внимания как в жизни, так и в искусстве. В реальности секса волосы действуют особым магическим образом.

Волосы имеют особое значение в религии и сообществах, посвященных безбрачию, где отвод внимания от волос представляет серьезную озабоченность. Когда я жил в католическом религиозном ордене, мне поручали коротко стричь волосы, примерно три четверти дюйма длиной. Правила запрещали использование шампуня и отращивание бороды и усов. Конечно, на протяжении веков монахи призывались на постриг, дабы обрить голову, что являлось знаменем их инициации в религиозную жизнь. Восточные монахи все еще бреют свою голову целиком, тогда как йоги никогда не трогают и волоска.

Короткие, ровные волосы могут помочь монаху в удержании своего обета, тогда как проповедник может помочь сексуальному проявлению его роскошной прически – религия полна сокрытых эротических сигналов. Как это часто бывает, религия показывает нам крайности определенных паттернов, которые распространены в нашей повседневной жизни. Глубокие сдвиги могут происходить в душе в те обычные, но решающие моменты, когда мы решаем изменить нашу прическу, сбрить бороду или изменить цвет волос.

Многие ритуалы и истории о волосах также предоставляют некоторые подсказки о жизни фантазий, смешивающихся с нашей сексуальностью. Когда я рос в Католической школе и семье, существовал строгий обычай для женщин – покрывать свои волосы всякий раз, когда они были в церкви. Я никогда не задумывался о значении покрытия головы и всегда считал, что это традиция почтения, аналогичная запрету для мужчин не носить шляпы в церкви.

К.Г.Юнг предложил интересную интерпретацию этой практики, о которой я никогда не слышал от монахинь и священников. Он сказал, что по традиции проблема была не в том, что мужчины на собрании могли искушаться видами непокрытых женских волос, но в том, что ангелы могли броситься в восторг в их присутствии. [3]?. Он поясняет, что в некоторых традициях ангелы были не столь чистыми, как мы думаем. Иногда они проявляли сексуальное рвение, соответствующее любому человеческому желанию, и, видимо, не могли устоять перед очарованием волос.

Нам часто говорят, в той или иной форме, о противостоянии соблазнам мира, плоти и дьявола. Но живущие яркой духовной жизнью ангелы и духи тоже соблазнялись нашей повседневной жизнью. Эта легенда об ангелах, которых привлекают красивые человеческие волосы, сообщает нечто глубокое о духовной жизни и силе сексуальных волос. Прекрасная, привлекательная жизнь воплощена в красивых волосах, и культивация этой жизни, включая сексуальную потенцию волос, играет важную роль в нашем полном участии в нашей человечности.

Философия Возрождения видит физическую красоту как часть цепочки от тела к духу. В своей книге о любви Фичино говорит, что мы можем подняться от души к ангелам и Богу средствами красоты [4]. Я рассмотрел эти уровни реальности весьма ординарными путями. Я могу могу восхищаться волосами своей дочери, но эта красота сразу приведет меня к чувству любви в ней, и через неё к любви к жизни, а через эту любовь к жизни к признательности абсолютной и бесконечной красоты. Я легко убеждаюсь в существовании Бога через старый аргумент красоты, но цепочка начинается с прекрасных рыжих волос ребенка.

Как часть целого, волосы представляют земную человеческую жизнь в всей её чувственности. В 1922 году британский скульптор и каллиграф Эрик Гилл опубликовал гравюру на дереве под названием «Бракосочетание Бога», изображающую женщину, стоящую с вытянутыми руками напротив тела Иисуса, висящего на кресте. За исключением рук и двух участков ног, всё, что вы видите – это волосы во всю длину тела, покрывающие весь торс Иисуса. Для Гилла это сближение страдающего Христа и человеческого волоса представляет глубинную мистерию духовной жизни, эротическое единение Христа и его церкви.

Эрик Гилл, «Бракосочетание Бога»

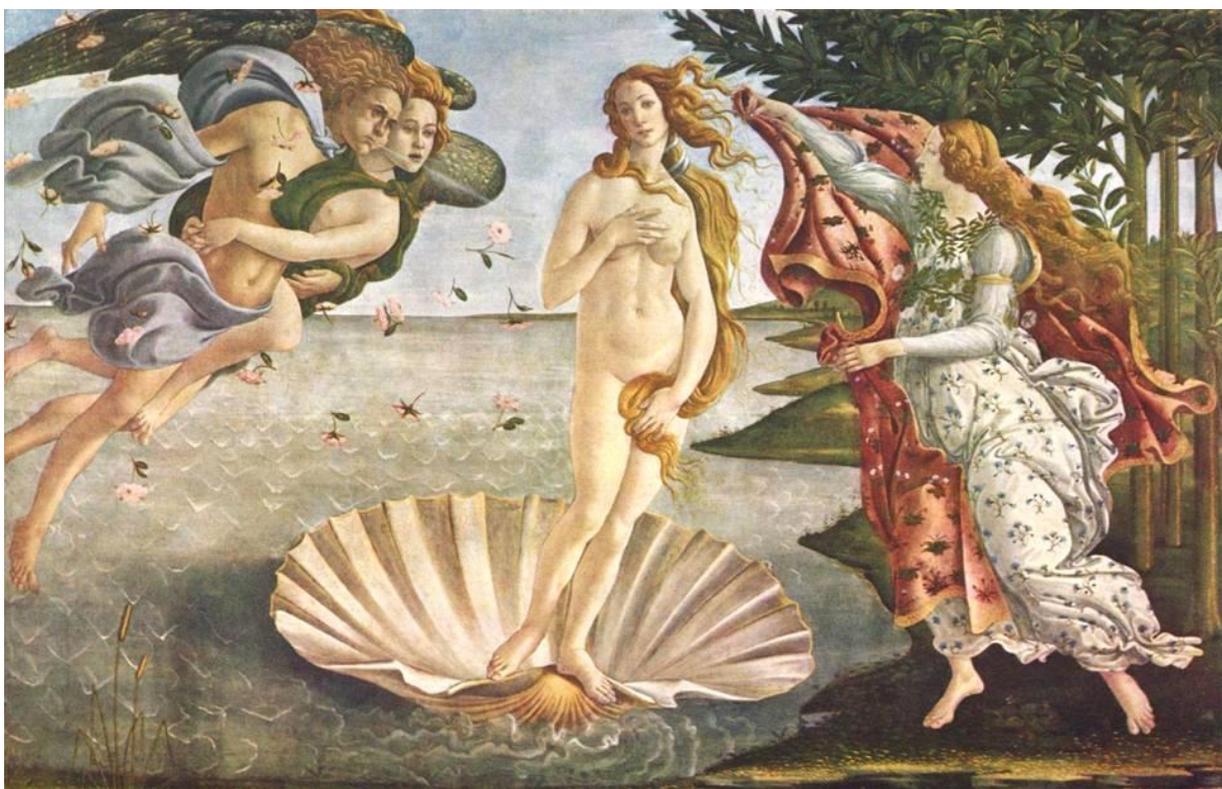
Гравюра оказалась для некоторых нежелательной – конечно, не только потому, что женское тело прижимает распятого Христа, но также потому, что все, что вы видите в ней – это длинные распущенные волосы. Она перекликается с традиционным образом Марии Магдалины – женщины, узнаваемой в легенде из-за своих волос и сексуальности. Она также является чувственной душой, находящей завершение в любовных объятиях возвышенного духа. Всю свою жизнь я обращался к смелому, чувственному богословию Эрика Гилла и его красивым изображениям, которые сочетаются с необыкновенной оригинальностью, страстной духовной практикой с пылкой чувственностью. С его превосходной интуицией его эротические и духовные гравюры и скульптуры

залечивают раны, всякий раз, когда тело отрывается от духа и эти оба путаются существовать отдельно друг от друга.

Монах бреет свою голову во имя трансцендентной духовности, тогда как женщина, преданная другой, более земной духовности, не менее важной или добродетельной, заплетает свои волосы или улучшает их вид при помощи укладки гелем. Мужчина или женщина, стоя перед зеркалом и занимаясь разбросанными волосами в этом месте совершают ритуал, истинный ритуал в религии Афродиты. Расчесывание волос есть способ ухода за вашей душой. Конечно, это может оказаться пустым и самовлюбленным делом, но ведь каждая человеческая деятельность может быть или истинной в своей самоотдаче, или невротичной в своем эгоизме. Афродита есть лицо души, и её мир заманчивой красоты и заботе о теле является верным и эффективным путем к душе.

Собственная Красота Души

Красота, качество тела и характер, глубоко лежит внутри провинции Афродиты, но при все нашем внимание к физической красоте, мы часто игнорируем красоту души и мира. Мифы, ассоциированные с Афродитой, побуждают нас видеть красоту не только как физическое качество, но и как вызывание духа. Великолепная, почти сюрреалистическая фигура Венеры в работе Боттичелли и Лукаса Кранаха, вызывают этот дух красоты различными путями, заманчивыми поражающими.

Сандро Боттичелли «Рождение Венеры»

Такие тела искусства Венеры, облаченные в не более чем «намек на одежду», не являются буквальным отображением человеческого тела. Скорее, они показывают, что духовное тело видимо только под одеждой и за украшениями

человеческой личности. Представляя множество раз Адама, Кранах вызывал первоначальную красоту в её совершенным пропорциях, красивом лице и уязвимых позах. Эти и бесчисленное множество других эротических образов из искусства демонстрируют множество способов, где сексуальная нимфа может быть призвана наружу в нашей ординарной жизни и через наши ординарные тела.

Жизненное совершенствование красоты не требует, чтобы человек был великолепным или благообразным; он может состоять в довольно незаметных знамениях присутствия нимфы. Я знал одного человека, чьё лицо было несколько деформировано, но его голос был ангельским. Слушая его звучание, вы могли бы сразу оказаться очарованными и захотели бы узреть музыку его красивой речи, несмотря на лицо. Человек может не быть типично красивым, и все же вы сможете получить удовольствие от его эротической формы щек или изгиба губ. Потому что это нечто большее, чем продукт косметики и эстетики, красота способна завораживать. Это есть делание магии, что служит сексуальности, ибо она предполагает удовольствие и вызывает желание единения.

Джеймс Джойс анализировал красоту, основываясь на работе Фомы Аквинского, рассматривал великолепие вещи как первичный источник её красоты. Это великолепие, которые может быть воспринято «блестящим» человеческим разумом, имеет причину в «очаровании сердца» [5]. Интересно, в этой связи, что Греки описывают Афродиту как одну из тех, кто сияет подобно рассвету. В поэме о новой невесте, Сапфо вызывает в воображении это представление о красоте:

*Очаровательна на вид,
С глазами нежными как мёд,
С лицом, что светится любовью,
И со своею красотю.*

В Сапфо это любовь, которая вдохновляет великолепие, наблюдаемое нами как красота. Особенно как часть секса, красота являет собой результат притяжения, желания и удовольствия, а не фиксированных физических качеств. Это сияние души проявляет себя в выражении лица и его врожденных чертах, или лице, оформленном в определенный пылающий вид спустя годы опыта. Мы воспринимаем эти незримые лучи через очаровательное лицо, даже если это лицо не волнует других и по всем текущим стандартам является обыкновенным. Мы можем быть пленены, будучи не в состоянии думать о чем-то другом, и отчаянно желать, чтобы это присутствие никогда не покинуло нас, ибо настолько сильной и значимой оказывается его красота.

Старение, несомненно, уменьшает красоту, но не может уничтожить ту красоту, что представляется сиянием души, ибо тело подобно душе частично существует за пределами времени и по разному подвергается воздействию проходящих лет. Для этого может потребоваться человек необычной проницательности или человек с опытом. В труде «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста, когда Марсель видит нестареющую Одетту после множества лет, то говорит: «Я не сразу узнал ее, не потому что она изменилась, а напротив, потому что она не изменилась» [6]. Душевная красота воспринимается через ощущения, но вневременные.

Независимо от источника, сияние лица играет центральную роль в сексе – так, что в момент страсти человек может посмотреть на своего партнера и мельком увидеть саму Афродиту, уже не замаскированную под человека, который скользнул в постель. Пожалуй, главная цель секса – достижение этого апофеоза, когда любовник-человек вызывает моментное восприятие Божественной Красоты, превращая занятие любовью в настоящий ритуал. То, что мы называем «хорошим сексом» должен быть не менее чем вневременным ритуалом такой эффективности, что мы глубинно затрагиваемся духом Афродиты, столь успешно призванным.

Д.Г.Лоуренс, который ясно осознавал эту тайну Божественной сексуальности, писал:

*Чем хорош мужчина,
Если не проблеском Бога в нем?
И чем хороша женщина,
Если не своим проблеском Богини того или иного рода?*

В этом определении каждый и любая могут быть красивыми. Пожалуй, только любовник может видеть красоту души, отражаемую на лице или теле возлюбленной, но даже при этом красота является реальной и играет важную роль в сексе. Это признак того, что Венера была призвана, и что она ответила. И, как говорили древние, Она представляет собой неперемное условие секса. Она придает новое значение слово «нимфомания», которое можно определить по линии Платона и множества его последователей как эротическое безумие или неистовство. Нимфо-мания становится измененным состоянием сознания, в котором мы добиваемся успеха в созерцании нимфы в мужском или женском теле, той нимфы, чья задача – окрасить человеческую жизнь чувственными и сексуальными чудесами.

Ближе к концу необычайно сложного романа «Лолита» Владимир Набоков помещает прекрасное изречение, охватывающее суть его необычной истории о мужчине, влюбленного в молодую девушку и пересекшего грани здравомыслия: «истинная сущность моего "извращения" зависит не столько от прямого обаяния прозрачной, чистой, юной, запретной, волшебной красоты девочек, сколько от сознания пленительной неуязвимости положения, при котором бесконечные совершенства заполняют пробел между тем немногим, что дарится, и всем тем, что обещается, всем тем, что таится в дивных красках несбыточных бездн». Гумберт Гумберт может быть назван нимфоманом, но Набоков напоминает нам, что сексуальное желание может быть желанием жизни, страстным стремлением к бессмертному совершенству, выраженному в земном притяжении.

Эта тема еще сильнее выражены в древней сказке об Эросе и Психее, где в решающий момент Психея, душа, нарушает запрет не взирая на своего возлюбленного и смотрит на Эроса, который есть Любовь сам по себе, «красивый Бог, лежащий в статной позе». Она долго смотрит на его красивое лицо, его пышные волосы, его «безволосое и румяное тело» [7].

Эти и другие древние истории рассказывают о притяжении души к человеческому телу, особенно к лицу. Помимо мистических и глубоких психологических последствий этого, мы можем просто признать важность нашей собственной красоты и привлекательности, ведь это прекрасно, даже если незначительно и относительно. Философы Возрождения говорили, что красота представляет собой одну из милостей человеческой жизни, дар и силу, которая не должна быть недооценена.

Глава 3. Фаллические и вагинальные мистерии.

Сексуальные органы и их смыслы.

Простое присутствие тела способно вдохновлять мириады смыслов. Человеческое тело преисполнено значений в каждой своей части. Возьмем даже запрет насчет секса – ведь то, сколько обнаженности может быть показано в официально одобренном фильме, насколько больше возражений вызывает мужская обнаженность спереди, чем женская, насколько продолжительно обнажение — все это выдает исследовательский интерес в области эротического значения точно вымеренного показа тела. Насколько же мощными и пленительными оказываются детали тела, что мы измеряем секс в сантиметрах.

Кое-что из этого возникает, когда мы фокусируемся на половых органах как таковых - пенисе и вагине. Половые органы приводят к таким примитивным и фундаментальным мыслям и чувствам, что вызывают и крайнюю заинтересованность, и крайние меры контроля.

Поскольку мы продолжаем отслеживание души секса в нашем теле, мы можем рассмотреть сексуальное тело как созвездие образов, а не как совокупность механических органов, тем самым обнаруживая душу в самых неожиданных местах. Половые органы не только играют огромную роль в нашем сексуальном воображении, но они также дают начало религиозному ритуалу, смыслу и искусству. На самом деле, религии показывают, что половые органы и способность тела к сексуальной выразительности не только имеют какой-то смысл, но и передают величайшие и глубинные истины о человеческой жизни.

Пенис и Фаллос

Я помню урок, которому меня научил мой друг, профессор Рафаэль Лопез-Педраза. Суть его в том, что душа иногда манифестирует себя наиболее непосредственно в причудливостях и странностях человеческой жизни. Я хотел

бы начать наш поиск души в половых органах со странного интереса, проявляемого к их весу и размерам.

Японская эротика показывает пенис взвешенным и измеренным, и недавно я столкнулся с образом женщины, удерживающей свою грудь возле шкалы. Мужские журналы обсуждают длину пениса и его охват, иногда в забавной форме, а иногда пытаюсь успокоить мужчин, обеспокоенных размером своего пениса. «Хорошо взвешенный» мужчина или хорошо одаренная женщина представляют собой нечто от идеала, к которому стремятся люди, и они часто имеют чувство неполноценности, когда их органы ему не соответствуют. Мне приходилось консультировать женщин, глубоко обеспокоенными большими или маленькими размерами своей груди, а также мужчин, которые приходили с озабоченностью по поводу пропорций своего пениса.

Это тревога не имеет смысла на чисто биологическом уровне, и обычно авторы журналов уверяют мужчин, что физически они могут иметь сексуальное удовлетворение, несмотря на размер их члена. Но эти авторы не видят другого – того, что это беспокойство имеет больше общего с символическим резонансом фаллоса, чем с физическим пенисом. Все это создает путницу в сексе: восприятие органов, желаний, фетишей, образов и путей занятий любовью слишком буквальны, и это не в состоянии привнести достаточно богатое воображение к ежедневной сексуальной озабоченности.

Самый простой психологический анализ увидит параллель между пенисом и эго – большой пенис, более уверенное эго. Но как же так случается, что пенис раздувает эго? И почему размер груди имеет такое эмоциональное значения и для мужчин, и для женщин?

Пенис являет собой необычайно плодотворный источник мифологии. Подобно тому, как радужный свет раннего утра вдохновил Греков на представление мифологической фигуры Эоса, Рассвета, который затем идентифицировался с «бриллиантовой» Афродитой – так и пенис есть настоящий феномен в телесной географии, способный возбуждать воображение. Фаллос представляет собой мифологизированный и окруженный фантазией пенис, а мифическая фантазия, конечно же, распространяет на каждый аспект мужской и женской лобковой области.

Размер пениса – это уже давняя часть такой мифологии. Мужчины, кажется, гордятся тем, что дает им большой и длинный пенис, и разговоры о том, что это эго или личная власть – слишком простое объяснение этого явления. В некоторых культурах фаллос представлял собой символ Божественной потенции. Возможно, некоторые мужчины, сознательно не зная об этом, ищут реальную магию в большом пенисе, словно достаточный размер – это удовлетворяющее условие для трансформации пениса в фаллос. Чем больше пенис, тем более величественен миф. По мере развития сюжета обычно происходит так, что такой мужчина дарит женщине удовольствие от супермена и гордится интенсивностью её реакции. Женщина может выражать озабоченность по поводу размера пениса её партнера, и здесь также может иметь место фантазия по поводу величественного значения пениса.

Из-за светского направления мысли мы видим личные вопросы там, где другие культуры могли узреть миф и религию. Когда мы исследуем образы, где пенис или грудь измеряются и взвешиваются, мы склонны видеть тревожное эго, замороженное тем, что оно измеряет. С менее светской точки зрения, мы могли бы заметить, что пенис представляет собой жизненную потенцию в самом широком смысле, в которой мы нуждаемся и которой жаждем. Нет ничего невротичного или эгоистичного в желании плодовитости и потенции, которые воплощаются и ужимаются в образ пениса.

Человек хочет даровать своему партнеру удовольствие, и он чувствует величие и осуществление через её (или его) отзывчивость и наслаждение. Эрос является огромным источником энергии и удовлетворения. Если мир любит вас, вы не будете чувствовать себя слабым и незначительным. Мужской поиск большого пениса может быть более глубоким поиском фаллоса, источника эротической жизненности. Совет журналистов корректен – размер пениса не является существенным. Тем не менее, история о желании большого пениса важна, ибо каждый, мужчина и женщина, встречается в пенисе с частным аспектом жизнеспособности. Чем больше пенис, тем более мы можем ощутить миф и более можем вообразить эротическую силу, сокрытую в этом образе.

Женщины древней Греции махали огромными деревянными фаллосами во время религиозных процессий. Это не было рекламой больших пенисов; они праздновали фаллическую потенцию в жизни, Божественную силу, которая представляет собой большее, чем человеческая страсть на всю жизнь. Такого фаллоса мы жаждем в браке, любви и сексе, и речь необязательно именно о большом пенисе. В духе Японских рисунков с взвешиванием пениса, рассказывающих историю о весе Эроса в жизни – ничто в данном случае не является таким простым и буквальным, как кажется (особенно, в области секса).

Литература о фаллосе, которая обзорекает его важность в мужском опыте, часто изобилует важными идеями, но если мы рассматриваем фаллос исключительно как пенис (как аспект мужской физиологии и психологии), то возникает опасность буквализма и ограничения значения этого символа. В отличие от пениса, опыт жизни с которым субъективно имеется у мужчин, фаллос доступен как для мужчин, так и для женщин, размахивают ли они им в процессии, наслаждаются ли им в сексе, или же прикрепляют его резиновый эквивалент. В воображении фаллос не ограничен буквальным полом.

Маленький пенис имеет свою собственную привлекательность в воображении. Спокойный, нормальный, обычный, поникший член, на мой взгляд, также представляет собой часть мифа о фаллосе. Мужчина знает взлеты и падения желания частично через свой пенис, и обычное состояние поникшего бытия также важно, как и возбуждение. Нахождение в постоянном «припухшем» состоянии нежелательно, будь то в случае рассмотрения реального члена или же эмоциональных желаний и волнений. Древняя запись пьесы Аристофана «Acharnians» ссылается на людей, которые несли большие изображения пенисов в процессиях под названием *phallophoroi*, носителей фаллоса. Там говорится, что однажды, когда жители Афин отказались почитать Диониса, «тяжкие болезни напали на мужчин в их интимных местах», и эта болезнь называлась сатириаз –

заядлая сексуальность [1]. Может ли наш социальный сатириаз быть связанным с пренебрежением религиозными аспектами секса? Сегодня мы еще используем слово «припиазм», после фаллического бога Приапа, для состояния в котором мужчина не может избавиться от эрекции – налицо физический аналог несдержанной сексуальности. Чествование пениса только в состоянии эрекции может представлять собой психологический вариант припиазма, а именно – невозможность облегчить свою озабоченность сексуальным возбуждением.

Очарование пениса касается не только власти. Также это нуминозный источник таинственного. С одной стороны, пенис – это общее, ординарное и незначительное, а с другой – находится в центре внимания и интереса в связи со своими размерами и функциями. Этот орган относительно невелик, но миф весьма величественен, и этот миф много значит для воображения и поиска душой смыслов. Интересно, что слово «очарование» представляет собой фаллический термин, используемый древними Римлянами для отсылки к амулету в форме пениса, что носился на шее для защиты от злого глаза [2].

Много объяснений предлагалось на тему того, почему древние греки помещали на свои двери *гермы*, каменные столпы, увенчанные бюстом Гермеса, часто с приложением фаллического образа. Среди всего прочего, это должно было быть эмблемой защиты. Они также помещали фаллические образы на захоронения, предположительно в связи с Гермесом, особым фаллическим богом, наставляющим души в загробном мире. Образ Божественной силы, дающей уверенность перед лицом смерти, должен также обладать целительными свойствами, хотя бы потому, что служит жизненному принципу.

Почему бы не распространить эту идею на повседневную жизнь и не предположить, что секс может быть целительным? Демонстрация тел друг другу (особенно его сокрытых частей, органов, которые обычно закрыты), может помочь исцелить брак или держать каждого человека в живости и трепете – как говорили древние Греки, в контакте с бессмертием. Естественно, что тревожная личность способна использовать силу фаллоса для личной выгоды, но злоупотребление фаллической силой отрицает его целительную потенцию.

Технологически примитивные сообщества используют сексуальную силу для поддержания общества и остаются в полном согласии с природой, тогда как мы сводим секс в нашем коллективном воображении к физическому и эмоциональному измерениям, пытаюсь жить яркой жизнью, отрезав себя от источника сексуальности.

Фаллос представляет саму жизнь – производительную, приятную, восходящую и испытывающую падения, проникновенную, целительную, выносливую. Наше мощное влечение к образам, подобным фаллосу и груди (или даже ягодицам и промежности) может служить простым подталкиванием нас к оживлению и жизни с избытком. В древнем мире сексуальные органы были связаны с рогом изобилия, образом обильных жизненных даров.

Возможное полное исцеление представляет собой способ сломить стену привычки и культуры, и позволить природной чувственной жизненности просочиться сквозь наши мелочные идеи и робкие сдерживания. Оргазм в самом

широком смысле представляет собой важный дар секса – коллапс контроля сопровождается целительным вливанием жизненности.

Во времена невротического мужского доминирования и ревнивой обороны, трудно говорить в пользу почитания фаллоса, но мы сможем выйти за пределы личностных вопросов и гендерных сражений, если захотим подключиться к глубинной душе секса. Мы должны быть в состоянии провести различие между невротическим злоупотреблением фаллической властью и подлинным почитанием сексуальности. Древние мифы и ритуалы даруют нам вкус безбрежного значения фаллоса, который выходит за пределы наших биологических и психологических позиций по отношению к половому члену. Это новое понимание секса и его образности призывает нас оставить позади наш невроз и ханжеское подавление жизни. Наше беспокойство по поводу сексуальной образности не такой уже праведное и возвышенное, как нам кажется; оно может оказаться страхом перед базисной плодотворностью и жизненностью.

Фаллос – это не образ мужского эго; это представление потенции Земли и жизненной способности к творчеству и удовольствию. Древние и примитивные празднования фаллоса проводились с радостью, смехом, комедией и торжеством. Такой фаллос точно не символизируется древними образами деревьев, быков и молний, которые связываются с ним. Скорее он представляет собой силу жизни, которую мы встречаем в ошеломляющих откровениях природы. На самом деле, фаллос является проходящей через нас (мужчин и женщин) силой, и в этом источнике жизненности мы можем найти творчество и энергию, которая нам нужна, чтобы жить и процветать. Древние люди знали, что эго недостаточно для сотворения воистину творческой жизни. Они знали, что благодаря их идеям магии, куда глубоко был вовлечен фаллос, мы получаем природную силу, и что нет более лучшего и эффективного примера природной обители в нас, чем наша сексуальность, с её автономными реакциями и невыразимой способностью создать новую человеческую жизнь.

Пенис, что мы наблюдаем в порнографии, не является истинным фаллосом; скорее, это плохая попытка восстановить фаллическое измерение для члена. Порнографические члены представляют собой симптомы нашей потребности заново открыть для себя фаллос и его религиозную признательность для таинственной потенции жизни. Подобно древним, носящим огромные пенисы на своих процессиях, мы воображаем пенисы в необычном измерении и фотографируем их различными путями, позволяющие им казаться огромными и отдельными от индивидуальной личности. Но мы еще не имеем религиозной признательности по отношению к пенису как презентации могущественной силы жизни. Религиозные учреждения остаются близкими к порнографии, иногда в искусстве, а иногда в своих хитроумных смыслах подавления, ибо, в конечном итоге, все это связано с глубинным значением жизни и её тайной. Подобно Исиде, разыскивающей потерянные органы своего брата Осириса, мы пребываем в поиске члена, который не может быть представлен медициной – пениса, который привел бы нас к глубине жизни во всех её творческих и динамических удовольствиях.

Образы и Жесты, подразумевающие Член

Порой легче узреть величайшее значение сексуального тела (свою душу) в определенных жестах и культурных выражениях, чем в простой анатомии. Изображение фаллоса в Помпеях может повести нас в увлекательных направлениях рассмотрения пениса как образа изобилия жизни. В Помпеях некоторые из фаллических образов увенчаны колоколами и лампами, а также прилагаются к животным, таким как улитки, черепахи, мыши и львы. Образы животных помогают оживлению объекта, и здесь мы получаем впечатление, что фаллос имеет свою собственную жизненность, не нуждаясь в человеческой личности для своего подтверждения.

Пенису часто даруются крылья не только потому, что он поднимается и опускается по велению страсти, но также и для придания ему живости и автономии. Как советуют многие руководства, один из ключей к хорошему сексу – это просто позволение телу реагировать на прелюдии без вмешательства контроля и мышления. Изображение бога Эроса с крыльями, дает прямое выражение идеи полёта, высоты эротизма и процветающего эротического желания, а также, возможно, духовной природы этого.

В другом примере бог Приап льет масло на своей эрегированный пенис, явный знак признательности и чести. Мы можем рассматривать использование масла в сексуальной игре не только как средство смазки, но и как способ призвания древней признательности плодородию и здоровью.

В разных местах планеты, пенис может показываться прикрепленным к мужчине, но с большими пропорциями. В одном древнем искусстве можно даже увидеть скульптуру человеческого тела с пенисом во весь рост. В Помпеях показывается человек, поднявший одежду для того, чтобы показать огромный эрегированный пенис – этот жест часто используется в женском эротическом отображении, что мы рассмотрим в ближайшее время.

Эмоциональные качества, связанные с этими вариантами фаллоса, включают юмор, почести, игривость и жизненность. Мы можем восстановить эти качества в нашей собственной сексуальной жизни и далее в культуре, но это потребует здорового образного мышления и глубины жизни, преодоления завесы морализма и персонализма, дабы узреть преображение светского пениса в священный фаллос.

Фаллическая Фигура

Вагинальный путь бытия

Возможно, из-за «личностного» комплекса, который захватил нашу культуру, мы рассматриваем фаллос как личную силу, а не жизнеспособность. С таким акцентом на власти, мы просто не замечаем образность вагины, которая являет собой богатый образ души, преисполненный своего рода потенцией, которая крайне необходима и всегда в недостатке.

В легенде, народном искусстве и ритуале, вагина ассоциируется с многочисленными вещами, которые разделяют её физические контуры, а также

глубинное значение. Каждый из связанных объектов сообщает нечто о вагинальной мистрии, во многом открывая её смыслы таким же способом, как пенис расцветает в фаллос.

В «Царе Эдипе» Софокла, слепой провидец Тиресий припоминает Эдипа, который, в своих различных путешествиях (в пьесе он часто именовался штурманом своей лодки), обнаружил гавань в доме своих родителей; т.е. он обнаружил путь к влагалищу своей матери. Фрейдистский психоаналитик Шандор Ференци описывает половой акт как возвращение пениса-ребёнка в материнскую утробу. Эта утроба, по его словам, есть на определенном уровне само первоначальное море, где рождается жизнь. И грек, и психоаналитическая литература дарует нам сильный эмоциональный образ вагины, как убежища от угроз и забот жизни, целевая регрессия к нашему спокойному происхождению. В «Эдипе в Колоне», когда Эдип готовится к смерти, он движется от занятой городской жизни к священной природной чаще, где могут находиться только боги и духи – налицо священная альтернатива с «чащей» его матери и параллельно с моментарной гаванью, где он её обнаружил. Мы можем понимать трагедию Эдипа не в личностных терминах, но как архетипический поиск успокоения жизненных тревог и героизма, выраженных в образе матки и гробницы.

В сильном героическом мире, где мы все (мужчины и женщины) ожидаем столкновения лицом к лицу с нашими проблемами, отрезающими наш жизненный успех, где имеет место совершенная независимость и индивидуальность, вагина предлагает обратное стремление. Вагина может быть обнаружена в семенах, пещерах, кольцах, треугольниках, раковинах, цветах и фруктах – по большей части речь о «контейнерах», где жизнь зарождается и расцветает. Это также врата и двери, печь, алхимический перегонный куб и очаг, дольмены, сад, путь, сердце, путь и судно. Вагина – это святая святых, место, где пенис находит дверь к блаженству и куда приходит человеческая жизнь из вечности.

Эта реальность души, главным образом, представляет вмещение, сотворение, согревание, обеспечение. Когда моей дочери было четыре года, она все еще пыталась имитировать возвращение в чрево своей матери, ползая под развевающейся рубашкой или халатом. Она, казалось, была двойственной по поводу «входа в жизнь» (если говорить грубо) и предпочитала вернуться в место безопасности и комфорта. Я чувствую тоже самое, когда я путешествую, или ищу покоя в теплой ванне и под теплым покрывалом в холодную ночь.

За годы своей терапии я заметил, как часто и мужчины и женщины жаждут отступить от жизни в место безопасности и покоя, тем не менее, стесняясь этой неудачи в героизме. Все же имеет смысл искать такие места с ощущением безопасности и удерживания, будь то в уютном доме или городе, в объятиях отношений или чувственной теплотой секса. Даже когда секс является страстным и агрессивным, я думаю, что потустороннее и вечное убежище вагины находится где-то в глубине фантазий влюбленных. Женское сексуальное великодушие проявляется в глубокой регрессии и сдерживании, что она может предложить, а также в силе её выразительной любви. В сексуальной позе полового акта, она есть мир, сама жизнь, величайшая мистрия всего, которая лежит за пределами и за героизмом, возникающим в процессе жизни.

Есть и другие архетипические женские образы, такие как греческая Артемида и Афина, где акцент делается на грядущем, развитии, силе, воинственности, индивидуальности и личной целостности. Тем не менее, восприимчивость вагинального прибежища представляет собой величайшую важность для эмоций и значений. Наша культура, в частности, пренебрегает этими обоими элементами и остро нуждается в этом измерении Эроса и желания.

Один из глубинных мотивов современной жизни – предложение о том, что жизнь находит смысл или обоснованность (эти два понятия часто являются взаимозаменяемыми) в делании, а не в бытии. Это весьма сомнительное предположение оспаривается в большинстве религиозно-мистической литературе, и настоящая причина этого может быть в нашем страхе перед женской загадочностью и в агрессивности по отношению к ней. Мы можем прийти к признанию вагины только после того, как рассмотрели и приняли её глубинные тайны, и обнаружили, что полное присутствие и безопасность в наших собственных жизнях может стать основанием творчества.

Позы Венеры

Мы можем рассматривать религиозные статуи и картины как иллюстрации соответствующих убеждений или теологических идей. Еще один путь – узреть позы священного искусства как таинственную презентацию сакрального акта. Жесты Афродиты делаются руками и туловищем во многих образах, что указывает далеко за пределы эстетики - к представлению её личных мистерий.

Когда я обучался в университете в середине 1970х годов, я перенял курс под названием «Женщина в Мифе». Он преподавался профессором, обучавшем антропологическим подходам к религии, но я обращался к теме с литературной и психологической точки зрения. Это было еще до появления книг, объясняющих роль Богов и Богинь в личной жизни, и, таким образом, имелось мало прецедентов, готовых наставлять меня. Подготавливая секцию курса о Венере-Афродите, я заметил, что эта Богиня представлялась в определенных традиционных позах, и я решил изучить их как нечто подобное мудрам Будды – жестам, которые имели особые значения и выражали природу архетипической реальности, представленной посредством Божества.

Так как Афродита представляет собой классическую богиню секса, её ритуал и искусство поз предлагают нам возможность поразмыслить об определенных сексуальных аспектах. Например, классическая Венера в Капитолийском Музее в Риме, помещает свои руки перед своей грудью и половыми органами. Налицо амбивалентный эффект, указывающий и на скромность и на обольщение. Я читал множество исторических интерпретаций исторического подтекста этого жеста, но для меня это есть очарование при неэффективной попытке прикрыть свое тело. Естественно, Богиня неохотно показывает себя смертным, и эта сдержанность в сексуальном божестве может проявляться как скромность. С другой стороны, Афродита известна своим сексуальным умом и кокетством. Частично покрытое тело может быть более заманчивым, чем откровенно обнаженное, и она может таким образом сознательно повышать свою привлекательность.

Этот жест также представляет две стороны секса – открытость и таинственность. Люди часто впадают в крайности, будучи либо излишне раскованными, либо чрезвычайно защищенными. Я чувствую смущение, когда люди, которых я не знаю, начинают рассказывать о занятии любовью в обычном разговоре, но я не могу сказать что является нормой. Уверен, что лично я склоняюсь к сдержанности. Когда я смотрю на Капитолийскую Венеру, я чувствую её девственную чувственность и её сексуальность, удивительную и аккуратную, присутствующую в её скромном самолюбовании.

Венера Капитолийская

Капитолийский жест, в котором её руки подчеркивают и скрывают её сексуальность, намекает на сложность сексуальности Венеры. Другие классические позы также раскрывают нечто о природе секса даже более таинственными путями.

Анадиомен

Афродита выходит свежей и благородной из моря в славной позе, как это хорошо изобразил Боттичелли в «Рождении Венеры». «Анадиомен» означает «восхождение после погружения». Это таинственное явление выхода из широкого моря показывает сексуальные чувства, ощущения и пробужденное вхождение в сознательное из глубинного источника внутри нас (или, по крайней мере, из резервуара жизненной возможности). Вольными и карикатурными словами Глостера поэта Чарльза Олсона, «она вышла из генитальных волн». Сексуальная осознанность и чувственность не возникают из воздуха; все это поднимается из первобытной основы, что есть их природный дом.

Стихотворение Дэвида Герберта Лоуренса о женщине, купающейся в океане, еще более наглядно говорит об анадиомене:

*О, прекрасная, прекраснейшая, с темными сложенными волосами,
Как она шагает глубже, глубже по руслу,
Затем все розовеет на мелководье,
С широкими бедрами, медленно поднимающимся, словно у цапли на берегу
Вот! Бог есть Бог единый! Но вот в сумерках
Благочестивая и прекраснейшая Афродита выходит из моря
По направлению ко мне...*

В поисках привлекательных образов, кинорежиссеры часто обращаются к архаичной образности, и, конечно, не упускают из вида анадиомен. Если женщина присутствует в ванной, или, еще лучше, уже выходит из неё, или возвращается после плавания в океане, или пребывает наполовину в море, а наполовину вне его, то тогда можно говорить о призвании Афродиты в классической позе. Нет причин думать, что человеческое воплощение этой Божественной позы ограничивается женским телом: можно также удивляться виду мужчины, женщины или ребёнка, выходящих из плавательного бассейна (или даже простой ванны). Хорошо иметь зеркало в полный рост в ванной хотя бы потому, что это дает возможность насладиться моментом обсуждаемого мифа через отражение себя или партнера, выходящего из воды. Мужчина может призывать Богиню, когда выходит из душа или вылезает из ванной. Даже маленький мальчик или девочка,

стоящие в ванной и удерживающие свои руки на сухом полу для помощи в равновесии, представляют анадиомен.

Несколько менее живописна Афродита, выходящая из своего источника, когда солнце встает на Востоке – в этом случае она идентифицируется с Богиней Рассвета. Она восходит, когда сексуальное влечение вдруг приливает от гениталий по направлению к гортани и пробуждает воображение. Она восходит, когда неведомое желание постепенно принимает форму и затем охватывает душу и тело. Она восходит, когда человек заходит в комнату, и вы чувствуете, что до этого момента своего появления этот человек был растворен в массе людей. Она восходит, когда мысль о вожделии или чувственности посещает ваш разум посреди церкви или на экзамене в колледже, а также когда вы только-только пробуждаетесь ото сна.

Я могу в момент стягивания рубашки со своей головы, когда вдруг приходит идея нового проекта или нового предложения, быть пораженным её красотой, и, может быть, посредством этого снова восходит Афродита. Плотин учит нас, что мир преисполнен Афродитой. Однажды во мне выросла мысль о путешествии в Италию, когда я шел в свой офис зимним днем. Идея новой книги внезапно произошла из незримого источника, лежащего намного глубже, чем мой ум. Она поднимается влажной и свежей, и, возможно (но только возможно), позднее облачится в часы действительной жизни. Многие идеи поднимаются и затем снова уходят в забвение. Анадиомен не всегда приветлив или крайне позитивен в конечном исходе. Восхождение не останавливается даже тогда, когда жизнь преисполнена и упорядочена, не нуждаясь в дальнейших выступлениях и приглашениях. Люди могут только поселиться в новом доме, но предпринимают путешествие, обнаружив желание к переезду в своих сердцах. Благоразумные друзья и соседи попытаются отговорить их от такого непрактичного изменения, но появление Афродиты редко бывает стабильным и практичным. В худшем случае, конечно, брак может завершиться удовольствием с трудом завоеванного мира, когда восходит нечто притягательное – новый человек, смена работы, сдвиг в личности, движение души.

Анадиомен представляет собой непрерывный приток жизни и жизненности. В мифе Афродита восходит обнаженной из моря и сразу же облачается нимфами часа и сезона, т.е. вечная и бесконечная красота окутывается временем и привносится во все обязательства размеренной жизни. Среди реальных жизненных проблем появляется задача дарования определенных желаний конкретного места, некоторого времени, немного денег и личного внимания.

В сексе Афродита поднимается посредством набухания органов и накала страстей. Если она не взошла, то секс не достигает своей истинной цели, а восходит. Она только тогда, когда её правильно призывают. Она приходит при страстной желаниии, нужде, даже острой тоске. Она появляется в одеждах искушения и очарования, и иногда у нас может появиться соблазн искать способы отрицать её, вместо того, чтобы найти ей место. Но восхождение Афродиты – это сама жизнь, предлагающая себя нам. Как говорит Плотин, она и есть душа. Её появление представляет собой возможность усиления в жизни, тогда как наша задача – позаботиться о поиске нового места для неё.

Анадиомен предлагает альтернативный образ жизни: наблюдать наличие жизненных знаков и восхождений, соответствующим образом реагируя, вместо того, чтобы управлять каждым аспектом бытия. Мы можем увидеть, что искусство жизни по большей части связано с поиском места для вдохновения, которое поднимается из моря возможностей, чем с планированием и беспокойным прогнозированием. Последний подход строит жизнь исходя из эго, тогда как путь Афродиты представляет собой позволение эго быть художником, который внимательно наблюдает за знаменами анадиомена и находит место для плодотворным предложений души. Также, фундаментальным образом жизни является сексуальность, не в каком-либо метафорическом смысле, но как прямой и чувственный ответ на побуждение к оргазму, радости и наслаждению.

Parakyprousa

Другой тонкой позой Богини секса является ее привычка смотреть сбоку или не напрямую, что выражено во многих скульптурах. Parakyprousa – так она называется, и это слово означает «наклониться, чтобы посмотреть» или «нагнуться, чтобы заглянуть». Она часто смотрит в другую сторону, но все же создается впечатление, что она точно знает что происходит. Косвенность является частью её соблазнительности – качества, которое распространяется на секс вообще, преисполняясь намёком, нашептыванием и многозначительностью. В состоянии разочарования мы иногда можем желать, чтобы секс был более прямым и честным, но этот аспект Афродиты указывает на то, что нечто в самой природе секса является окольным.

Мой греческий словарь используется слово «подглядеть» для определения Parakyprousa. Интересное слово, широко использующееся на городских улицах, где пип-шоу делают хороший бизнес. Мы подглядываем за сексуальными прозрениями, небольшими откровениями плоти, и получаем некие острые ощущения от подглядывания. Но в тоже время, религиозное представление Богини показывает подглядывающей и её. Мы раскрываемся, даже если мы подсматриваем. Наши желания и сексуальные склонности проявляются, когда мы рассматриваем определенную точку зрения или пытаемся скрыть свои сексуальные интересы.

Parakyprousa может также лежать в основе сексуальных сплетен, что тоже есть своего рода подглядывание. Что может быть интереснее, чем сексуальные истории с мужчинами и женщинами, пойманными «на горячем»? Популярные журналы испытывают глубокую потребность в сексуальном подглядывании, рассказывая историю за историей о гее или лесбиянке, вылезавшими из шкафа, или о прелюбодеянии известных людей. Наполовину сокрытое половое влечение или авантюра более захватывающи, чем обычное, наблюдаемое поведение.

Философ Плотин говорит, что душа сама по себе есть Афродита. Душа желает и жаждет союза с нами. Душа соблазняет нас, либо изнутри – в форме фантазий и желаний, или извне – как хитрым образом привлекающий наше внимание мир. Мы необязательно заимеем больше души в своей жизни посредством действия напрямую, чем если позволим себе отвлекаться и соблазняться мирской красотой и интересами. Мир является живым и имеет «тело» с сокрытыми частями, которые могут быть заманчивыми.

Афродита называлась Пейто, т.е. Убедительность; Порне, т.е. Проститутка; Пситирос, т.е. Шепчущий Голос; и, конечно, Παράκρυπτος, Подсматривающая. Как Афродита, жизнь или душа хочет соблазнить нас отступить от наших обязательств, наших ревностных задач, нашей серьезности. Историк Карл Керенья говорит, что Гермес представляет собой жизнь, обманом заставляющая себя идти в свою глубину, и, таким образом, в самих себя. Аналогично, Афродита соблазняет нас прочь от идей, ценностей и привычек, которыми мы можем дорожить. Назовите это расширением сознания, открытием личности, сотворением души.

Во сне определенного рода, который я слышу от людей не первый год, сновидец соблазняется притягательной персоной, которая может быть (а и может и не быть) объективно очаровательной или красивой. Иногда сновидец удивляется тому, что малообещающая личность является чрезвычайно привлекательной – некто может быть намного моложе или сильно старше, некоторым образом «деформирован», совсем не во вкусе сновидца. Часто в этих сновидениях, появляется супруг или любовник, и либо возникает неудобство, либо сновидец обнаруживает, что любовник или супруг присоединяются к соитию или стоят рядом, оценивая.

Эти сновидения могут иметь личное и непосредственное отношение к тому, что происходит в романтической жизни сновидца, но они также предлагают различный уровень соблазнения. Эти различные фигуры могут воплощать определенные отношения, которые играют большую роль в жизни человека. Как Афродита, жизнь может заманить нас от текущих свершений – скажем, идеей о том, что является истиной, духовная или религиозная принадлежность, политическая точка зрения, способ упорядочивания наших повседневных жизней. В общем, Афродита не интересуется привычками, обязательствами, упорядоченностью и давними договоренностями. Она представляет текущую жизнь. Она предлагает новые прелести, новые связи и новые страсти. Она делает свою работу косвенно, отвернув голову. Мы можем однажды проснуться и удивиться тому, как мы оказались там, где мы есть; соблазны оказываются настолько тонкими, что почти незаметны.

Жизнь и секс глубоко вовлечены друг в друга, поэтому мы могли бы ожидать непрямоты в нашей сексуальной жизни, сопровождающейся косвенным обольщением во всех аспектах повседневной жизни. Афродита может быть признательна нам за это, в результате чего у нас есть шанс сделать менее наивными по поводу жизни в целом, а также стать глубже и острее в нашем восприятии. Я долго думал, что лучшие терапевты – это те, кто не ожидает, что жизнь пряма и очевидна, но тот, кто способен видеть тонкие соблазны, которые сохраняют людям жизнь и позволяют им совершить изменения. Иногда люди приходят на терапию для защиты самих себя от искушения изменений, и проницательный терапевт может разрешить это беспокойство, в то же самое время, признавая путь души к своему разворачиванию, и в меньшей степени через какие-либо расчеты, но через длинную серию соблазнов.

Anasyrma

Другой жест, который может быть знаком из жизни, но, вероятно, покажется чрезвычайно странным, подобным религиозной мудре – это *Anasyrma*, или

поднятие вверх платья. Данный жест наиболее распространен в древнем искусстве и имеет прямые параллели в современной популярной культуре. Он был частью посвящения и религиозным танцев, ассоциировался с Афродитой, Артемидой, Деметрой и Гермафродитом. Anasyrma – это любой жест поднятия платья или одежды, обнажающий интимные области.

Один из наиболее знаменательных примеров Anasyrma в древнем мире случается в истории Деметры, величайшей матери Богини, которая, будучи депрессивной и злобной, ищет свою дочь, похищенную Богом Подземного Мира. Она входит в дом Metaneira, где ей предлагает почетное место, но она отказывается. Тогда, в одной версии истории, деревенская пожилая женщина Баубо предлагает ей место, покрытое шерстью, и Деметра садится, закрывая лицо вуалью. Она сидит длительное время, пока Баубо её радостно приветствует, поднимая своё платье и обнажая свою промежность.

Различные источники описывают Баубо как дочь Эхо и Пана, которые могут быть причиной её заземленности и деревенской жизненности, и она говорит, что может сделать свои гениталии подобными ребёнку. Её имя, возможно, первоначально означало «вульва», и это может быть та, что представлена в статуи женщины с большой головой на паре ног с гениталиями ниже ото рта [1]. Смех Деметры обычно интерпретируется как знак её восстановления, возвращения к жизни. Эта anasyrma также была особым элементом в Эливсинских мистериях, посвященных Деметре и важной для людей древней религии, как источника надежды перед лицом человеческой смертности.

Здесь мы имеем нечто параллельное с публичной фаллической образностью – и мужские и женские гениталии принимают участие в потешном утверждении последующей жизни. Люди всех возрастов и чувствительности едут в яркие места, подобные Лас-Вегасу, где находят альтернативу требованиям практической жизни в азартных играх, комедии и скудной одежде. Взгляд на гениталии – это не просто похотливость. Это мгновенный выход из угнетающей депрессивной реальности болезни и смертности.

В anasyrma находят своё выражение смех, обновление, надежда и продолжение жизни, и даже в современные времена обычно имеют место комедии, танцы и вечеринки. Канкан являет собой форму anasyrma, также как и сцена с Мэрилин Монро, стоящей над решеткой Нью-Йоркской улицы, когда её платье вздымается вокруг неё и облачает трусики. Маленькая девочка, поднимающая своё платье для маленького мальчика, и, возможно, мальчик, снимающий свои штаны для демонстрации своих гениталий, также могут быть простым примером anasyrma.

У меня есть небольшие воспоминания из детства, когда маленькая девочка в окрестностях качалась на качелях, забавляясь поднятием платья для своих товарищей по игре. В «Улиссе» Джеймс Джойс описывает Леопольда Блума, тайком подглядывающего за Гертти Мак-Доуль – наклоняясь, чтобы посмотреть салют, когда поднимается ее платье. Эта старая пародия, конечно, преисполнена anasyrma, и возникает вопрос, не являются ли модные короткие шорты и юбки также проявлением anasyrma в моде.

Ранние церковные отцы, от которых мы получаем большое количество информации о греческих обычаях, подобных анасурма, были преисполнены резкого осуждения и адского огня, когда утверждали более репрессивное отношение к этому – тому самому, что все еще находит своё место в обществе и наших сердцах. Тем не менее, анасурма, во множестве своих форм в обычной жизни, является примером языческой радости и может дать нам подсказку о том, как мы можем извлечь немного души из нашей сексуальности.

В религии Афродиты анасурма представляет собой необычный вид пронизательного дознания. Мы словно не можем по-настоящему понять смысл жизни и смерти, и потому нам нужно увидеть ту часть тела, в которой зарождается жизнь. Анасурма может окружаться табу, очарованием и ритуалом, но все это знаки темной стороны сакрального. Когда наши городские улицы безвкусно украшаются распространенными шоу подглядываний, то, возможно, в нашем пуританстве нам необходима Афродита в крайних мерах своего выражения, где есть место надоедливости и отвратительности. Всё это не имеет места в реальной жизни, потому господствует и разрушает автономно.

Анасурма – это не просто открытая экспозиция гениталий, но также особое откровение задней стороны, которая, очевидно, играет важную роль в сексе. Афродита была известна как *Kallipygos*, «красивый зад». В скульптуре она показывается, поднимающей своё платье и смотрящей через плечо на свои ягодички. В древности этот жест считался мощным оберегающим актом, отпугивающим зло. По словам Плутарха, он использовался для избегания приливных волн, а Плиний говорит о его использовании против насекомых. В Германии люди прибегали к нему, чтобы отогнать дождь.

Далее я помещаю историю, рассказанную древними посетителями Храма Афродиты в Книдосе, высказывающими точку зрения на Богиню с задней стороны. Маркиз де Сад совершил поспешную поездку в Италию, скрываясь от полиции, взяв имя Садо, в сопровождении своего слуги. Сад говорил, что поездка стоила тех нескольких минут, которыми он наслаждался, прикоснувшись к задней стороне Венеры, обнаруженной в отдаленной нише. В «Портрете юного художника» Джеймса Джойса, Стивен Дедал обсуждает Томистское представление о красоте со своим другом Линчем, признающемся, что когда-то написал своё имя карандашом на задней стороне Венеры Праксителя в музее. Эта история демонстрирует, что искусство способно возбуждать желание.

Anysirma Venus

Сильнейший соблазн ягодички, а также агрессия и эксплуатация, появляющиеся при потере сакрального характера этой части тела, являются предметом красоты Сюзан Лори-Паркс, трагической пьесы «Венера». История базируется на судьбе женщины Готтентота, заманенной в Лондон в прошлом столетии для показа её роскошного зада, где ей злоупотребляла и аудитория, и бесчувственные менеджеры.

Помимо очевидных буквальных источников, мы можем также взять современные и древние размышления о задней стороне человека и рассмотреть их метафорическое значение. В основном мы являемся «фронтальным обществом», смотрящим вперед в будущее. Нам не нравится оглядываться назад, но она находит эротическое удовлетворение на обратной стороне, сзади. Мы называем это задницей, может быть для того, чтобы отличить её от головы, где располагается интеллект, ведь задница ассоциируется с тупостью. Но, возможно, интеллект Афродиты просто отличается от головы, и, может быть, это важная роль для игры.

Интригующие образы Афродиты, смотрящей через плечо на зад, также предполагают, что в её стиле осознания мы можем плодотворно считать себя объектами. Это не должно быть в нарциссическом или бесчеловечном смысле. Рассматривая себя более как объекты, чем как субъекты, мы можем увидеть мысли, чувства, желания, истории и темпераменты более ясно – как элементы нашей натуры. Когда я впервые начал читать об алхимии в работах Юнга, я был впечатлен идеей, что мы можем рассматривать психе объективно, а не субъективно, и оценивать её без обычного фокуса на эго, что занимает такую большую часть современного психологического мышления. Эта фокусировка на задней стороне представляет собой сходную объективизацию, которая может помочь, вместо того, чтобы препятствовать перспективе в наших жизнях.

Благодаря этим образам, мы также можем прийти к мыслям о задней стороне жизни: оборотная сторона свадьбы, а не её передовые планы и договоренности; оборотная сторона карьеры или профессии, а не профессиональные идеалы и цели; оборотная сторона города, а не его хорошее освещение и внешняя гляцевая сторона. Молодой человек, преисполненный идеалами и изысканными идеями о любви, внезапно падает до припадка ревности, а его отец улыбается, понимая эту *anasyrta* оборотной эмоциональной стороны парня.

Жизнь задирает себе юбку, и мы видим её тайну: жизнь продолжается, несмотря на наши попытки заставить её трудиться и придать ей смысл. Это человеческая комедия, которая отражает Божественную комедию. Боги смеются над нашей серьёзностью и нашей верой в то, что жизнь искренна и соответствует тому лицу, которым повернута к нам. Мы можем рассмеяться сейчас и тогда, как делала Деметра, когда жизнь поднимает свою завесу и дарует нам комический проблеск своей красоты и неистового безумия. Немногие вещи выражают земную жизненность так, как чувственный канкан или стриптиз, и еще меньше вещей отдалены от нашего разума и серьезности.

Из поколения в поколение, люди находят Афродиту в смоковнице или яблоке, просто мельком узрев там форму женского сексуального тела. Они находят эту форму таинственной, комичной, неотразимой и приятной. Они почитают её как священный ритуальный объект, йони, стилизованный образ женского полового органа, и, с различной степенью простодушия и опустошения, они наслаждаются ей как развлечением на сцене или в кинофильмах. Они дорого платят за некоторый её отблеск в деньгах и в потере репутации. Не может быть никаких сомнений по поводу её способности воззвать к чему-то глубинному в воображении, и, возможно, нам не следует игнорировать этот образ природной

жизненности. Мы могли бы стать лучше, почитая Богиню с благочестивым воображением, вместо того, чтобы отрицать и подавлять её при помощи правил и запретов.

В тайне, полу-откровении и заманчивости сексуального тела жизнь проявляется во всей красе. Афродита, душа, делает её святой, а иногда имеют место и непристойные жесты, нравится нам это или нет. Жизнь сама по себе имеет сокрытые части, и если мы сможем узреть их, то, возможно, натолкнемся на естественное таинство и всеобщую тайну – восприятие природы вещей, что позволит нам идти в глубину, уменьшить влияние интеллекта и подарит хороший юмор.

Глава 4.

Архетипические Паттерны в Сексе.

Мифы, святые и знаменитости.

В восхождении души секса мы видели, что нимфа, которую мы ищем в нашем сексуальном любопытстве, пыле и страстном желании, ощущается в обычной жизни как присутствие. Она может быть найдена в личности или живописи, аромате духов, прикосновении облегающей ткани, или восприятию того, что в наших глазах интерпретируется как цвет с эмоциональными оттенками. Она проявляет себя в красоте лица и в чувствовании, а также запахе и подбрасывании волос. Она представляет собой таинственный фон позади глубинных чувств и напоминающих черт, восходящих из особых органов секса. Она распыляет себя в сексе в виде страстных воспоминаний, робких желаний и обрывков смыслов.

Нимфы секса также проявляются в историях и фрагментах историй, образах и воспоминаниях, которые играют небольшую, но определяющую роль в сексуальном опыте. Секс никогда не бывает ясным и простым, и подобно всему остальному, в чем участвуют люди, секс всегда представляет собой часть истории. Вероятно, он является частью личной повести нашего зрелого возраста, нашего стремления к прекращению одиночества, выражению любви, и, в своей теневой стороне, средством для подавляющей силы или выражения гнева. И поэтому наша история жизни может пролить свет на роль секса в наших жизнях и нашем бракосочетании. Когда пары рассказывают друг другу свои семейные истории, выходят на свет их семейная мифология. Каждый человек улавливает проблеск этого повествования, в которое оказался вовлечен благодаря любви.

Когда я рассказываю истории о своей семье, не только своим ближайшим, но также и более далеким родственникам, я наблюдаю фрагменты своих собственных чувств. Я замечаю знакомую сдержанность в сексуальных манерах, но также признаю жажду жизни и глубокое принятие неудачного жизненного опыта. На протяжении многих лет, я замечал те же темы и личности, появляющиеся в моих сновидениях, где они временами подключались к моей сексуальности.

В случае терапии, я всегда проявлял бережность в побуждениях к проявлению многих желаемых семейных историй, но я никогда не переводил эти истории в объяснения текущих проблем. Я слушаю памятные семейные истории, распознавая знамения мифа, глубинного повествования, которое резонировало бы под жизнью рассказчика и его осознанием. Если текущее беспокойство касается секса, то я не буду ожидать соответствующих историй, которые обязаны быть явно сексуальными. Секс тесно вплетен в каждый аспект жизни, и, таким образом, истории, что не имеют явного сексуального содержания, все же могут пролить свет на сексуальность рассказчика. Также, в свою очередь, истории, видящиеся наглыми, похотливыми и сексуальными могут говорить о вопросах, которые кажутся далекими от сексуальности.

Древние и долговременные мифологические мотивы появляются сплошь и рядом в наших личных и семейных историях. Существуют архетипические паттерны, которые дают форму нашим собственным жизням. Мы можем увидеть эти архетипические фигуры и мотивы в мифологии, религии и даже в современной истории. В них мы можем найти уроки о природе секса и об эротических конфликтах, которые лежат в самой основе существования.

Артемиды

Греческая Богиня Артемиды, во многом эквивалентная Римской Диане, представляет собой фигуру, чья аура имеет огромную привлекательность для многих людей. Её девственность представляет чистоту, живущую далеко от развращений цивилизации, близкую к животным, лесному дому, любви к бегу и спорту, благосклонности к молодым мужчинам и женщинам. Андрогинность её образа делает её особой покровительницей геев. Она обычно изображается в виде важной, изящной фигуры, весьма отличной от соблазнительной Афродиты или обильной Геры. В преломлении Артемиды, очарование секса представляет собой притягательную смесь чистоты и целостности.

Артемиды уединена, предпочитая дику лесную местность щепетильности цивилизации, и обычно её не найти в компании мужчин. Скорее, она часто описывается в окружении нимф-женщин. Даже её преданный мужчина, подобный юноше Ипполиту, хотел оставаться в компании своего же пола, и многими путями они отчуждены и уединены.

Иногда дух сходит на мужчину или женщину, в любое время жизни, прививая им сильное стремление к уединенным местам для одинокой жизни. Люди Артемиды могут чувствовать более отчаянную необходимость пребывать в окружении людей своего пола или просто друзей и близких, нежели любовников. По крайней мере, временно, их эротические желания могут быть удовлетворены при отсутствии

сексуального поведения. Во имя Артемиды, жизнь может быть холостяцкой, уединенной, чистой и погруженной в себя, и, тем не менее, свободной от нарциссизма. Артемиды не олицетворяет собой тревожное избегание секса, но скорее целомудренный способ сексуального бытия.

Будучи наиболее девственной из всех богинь, Артемиды не асексуальна. Она воплощает особый вид сексуальности, где акцент делается на индивидуальности, целостности и уединении. Её дух может быть корнем мастурбации и личной эротической фантазии, дарующей сексуальности уединенность. В другое время, мы можем вовлечься в сексуальные отношения с сильным желанием быть принятыми всерьёз, защитив свою независимость. Гомоэротические фантазии также могут поворачиваться в направлении целого мира Артемиды.

Под её эгидой жизнь в спорте может привести и мужчин, и женщин к посвящению себя страсти игры. Её род сексуальности может быть притягательным из-за того, что она столь предана собственной жизни. В мифе многие мужчины тянутся к её атлетизму и отчужденности, и глубоко волнительной погони за ней. Аполлон, пораженный Дафной и ставший безумным в своем желании, бежал за ней до тех пор, пока она не превратилась в дерево; в свою очередь, Гипонемес и Атланта (другая нимфа Артемиды) устроили соревнование в быстроте. Король Минос бежал через холмы и долины за Бритомартис. В трагедии Эврипида *Ипполит* молодой человек, воплощающий многие качества Артемиды, является объектом страсти своей мачехи Фаэдры – этот дух Артемиды характерен не только для женщин.

Мы можем узреть Артемиду в женщине, играющей в теннис, занимающейся фигурным катанием, бегущей наперегонки, играющей в баскетбол или плавающей. Мы можем мельком увидеть её в юных мужчинах из команд по бегу, походам или игре в баскетбол. В мужчинах и женщинах, готовящихся к соревнованию, мы можем ощутить её погруженность в себя, её чистоту жизни и духовность, которые часто играют в атлетике большую роль. Общество может разочароваться, обнаружив, что его спортивные герои не так чисты, как кажется – тогда миф Артемиды оказывается разрушенным её соперницей Афродитой. Не все спортсмены одержимы духом Артемиды, но она, безусловно, присутствует на поле и корте, а также в раздевалке.

У нас бывают периоды в жизни (или просто моменты), когда нам необходимо побыть в одиночестве, отсоединившись от любви и секса, посвящая интерес себе самому, или просто отойти в сторону и отрешиться. Миф говорит нам, что это предпочтение не может быть антисоциальным отказом от людей, но просто глубоким, позитивным, даже сексуальным фокусированием на себе самом и своем собственном мире. Натуралисты могут найти этот дух доминирующим в своей жизни, а также это касается художников и других, кто становится поглощенным чистейшей обольстительностью их работы. Жорж Санд, во многих смыслах бывшая последовательницей Артемиды, облачалась в мужскую одежду и наслаждалась жизнью в сельской местности, тогда как её любовник, Шопен, затруднялся в пребывании за пределами цивилизованного города.

Истории, рассказанные Артемидой, предоставляют агрессивные способы защиты её уединенности. Без колебаний, она поливает водами регрессии голову мальчика

Актеона, превращая его в оленя, а в ответ на небольшой случайное прикосновение к её одеянию, она посылает скорпиона на борьбу с охотником Орионом. Мы могли бы ожидать такой вид агрессии в случаях сексуальной связи с мужчинами и женщинами Артемиды, а также не удивляться внезапной комбинации чистоты и агрессии в личности. Дух Артемиды помогает нам встать на защиту наших потребностей и желаний, что приводит нас в уединенное место, где мы формируем наши ценности. Секс и агрессия собираются вместе под различными мифическими зонтиками, один из которых – это путь Артемиды с защитой индивидуальности и личностной целостности.

Истории также рассказывают о соревнованиях между женщинами Артемиды и предупредительными мужчинами, что представляет собой еще один образец того, что мы можем увидеть в наших сексуальных отношениях. Атланта оказывается быстрее, чем Гипонемес, и только искусная интуиция Афродиты сохранила её от уловок хвастливого мужчины, который желал её руки. В сексуальных взаимоотношениях, человек иногда оказывается в ситуации, когда один или более партнеров действуют в духе соревнования.

Сегодня молодые люди часто пытаются продемонстрировать свои способности в играх и спорте не только для того, чтобы показать себя и вызывать восхищение у других, но и просто в духе соревнования, имеющего больше общего с сохранением своей индивидуальности в условиях побуждения к соединению в любви и слияния. Эти маленькие ритуалы самосохранения могут быть важными для отношений, а особенно – для секса, ибо неспособность оставаться целым в любви может привести к сексуальным трудностям. В сексе, люди могут с тревогой пытаться сохранить свою индивидуальность с помощью сдерживания, установки ограничений или отказываясь от капитуляции.

В общем, миф учит нас чтить и уважать чувства и действия, которые могут быть легко подвергнуты критике, исходя из несколько более социально-приемлемых точек зрения. Общество может ценить открытость и уязвимость, осуждая любое проявление самосохранения. Наша психология настолько личностна, что мы критикуем любовников, входящих в соревнование, думая, что их поведение мотивировано озабоченным эго, несмотря на то, что миф учит нас, что всё это может иметь архетипический характер, который необходим и, в конечном итоге, представляет собой плодотворный ритуал в ходе ухаживания.

Полёт также представляет собой реакцию Артемиды. Люди часто пьются назад, опасаясь капитуляции, бегут прочь, сохраняя погоню в игре и никогда не сдаются. Это часть секса, а не реакция на него, и это необходимость, а вовсе не какое-то отклонение от нормы. Реакция Артемиды сохраняет все аспекты жизни, которые не являются частью брачного партнерства – такие как индивидуальные амбиции и достижения, личностное видение, чувство себя. В древних ритуалах, посвященных Артемиде, люди наряжались в растения и танцевали особой поступью, почитая эту Богиню до-социальной, нетронутой естественности. Наши собственные усилия по сохранению природного и естественного могут рассматриваться как возобновление этого танца, что празднует миф о чистоте – нашей собственной естественности и до-социальном невинности.

Несмотря на все усилия, направленные на чистоту и самосохранение, Артемида и её преданные имеют особую сексуальную привлекательность - возможно, это будет очарование «сухо» одетой медсестры, неловкость дровосека, спортивная молодая женщина или садовник. Стоит заметить о романе «Любовник Леди Чаттерлей», где женщина из дворянства впала в любовь к грубому, но чувственному егерю. Сильный, грубоватый лесник резко контрастировал с супругом Леди Чаттерлей, будучи уязвленным начальством. Мир Артемиды является невинным, и в то же время она может быть очень привлекательной и сексуально интригующей. Любовные сцены в книге «Любовник Леди Чаттерлей» преисполнены ссылками на реальности Артемиды – природу, цветы, деревья, – и, как ни странно, книга, вызывавшая холодное отношение у цензоров, укоренена в архетипической реальности эмоциональной девственности.

Пара может в некотором смысле сохранять свою сексуальную чистоту, придавая этому прикосновение Артемиды, и приводя его в соответствие со своими чувствами и тем самым увеличивая уровень удовольствия. Некоторые пары предпочитают оставить всю сдержанность, выражая свою сексуальность публично и наслаждаясь сексуальными экспериментами в уединенной обстановке. Пары Артемиды может действовать как раз наоборот, защищая конфиденциальность своей сексуальной жизни и наслаждаясь качеством скромности в своем занятии любовью. Тогда как секс действительно может пострадать в связи с прошлой травмой одного из партнеров, иногда сдержанность просто отражает природу пары и их глубокое, подлинное удовлетворение скрытностью Артемиды.

Мы нуждаемся в свободе быть предусмотрительными и сдержанными по поводу секса, чтобы быть искренним по отношению к потребностям уединения души. Некоторые люди могут испытывать чрезмерное беспокойство по поводу самоотдачи в сексе, ибо они не ощущают свободы уважать свои глубокие чувства сдержанности. Это может помочь многим людям разрешить себе свою сексуальную застенчивость, не обесценивая её как личную неадекватность, но признавая, что снисходительность и непринужденность не являются единственным видом сексуального освобождения.

Иисус

Связанной с Артемидой по духу и образности оказывается фигура Иисуса, богочеловека, которого мы обнаруживаем в канонических Евангелиях и почитаем как образ традиции, искусства и легенды. В связи с тем, то так много людей глубоко вдохновлены образом Иисуса, он играет особую роль в формировании отношений и фантазий о сексуальности. Широко признается, что христиане имеют особые проблемы с сексом, часто впадая в репрессивно-одержимый паттерн, характеризующийся морализмом и озабоченностью. Но любая религия или философия, которая направляет себя против языческих ценностей, может обнаружить побуждение к сексу, и поэтому целое общество может отыскать некоторое сексуальное «облегчение» посредством пересмотра сексуальности Иисуса.

История даровала нам множество изображений Иисуса, но за исключением историков, пытающихся доказать нам что у него была нормальная жизнь и очень немногих романистов, изображавших его наслаждавшимся эротической жизнью,

источники едины в представлении образа Иисуса как типичного *pueraeternus*, вечного юноши. В таком случае он может рассматриваться как последователь Артемиды – чистой, идеалистичной, неправильно понятой и окруженной по большей части мужчинами.

У меня нет намерений (да и я не имею соответствующих квалификаций) спорить по поводу сексуальности исторического Иисуса, но не надо быть экспертом, чтобы не заметить разницу между евангельским Иисусом и Иисусом, который является объектом веры и поклонения. Первый чрезвычайно добрый, открытый, принимающий и понимающий тех, кто, очевидно, смущен по поводу своей сексуальности. Евангельский Иисус также интимен, эмоционален, физически выразителен, а также по многим отношения чувственен. Иисус морализирующего проповедника же, напротив, нечеловечески чист и бесчувственно асексуален.

Намёк на эпикурейство в Евангельском Иисусе появляется тогда, когда он добивается того, чтобы на свадебном торжестве было достаточно хорошего вина. В другой раз, он даёт людям хлеб и рыбу, снова посредством чуда, при этом не насыщая голодающих людей в тяжелой нужде, но просто заботясь об аудитории, которая захотела поесть. Как и у Эпикура, в его компании есть проститутки, и он спасает от верной смерти женщину, осужденную за прелюбодеяние. Его сердце болит по поводу смерти его друга Лазаря, и это любовное чувство является мотивом для чуда воскрешения Лазаря из мертвых. Его прикосновение исцеляет, а его присутствие преисполнено магии. Это образ человека, который не боится эроса, но который живет из своего сердца и тела.

В Евангелии Иисус противопоставляется моралистам и законникам того времени, как человек бесконечного сочувствия. Как это ни парадоксально, церкви, исповедующие его учение не известны за своё сочувствие так же сильно, как за свою законность. Эпикурейский Иисус там незаметен, а эрос часто становится главным врагом, а не характерной чертой его последователей. Сексуальность Иисуса испаряется в этих жестких позициях, заменяясь тревогой и навязчивым подавлением эроса.

Иисус, которого я вижу в канонических Евангелиях, представляет собой сексуального холостяка или холостого любовника. Он был бы скандальным в наше время, как и в своё собственное, ибо он толерантен к большинству человечества. На первый взгляд, это может показаться противоречием – быть целомудренным и морально терпимым, но celibат Иисуса никогда не казался тревожным и репрессивным. Это позволяет ему всеобъемлюще любить других, и это столь удобная часть его философии и стиля, что он не судит других за их сексуальные отношения. Моралистические суждения всегда выдают путаницу и напряжение, когда кто-то этим занимается, но в случае Иисуса нет никаких признаков этого невроза, который распространен среди его последователей.

В своей замечательной книге «Мессии», Дэвид Миллер, бывший профессор, рассматривает образность виноградной лозы, вина и даже опьянения, в нескольких религиозных традициях, а также ищет Дионисийский мотив в Иисусе [1]. Греческий бог Дионис, идентифицирующийся с виноградом и его ферментированным напитком, представляет жизнь, не разделенную между наслаждением и принципом, радостью и эмоциональным обнищанием. Это

глубинный эротический дух, который говорит «да» и в условиях жизненности, и в условиях смертности, и, таким образом, можно почувствовать своего рода опьянение, духовную потерю контроля и мистическое упоение. Диониссийский Иисус подобен опьяненной фигуре Суфийской поэзии, утеравшей своё эго в единении с Божественным [2].

В своей красиво составленной книге «Ось Эроса», Вальтер Спинк ярким образом резюмирует эту точку зрения. Он говорит, что послание Христа было о жизни и об эросе... Его правила для учреждения совершенства и для насаждения Райских Идеалов за пределами земли были основаны на принципе отказа человеком от тягот обладания и дальнейшим указанием «следуй за мной». Было указание «любить ближнего, как самого себя», и это западный человек не мог сделать и делать не желал; ибо всё это грозило неявным отречением от эго и высвобождением беспорядочных и дионисийских сил в Ид[3].

В этих двух интерпретациях Иисуса, Миллера и Спинка, мы обнаруживаем Иисуса, который не является асексуальным противником секса, но Иисуса, чьё учение ведет к опьяняющему состоянию откровенной преданности Богу и мистическому восторгу. Ссылаясь на Ветхозаветное Божественное опьянение, Миллер говорит об этом как об «опьянении, сделавшем возможным эрос» [4]. Диониссийская сдача жизни включает восприятие сексуальности при расслаблении эго, готовность позволить жизни пребывать в форме желания и сексуального влечения. Тем не менее, когда этот Диониссийский дух связан с сочувствием Иисуса, он принимает необычную форму, становясь эмоциональным оксюмороном – плотским целомудрием, неразборчивым сочувствием или, согласно совершенной фразе Марии Дали, чистой похотью.

Диониссийский дух обычно рассматривается как сексуально-экспансивная сила, и поэтому не очевиден в большинстве портретов Иисуса. Тем не менее, Миллер демонстрирует с немалой тонкостью, что Диониссийское утверждение жизни является силой характера Иисуса. Богослов Розмари Рютер резюмирует Евангельское видение Иисуса в образности подобно Миллеру, который прикрыл разрыв между Дионисом и нашей обычной идеей Иисуса:

«Он сидит за столом с грешниками. Грешная женщина (предположительно проститутка) оказывается для Фарисеев образцом любви и покаяния...Иисус живет в городах, в жилищах друзей. Он не голодает, но ест и пьет (не виноградный сок)...Сын Человеческий приходит есть и пить, и они говорят, вот обжора и пьяница, друг мытарей и грешников» [5]

Рютер заключает, то «Иисус, кажется, не смущается по поводу сексуальности, ибо относится к мужчинам и женщинам в первую очередь как к друзьям».

Все фигуры истории подвержены этому так или иначе, но вряд ли кто-то больше Иисуса подвергался трансформации в воображении тех, кто пришел после него. Несмотря ни на что, они становятся объектами мифического воображения. Ныне существуют бесчисленные образы Иисуса, каждый из которых строго и волнительно защищается, и среди них есть Диониссийский Иисус, поддерживаемый Рютером, Миллером и Юнгом. Это Иисус, захмелевший от жизни, опьяненный жизненностью и способный жить с интенсивностью,

недоступной для большинства. Этот Иисус знает секрет, предложенный Розмари Рютером – по поводу того, что секс процветает в атмосфере дружбы. Эрос и филия, похоть и близость, могут питать друг друга, в результате стимулируя творческие парадоксы эротического целомудрия, характеризующего Иисуса из Евангелий. Позднее, конечно, Христианство утратит эту творческую человеческую сексуальность и займется подавлением Диониссийского [6].

В нашем мире, где доминирует супер-эго, мы можем задаться вопросом, где в Диониссийском опьянении мы можем отыскать необходимые ограничения наших сексуальных желаний. Образ Иисуса предполагает путь установки ограничений исходя из радости и блаженства, вместо страха и беспокойства, т.е. ограничения определяются посредством позитивного выбора в жизни. Иисус, кажется, выбрал блаженный целибат и затем предпринял усилие быть толерантным по отношению к другим, позволяя им учредить свои пути сексуальности и расстановки ограничений.

Чей-либо брак или житие в приверженности какой-либо идеи отношений могут также быть позитивными по поводу решимости глубинного вхождения в сексуальную взаимосвязь. Они выходят далеко в жизнь, им не свойственна невротичная самозащита, они могут иметь сочувствие и эмпатию к другим, так как им удалось найти свой собственный путь к той же самой цели – капитуляции перед жизнью, а также собственные формы нерепрессивного ограничения сексуального поведения. Существует сильная и глубоко укоренившаяся взаимосвязь между нашим личным усилием по поиску удовлетворения в сексуальной жизни и нашего суждения и отношения к другим.

Сексуальность Иисуса состоит из его открытости по отношению к незнакомцам и друзьям, телесности его исцеления, таинства его подхода к пище, терпимости, которую он демонстрирует перед лицом сексуальной трансгрессии, и его поддержка философии, основанной на любви. Только мировоззрение, погрязшее в материализме, не может наблюдать сексуальность в этой экспансивной и включающей эотику философии. Сексуальные учения Иисуса, лучше всего поведенные через его собственный пример, представляют эротизм, центрированный в душе, где дружба и сочувствующее сердце не только присутствуют, но и оказываются в центре.

Мы склонны думать о сексе, как о чем-то исходящим из половых органов или из исключительно физического тела, но Иисус демонстрирует совершенно иное понятие сексуальности, укорененное в сочувствии и способности к дружбе. Это более широкое определение, но не менее сексуально чувственное, где любовь и блаженство интегральным образом соединяются. Нет нужды привносить влечение в простое физическое выражение или оправдывать секс любовью. В сексуальности Иисуса физическая жизнь и сочувствие представляют собой две стороны одной монеты. В нем мы обнаруживаем, что сердце есть орган секса, такой же верный и эффективный, как и любая другая сокрытая часть.

Эстер Прин

Другой богатой мифической сексуальностью является женщина, пойманная в прелюбодеянии. Мы находим её в Евангелии, в «Алой букве» Натаниэля Готорна

и в ежедневной газете. Эстер Прин носит свою букву «А» для идентификации её как поддавшейся желанию и нарушившей правила приличия. В истории Готорна она противопоставляется ранним американским пуританам, которые кажутся необъяснимо жестокими, выказывая очень мало сочувствия или принятия человеческого несовершенства. Мы можем понять Эстер Прин, и её судьи актуальны не только на фоне первых дней Америки, но также как архетипические тенденции в каждом из нас.

Совсем не просто жить с нашими собственными сексуальными идеалами или идеалами нашего сообщества, и мы можем найти эту напряженность между слабым нарушителем и требовательным критиком современной социальной жизни и наших личных жизней. Странно, что мы лично знаем, как трудно иметь дело с сексуальным желанием, и все равно мы налагаем крайние требования на других. Должно быть, имеет место глубокое беспокойство под нашей ментальностью осуждения, которая, возможно, вытесняет на жизнь других наши собственные желания контроля.

Внутри нас также имеет место тенденция к мазохизму, что меряется степенью удовлетворенности пребывания в осуждении и ограничении, и, таким образом, мы создаем институты, которые придают внешнюю форму этому паттерну. Мало того, что люди наслаждаются сидением в церквях, говоря о деяниях и регулярных наказаниях за жизненное несовершенство, так даже наши книги самопомощи рассказывают нам как жить с совершенным эмоциональным и физическим здоровьем. Иногда все это преисполнено сокрытым авторитаризмом, что не так уж и далеко от наших предков-пуритан. То, что мы считаем экспертизой, когда-то называлось властью. Там же, где проповедники когда-то использовали красочный язык адского огня и серы, наши нынешние эксперты теперь авторитарно говорят об эмоциональном и физическом здоровье.

Анализ Готорном сексуального желания есть соответствующий комплекс. «Алая буква» начинается с того, что Эстер Прин выходит из тюрьмы с обвинительным письмом на груди и отказывается глубоко войти в роль кающейся. Буква была вышита так искусно, что выделялась своими размерами и красотой. Она позволяет миру видеть её, хотя и не выставляет напоказ. Затем она живет жизнью служения своей общине. Её любовник, Артур Димсдейл, напротив, скрывает свой грех. Он имеет обыкновение класть свою руку на сердце, там, где можно было бы приколоть его алую букву - он как будто чувствует жжение в своем сердце и прикрывает его. В отличие от Эстер Прин, он живет так, как будто бы ничего не случилось. Его буква незрима, она только внутри, и это разъедает его. В конце Эстер процветает, а Димсдейл сознаётся очень поздно для того, чтобы возыметь возможную радость. Обиженный муж Эстер – Роджер Чиллингуорс, склоняется к мести, играя роль дьявола, и все же Готорн призывает читателя найти сочувствие даже для него.

Красоты истории Эстер Прин является изображением нескольких путей сексуального формирования жизни людей. Мы все могли бы иметь Эстер Прин, Артура Димсдейла и Роджера Чиллингуорса в составе нашего эротического – того, кто падает в очарование секса и избирает последствия, того, кто пытается сохранить обычную поверхность жизни, скрывая под ней глубоко встревоженное

сердце, и того, кто воплощает роль раненого и обманутого мстителя. Секс есть способ создания драмы интенсивных эмоций вокруг этих персонажей, и у большинства людей есть этот вкус в некоторые времена их жизни.

Произведение Готорна напоминает нам, что мы можем извлечь пользу из утраты добродетели, к которой секс принуждает нас. Его слова точны и аккуратны. Он пишет о Эстер Прин: «Алая буква была её паспортом в регионах, где другие женщины не осмеливались на такое. Стыд, Отчаяние, Одиночество! Это были её учителя». В этой истории женщина является прелюбодеей, женщиной, истинно посрамленной своими страстями, но которая нашла путь посредством их войти в своё сообщество, материнство и жизнь развитой, сложной девственности. Другие возле неё потерпели неудачу, потому что они отказались прийти к соглашению с сексом, она же жила, всю свою жизнь посвятив своей страсти.

К.Г.Юнг говорил, что в сексуальной жизни мы имеем дело с нашей конкретной судьбой и дхармой, местом, где универсальная мораль и наш индивидуальный кодекс встречаются вместе. Эстер Прин – величайшая грешница, публично осужденная обществом, но она принимает свою судьбу, признавая свою страсть, и, таким образом, находит свою жизнь. Исцеление души начинается, когда мужчина и женщина живут их земной реальностью, а не исходя из своих идей и идеалов.

Кто-то может поддаться соблазну откеститься, когда страсть входит в его жизнь (или попытаться отсеять её), но это трагический выбор. Я работал с мужчинами и женщинами, которые, подобно Роджеру Чиллингуорсу, действительно были охлаждены прелюбодеей и предательством своего супруга, и отреагировали на это уходом из общества. Я работал с мужчинами и женщинами, кто уступил прелюбодеей страсти и отрицал это без усилий посредством манипуляторных, упрощенных или ложных покаяний. Предатель говорит: «Я извиняюсь. Это была ошибка. Это ничего не значит». Но предатель ощущает, будто бы вся жизнь разорвана, и предательство, каким бы ни были его условия, значит всё.

Я часто ощущал, что предавшая сторона имеет самую очевидную возможность идти глубже в жизнь, несмотря на то, что страдание может быть интенсивным. Предатель может быть слишком защищен от утраты контроля, влияния страсти и теневого чувства того, что что-то сделано не так, чтобы позволить себе глубокое размышление и подлинное раскаяние. Эстер Прин исключительна. Она предаёт мужа, а затем идет дальше, чтобы найти своё место в обществе и в любви посредством эмблемы своей страсти и её несовершенства, её красочной алой буквы.

Эстер Прин находит свою свободу после семи лет страданий – это число мы могли бы принять как символ какого-либо существенного периода времени, который требуется человеку, чтобы найти новую жизнь. Она остается запутанной, впервые приезжая в Старый Мир со своей дочерью и затем возвращаясь в Салем доживать предназначенную ей жизнь. Ранее она стремительно удаляет свою алую букву и чувствует почти забытую свободу, но затем помещает букву назад, так как знает, что это её судьба.

Как часть нашего стремления к свободной от порока эмоциональной жизни, мы можем искать полного оправдания после сексуального предательства, но Готорн сохраняет жизненную сложность, заявляя, что нет способа полностью избавиться от алой буквы, которая является знаком не только буквального преступления, но также и вечного, формирующего душу, загрязнения сексуальности. Предавшись страсти, мы будем жить, не упуская ее из виду. К подлинной человечности нас приводит не простое памятование, а признание своего поражения всем сердцем. Это своего рода покорность авторитету страсти, которая приводит нас в глубину жизни, где мы можем, как Эстер Прин, заниматься обслуживанием человеческого гуманизма или достижения нравственной позиции, которая расширяет, а не ограничивает жизнь.

Иллюзию морального совершенства можно приобрести по дешевой цене, но глубокая нравственность пребывает внутри реальности страсти и может встать только после крещения в беспокойных сексуальных эмоциях. Так, мораль и жизненность идут вместе, подпирая и воспитывая друг друга. Парадоксально, но новелла Готорна решает проблему целомудрия и страсти посредством привнесения этих двух вещей вместе в жизнь. Сознание женщины оказывается слабым для противления страстной жизни и все же достаточно сильным, чтобы жить своей страстью открыто и добродетельно.

Широкое лицемерие современного общества перед лицом сексуальной страсти намекает на то, что мы не извлекли урока этой знаменательной истории из нашей Американской литературной традиции. Может быть, мы оценили историю только с точки зрения технического великолепия, но не узрели экзистенциального учения. Может быть, мы еще не поняли, в нашей интеллектуальной обороне, что Эстер Прин представляет собой фигуру души, отношения и достижения характера, к которому мы можем стремиться.

Сексуальная трансгрессия повсюду вокруг нас, но совесть с таким большим сердцем, как у Эстер Прин, сложно найти. Если мы просто пренебрегаем чистотой, сознательностью и ограничениями, которые были преувеличены Пуританами её времени, то мы не свободны соединить страсть и целомудрие так, как сделала она. Мы можем отыскать облегчение в избегании борьбы, но мы тогда не сможем открыть свободу и жизненность, которую Эстер Прин выиграла своей храбростью, честностью и лояльностью.

Добродетель рождения эроса не является достижением интеллекта или воли, не представляет собой производную от подавления страсти. Она возникает из утверждения жизни, и ограничений сексуального поведения, укорененных в страсти, а не направленных против него. Эстер вышивает свою алую букву, культивируя последствия своей капитуляции перед страстью и любовью. Она не отрекается от того, что всё это означает, и, на самом деле, даже её дочь не признает её, когда буква удаляется. Готорн признает, что мы становимся человеком через наши проступки, привнося их близ дома, позволяя им тронуть контуры нашего характера в последовательных, болезненных реализациях.

Терапия предательства любовника не заключается в удалении чувства вины и острой боли сознания, но в углублении раскаяния. Никто не хочет предавать или

быть преданным, но, тем не менее, предательство является частью жизни и может предложить свои дары, если отбросить потакание и отрицание. Это может помочь в напоминании, при болезненных моментах предательства, что секс приводит нас в глубину одного из своих ужасающих и запятанных мифов. Сексуальное предательство – это не просто личная вина, это архетипический сюжет, который из глубокого, сырого и холодного места, формирует нижнюю часть души. Это, также, есть возможность нахождения нашей человечности, становления чувственным членом общества и творческой жизни – такой жизни, которую прожила грешница Эстер Прин.

Мэрилин Монро

В последнее время другая женщина появилась на сцене Американской истории и искусства, несущей алую монограмму – ММ для Мэрилин Монро. Существует большая разница во мнениях о её мотивах, талантах и даже её красоте, но я убежден, что Мэрилин Монро была настоящим произведением – истинным аватаром Афродиты современной культуры.

В древние времена люди говорили об апофеозе, превращении человеческого существа в Бога, героя или небесное созвездие. Сегодня обычные смертные, благодаря некоторой иронии судьбы, становятся звездами. Мы все еще используем небесную образность для описания этой трансформации, и мы все еще подразумеваем апофеоз. Человек может стать мифом, величайшей фигурой общественного воображения, состоящей из некоторой фактической биографии и большой доли фантазии. Политическая арена, фильмы или телевизионный экран образуют, благодаря достаточному количеству трансляций, фикцию, где личность может стать звездой и мифом, даже продолжая вести обычную жизнь за кадром.

Можно утверждать, что никто в последнее время не претерпевал апофеоза такого грандиозного масштаба, как Мэрилин Монро. В тот день, когда она сидела и рисовала двойное М, практикуя начертание своего нового имени, Норма Джин Бейкер начала процесс становления не только звезды, но мифа за пределами контроля, богини сексуальности. Существовали и другие образцы сексуального совершенства, но Норма Джин Бейкер стала столь мощной фигурой воображения, столь противоречивой, столь стойкой, что предложила образ сексуальности, который имеет много характерных черт древнего мифа и ритуала.

Как и в случае любого настоящего мифа, история жизнь Мэрилин Монро состоит из экстраординарных фрагментов, образов, которые нашли свой путь глубоко в коллективном психе: обнажение для календаря, банальное для современных стандартов; её песня на вечеринке дня рождения Джона Кеннеди; её таинственность и шокирующая смерть.

Она была удивительным образом осведомлена о своем призвании быть центральной фигурой в мирской сексуальной мифологии и демонстрировала редкую изысканность, разыгрывая свою роль. К счастью, у нас есть её собственные слова, описывающие напряженность и блаженство её места в обществе. Собранные в языческом евангелии, незнакомом Иудео-Христианской культуре, её размышления создают своего рода священный текст религии Афродиты – так была она близка к тому духу, что вдохновлял её. Я предполагаю,

что её сила исходила из её уязвимости, не только по отношению к миру вокруг неё, но особенно по отношению к вдохновению, что она чувствовала внутри себя.

Мир всегда имеет свою коллекцию секс-звёзд, и в наше времена их сексуальность обычно более наглядна и абсолютна, чем в дни Мэрилин Монро. Тем не менее, даже в её собственное время, находясь в окружении женщин прославленной красоты и сексуальности, она стала богиней, мифом. В художественной литературе, журналистских расследованиях и биографии, авторы никогда не останавливаются в попытке понять её тайну. Я подозреваю, что это связано с её лояльностью к духу, что с начала жизни нашел в ней своё пристанище.

Она говорила, что помнит, как юная женщина мечтала о своем будущем: «Я представляла себя идущей в красивой одежде, все восхищались и слышались слова похвалы». Многие молодые люди могли бы говорить подобное, но все же в контексте её размышлений о её жизни, эти слова показывают интенсивность её преданности вещам Афродиты – красоте, одежде и восторгу. Она живо слышит похвалу из будущего, и конкретно видит себя преисполненной восхищением её культивированной красотой.

Позднее, после того, как она стала звездой, она сказала: «Я знала, что принадлежу общественности и миру, не потому даже, что я была талантлива в красоте, но потому что я никогда не принадлежала чему-либо или кому-либо еще». Древняя тема обреченного ребенка прослеживается в этих словах девочки, росшей в детском доме – почти обязательная предпосылка для личности, становящейся мифом. Но недостаточно будет услышать их как буквальное описание её обстоятельств. Если Мэрилин действительно стала мифом, мы можем ожидать нахождения древних паттернов мифической реальности в её жизни и словах.

Экстраординарная фотография, показывает её сзади на сцене в Коре, её руки подняты вверх к небу, океан солдат простирается перед ней, и белый крест на заднем фоне, прямо над её руками [7]. Этот человек, который для публики, есть жрица Венеры. Она сыграла свою роль в мире, что была вызовом тому, что представлено крестом, но эта фотография показывает, что эти двое были подобный соединяющимся звездам, двум мирам, которые более близки друг к другу, чем готовы признать поклонники.

Мэрилин Монро в Корее

В другой раз она описывала чувствительность, которая у неё была в её публичной роли дочери Венеры: «Единственные люди, которые меня волнуют – это люди на Таймс Сквер, через дорогу от театра, которые не могут быть рядом, когда я вхожу. Если у меня яркий макияж, они никогда не увидят меня. Этот макияж – для всех, так что когда я машу им, это сближает нас через площадь». Какой замечательный способ мышления, целиком в контексте Афродиты. Несомненно, она была личностью, обладающей «гением секса», подобно тому, как в некоторых людях есть гений математики, и она использовала свою особую форму интеллекта для совершенного призвания мифа.

Труман Капоте добился её роли именно так: «Я не думаю, что она была актрисой вообще, не в каком-то традиционном смысле. Она была...присутствием,

свечением, этим мерцающим интеллектом... никогда не всплывающим на поверхности сцены. Это было настолько хрупким и тонким, что могло быть поймано только с помощью камеры» [8]. Лоуренс Оливье говорил, что «она была счастлива, как ребенок, когда фотографировалась». Она жила для образа, который воплощала – духа, который можно было увидеть, возможно, только в объективе камеры. Можно было бы ожидать, что она будет иметь проблемы с действительной жизнью и никогда не найдет человека, который был бы полностью удовлетворенным и довольным приятелем.

Один наиболее стойких и классических образов Мэрилин Монро – это когда она снята на городских воротах Нью-Йорк, её юбка поднялась над коленями в древней позе *anasyrma*. Тот факт, что типичный образ Афродиты усиливает связь между Богиней и кинозвездой, и факт, что эта фотография, тот древний жест, что мы видим сегодня в музеях в форме крохотных амулетов, стал настолько отождествляться с ней и воспроизводился бесчисленное число раз – всё из этого классического, мифического материалы демонстрирует, что Норма Джин была одержимой женщиной, которая ответила на необычный призыв служения глубинному воображению мира.

Многие писатели пытались решить головоломку Мэрилин Монро без учета её подлинного мистического присутствия в нуждающемся в ней обществе. Наш отказ от языческой чувственности приводит нас к помещению секса в категорию, далекую от истинного благочестия и серьезности. В этом пустотелом мире, Мэрилин Монро продолжает быть напоминанием о жизнеспособности и привлекательности подавляемого мифа. Она не просто сексуальная личность, как многие наши современные секс-звезды. Через её гений, оставаясь верным её вдохновению, мы можем найти в её чувствительности и творческую иллюзию, которую мы жаждем, но в то же время отвергаем.

От неё мы можем усвоить многие уроки секса – уроки, которые в большинстве случаев, вероятно, противоречат общепризнанным ценностям в обществе. Мэрилин, например, даже её самыми утонченными биографами, обвинялась в самовлюбленности, но все же её слова предполагали нечто совершенно другое. Её интерес к своему образу является частью её мифа. Возможно, нам следовало бы больше взять храбрости её фокусирования на себе и её образе, нежели чем жаловаться на её нарциссизм. Я считаю, что этот нарциссизм является обусловленным, так или иначе, нашим пренебрежением самим собой, и поэтому в данной реакции мы настойчиво утверждаем себя или безрезультатно проявляем себя. Биографы кажутся озадаченными удобством Мэрилин по поводу её тела и наготы, но её сексуальная простота просто демонстрирует глубину её идентификации с этим мифом, что все еще бросает нам вызов.

Мы могли бы узнать от Мэрилин как найти и отдать почеть тому духу в нас, что является фундаментом сексуального. Балерина Марго Фонтейн говорила о Мэрилин, что движения её тела производят «изящный волновой эффект, подобный движению почти спокойного моря. Мне ясно казалось, что это нечто таким, то не было для неё сознательным; это было таким же естественным как дыхание, и ни в коей мере не действует как 'извивание', как предполагают некоторые авторы» [9]. Я не знаю было ли Марго Фонтейн известно, когда она

писала это, что в древние времена Афродита идентифицировалась с морем, но я знаю, что многие люди, предавшие себя духу Афродиты, часто воплощают его бессознательно.

Для большинства из нас Афродита является прибежищем значения и жизненности среди всего прочего, но мы можем научиться у Мэрилин как привнести этот дух вперед в нашей жизни и этим неожиданным путем обнаружить душу. Она представляет собой мифическую фигуру, которая даже сейчас соблазняет нас на чтение её слов, просмотр её фильмов, наслаждение её имитаторами и наблюдение мельком её духа в нашей повседневной жизни. Она манит нас в реальность, где она совершенствуется и которой мы пренебрегаем. Подобно Мэрилин, мы можем стать понимающими в вопросах секса, и не извне сексуальной сферы, а изнутри её. Мы можем осознать, то существуют пути сексуально выдающегося, сексуально талантливого и сексуально душевного бытия. Мы можем обучаться в сексе, не только в его физиологии и психологии, но и в его собственном особом характере.

Глава 5. Сексуальная фантазия и сновидение.

Совсем неочевидно, что это случается в фильмах, журналах или грёзах чьей-либо частной жизни. Для многих наблюдение этого настолько заманчиво, что кажется ответом на сильнейшую потребность, а не просто мимолетным увлечением, и иногда это может быть чрезвычайно принудительным. Для других это скандал. Но, в таком случае, принуждение и скандал тесно связаны между собой. Эти обе реакции указывают на то, что сексуальный взгляд имеет сильную эмоциональную силу, являясь таинственным и принципиально значимым.

Секс является столь ошеломляющим и мощным, что сексуальный взгляд может иметь нечто общее с религиозным взглядом. Созерцание священного объекта – центральный элемент во многих религиях. Католики почитают тот момент в Мессе, когда священник держит хлеб и вино так, чтобы видел каждый присутствующий. До изменений Второго Ватиканского Собора, колокола представляли собой мужчину или женщину, смотрящие на тело другого, обычно звенящие в этот священный момент Мессы. Когда я был ребенком, церковь также имела специальный ритуал благословения, именуемый Бенедикцией, где освященный хлеб помещался в переносную святыню, носительницу даров, предлагающую себя для взора и созерцания. В облаке ладана, после гимнов и молитв, священник поднимает гостию так, чтобы все видели и благословлялись через неё. Этот простой и красивый обряд сосредоточен на сущем показе и наблюдении.

Некоторые ученые считают, что в центральном ритуале Элевсинских мистерий древние Греки проводили дни в посте, процессии и жертвенном ритуале, кульминация которого состояла в священническом показе зерна пшеницы, и, возможно, ритуального или театрального акта. Буддисты созерцают образ и

жесты Будды, часто изображенного в виде возвышенной статуи, а Индусы имеют сложные и разнообразные обряды, луджу, сосредоточенные на их священных образах.

Я не хочу сказать, что любое святотатство достойно подобных сравнений. Акт демонстрации и соответствующей реакции созерцания и благословения религиозного ритуала может пролить некоторый свет на сильную роль сексуальной образности и подавляющую потребность видеть человеческое тело и сексуальную активность. Если обоснованно обычное чувство, что секс является священным, поэтому тановится целесообразным исследовать эту святость в контексте религиозных терминов.

В религии роль образов, икон и почитания изображений чрезвычайно сложна. Имеются эмоциональные и вызывающие разногласия аргументы по поводу того, служат ли образы религиозной жизни, и большинство религиозных людей весьма бдительны по отношению к поклонению образам как таковым, ибо находят идолопоклонничество отвратительным. Тем не менее, почтение образов в религии широко распространено и часто формирует саму суть религиозной жизни.

Изображение может пониматься как представление Божества, средство созерцания и поклонения, а также в случае статуй, они могут одеваться, купаться, наряжаться и им даже предлагают еду. Во многих случаях они красиво сотворены, часто в соответствии с древними правилами; они могут быть возвышающимися в размере или сделанными с драгоценными камнями и материалами. Как правило, они глубоко впечатляют смотрящего и поэтому возвращают дух благочестия и восхищения. Некоторые верующие считают, что когда статуя или картина сделаны совершенно, то дух Божества входит в статую, и человек, представляющий себя образу, получает пользу от этого духа.

Сексуальные изображения, кажется, разделяют эти качества религиозных образов и созерцания. Конечно, для многих религиозных людей сексуальные увлечения противопоставлены штампу религиозного духа, но в некоторых традициях, где секс является священным, «скачок» от почитания образа Святого к почитанию сексуального Бога или Богини оказывается не таким уж большим.

Принимая во внимание сексуальную образность с её глубинными целями, мой интерес состоит не в поиске путей к её искоренению, но в исследовании её *telos*, её глубинной необходимости. Нет ничего хорошего в публичном осуждении и тайном почитании, которое носит такой массовый характер[1]. Высокообразованные и глубоко духовные люди порой обращаются к порнографии – подобно Паулю Тиллиху, который, по сообщениям его супруги, иногда помещал секс-журналы внутри одного из своих теологических томов. В другом случае, Эрика Лонг описывает Генри Миллера как «наиболее противоречивого из характеров: мистик, который известен своими сексуальными писаниями» [2]. Образы Афродиты и Венеры (а также других Божеств) намекают на таинственные знаковые качества человеческого тела. Сегодня, не помышляя о религии, люди идут в темные театры и небольшие кабинки, сидят перед телевизионным или компьютерным экраном, глубоко погружаясь в образность, изображающую обнаженное тело или сексуальные акты. Мы знаем, что эти зрелища были частью

религиозных ритуалов в прошлом, и может быть, священное действительно замаскировано в этих, подобных ритуалам, ситуациях.

В современной жизни секс представляет собой одну из нуминозных областей, оставленную нами. Нуминозная аура и таинственность обычно ассоциируется с религиозным чувством. Мы разрушили тайну планет и звезд с нашими телескопами и передвижными машинами. Мы снизили нуминозность природы через наши бесчисленные исследования и эксплуатацию. Но, к счастью, мы еще не ослабили силу секса, возбуждающего глубокое желание и принуждающего созерцание образов. Может быть, это спасительная благодать, что человеческое тело все еще вызывает непреодолимое желание быть зримым и даже внутреннюю нужду в табу.

Тело как образ

Наблюдение того, что происходит в сексе – не просто зрительный процесс. Мы не ищем информации и не исследуем человеческое тело, как это делает врач. Может показаться, что мы ищем чистого удовольствия или оказываемся заинтересованными в грубом физическом удовлетворении. Но принуждение слишком сильно, чтобы объясняться исключительно физическими терминами. Душа становится непосредственно вовлеченной, и некоторым таинственным образом сексуальное видение имеет огромное значение для огромного числа людей. Чтобы понять то, что происходит в этом принуждении, нам придется проникнуть сквозь наши моралистические суждения и спросить, насколько открыто, насколько мы можем, что это за страстное томление, приводящее нас к этому видению, которое столь неотразимо и так редко оказывается полностью удовлетворенным.

Почему люди хотят смотреть, как другие занимаются любовью на сцене? Почему они жаждут органов и проникновений под камерами крупным планом? Почему журналы, что печатаются и продаются каждый день, преисполнены тех же самых взглядов, тех же самых актов и тех же самых ситуаций? Желание и удовольствие играют главную роль в стремлении к сексуальной сцене, также как желание исцелить может двигать врачом, а надежда религиозного сознания движет церковным прихожанином. Что мы видим, когда смотрим на человеческое тело эротически? Ответ на этот вопрос оказывается неуловимым, поскольку сексуальность сама по себе являет собой благословенную тайну.

Созерцание есть религиозное слово: нуминозность, что окружает секс и дает ему его эмоциональный заряд, призывается из религиозных категорий. Язык, который мы используем для секса, является слишком физическим, излишне идеализированным или избыточно вульгарным, чтобы прикоснуться к нуминозности. Иногда кажется, что мы используем клинический язык для секса, чтобы дистанцироваться, и, может быть, защитить себя от его силы, и вульгарный язык может иметь тот же самый эффект.

В монашеской практике, созерцание отличается от молитвы своей медитативной практикой. Оно представляет собой восприимчивое отношение, цель которого – единение с Божественным. Средневековый Христианский мистический учитель МейстерЭкхарт часто ссылается на объект духовного созерцания, как на

обнаженную Божественность: «обнаженная сущность души находит обнаженное, лишенное формы Божественное единство, которое есть превыше бытия, принимающее и отдыхающее само в себе» [3].

Эта Божественная нагота даёт нам подсказку о нуминозности в человеческом обнажении. Сильная аура окружает красочно и удачно запечатленное на фотографии обнажение, и это может также придать определенный ореол непосредственно плотскому любовнику. Обнажая человеческое тело, мы получаем намёк на нимфу, Афродиту, которая даёт жизни такое наслаждение и удовлетворение. Если сексуальное тело не нуминозно, то люди не будут гипнотически притягиваться к нему, а религия при этом будет озабочена его приличием.

На одном уровне, гляди на снимки с обнажением, есть ли там вовлечение в сексуальную активность или нет, мы можем возыметь попытку узреть обнаженную реальность в наиболее абсолютных терминах. Почему желание взглянуть так непреодолимо, если за ним не стоит фундаментального влечения и цели? Фотограф Эдвард Вестон, известный своими образами обыкновенных раздетых мужчин и женщин, часто размышлял о своей работе в этих свободных терминах. В записи журнала от 1930 года он пишет, как хорошему фотографу требуется «раскрытие» модели, осознание и готовность камеры. Когда всё это находится на своем месте, он говорит, что «тот самый костяк жизни становится обнаженным» [4].

В своей знаменитой книге об обнажении, Кеннет Кларк рассказывает историю о Книдской Афродите, сотворенной Праксителем в четвертом веке до н.э. История рассказывает, что народ Коса, который имел полномочия над статуей, отверг её, и поэтому она была перенесена на Остров Книдос, у береговой линии Малой Азии. Она была установлена в святилище, преисполненном фруктовыми деревьями и окруженном виноградом. Богиня изображалась обнаженной, собирающейся шагнуть в ванну, держа в левой руке только что снятую одежду. Её губы раздвигаются, а правая рука охватывает её лобок и акцентирует на нём внимание. Согласно сохранившейся истории визитапочитателей в святилище, один человек обнял её шею, и всем, кто хотел её узреть с задней стороны, приходилось входить через заднюю запертую дверь. Кларк заканчивает историю со следующим замечанием: «Никто не ставит под сомнение тот факт, что она была воплощением физического желания, и что эта таинственная, непреодолимая сила была элементом её святости» [5].

Кларк делает такое же замечание, с которым я сталкиваюсь снова и снова – в нашей культуре трудно понять, как Афродита может быть объектом религиозного почитания. Но если мы смогли бы прибыть к той точке, где можно было бы обернуться к утверждению Кларка, то увидели бы, что святость играет свою роль в сексуальной образности. Созерцая эротизм в человеческом теле, мы зрим тайну нашей собственной природы, а также тайну нашего горячего и страстного желания в отношении единения в абсолютных терминах. Тело, действительно, является храмом, не просто из-за своей красоты и значимости, но в связи с тем, что в нем пребывает святая тайна человеческого бытия. При приближении к нему, глядя на

него, даже не замирая от его привлекательности, мы вовлекаемся в глубокое изумление, преисполненное очарования и наслаждения.

Это подобно тому, как если бы сексуальное видение отвечает на наиболее фундаментальные вопросы: Кто Я? Как я сюда попал? Что я должен делать? Ответы пребывают в теле, если мы только знаем, как их узреть. Не ведая же, мы смотрим с жадой, но без полного удовлетворения. Некоторые люди горько сетуют по поводу нашего смотрения, и может быть, так и должно быть. Любой истинный религиозный акт требует табу, как способа сохранения своей святости.

Сексуальное Созерцание

В кинотеатре или на сценическом шоу, объекты похотливого взгляда, скорее всего, не имеют личных взаимоотношений с теми, кто наблюдает. Некоторые находят эту договоренность обезличивающей, и это, очевидно, имеет свои клеветнические аспекты. Но в благоприятных обстоятельствах эта сексуальность может быть безличной, но не обезличивающей. Она может указывать на мужчин и женщин, показывающих свои тела Афродите, которая есть душа, нимфа, что вызывается сексуальными или порнографическими ритуалами.

Созерцание иногда описывают как общее состояние сознания: практик просто созерцает. Но также имеет смысл созерцать определенными путями, такими как созерцание природы, нашего дома, искусства или музыкального произведения. В этом смысле, можно смотреть на сексуальное тело и пребывать в особом виде созерцания – сексуальной медитации. Я вспоминаю, как шел по улице и заметил молодого человека на противоположной стороне. Красивая молодая женщина прошла мимо него, и, взирая на неё, он вошёл прямо в телефонный столб. Это – созерцание. Однажды я обедал в ресторане с женщиной, которая не могла оторвать глаз от красивого официанта и, в конце концов, пролила соус на своё платье. Если мы когда-либо потеряем способность быть поглощенными сексуальной фантазией, мы на еще один шаг отступим от души, которая определяет нас как человека.

Эдвард Уэстон утверждает свою философию языком, который перекликается с прославленной рекомендацией Уильяма Блейка увидеть целый мир в зерне песка: «Я пришел к осознанию жизнь как единого целого и себя, как части, с камнями, деревьями, костями, капустой, дымовыми трубами, туловищами, всё взаимосвязано, взаимозависимо – каждое есть символ целого. И далее, детали этих частей имеют свою собственную целостность, и через них демонстрируется целое – булыжник становится горой, а веточка видится как дерево» [6].

Торсы в списке Уэстона предполагают, что образы обнаженного тела могут восприниматься как намёки на жизнь в целом. Глядя на нагое тело, мы исследуем природу жизни, тайну человеческого существа, и секреты всех тел – тела мира, тела политики, тела воды, тела книги и, согласно фразе Д.Г. Лоуренса, тела Бога. Тело мира часто открывает себя как источник приятного разглядывания, как тогда, когда мы замечаем на небе Луну, (особенно когда это случается в великолепные моменты), или смотрим на водопад в лесу.

Наша задача состоит в том, чтобы по-настоящему увидеть, проникновенно посмотреть – так, чтобы этого оказалось достаточно для восприятия мира, что лежит внутри и за пределами очевидного. Созерцание образа должно стать поглощением в нем, а не просто сканированием на расстоянии. Секс вдохновляет взор, взгляд украдкой, беглый взгляд и пристальное смотрение – всё из этого представляет собой особые способы бытия присутствующего образа, и в реальности секса присутствие оказывается существованием.

Также часть человеческой жизни – быть рассматриваемым, быть объектом желания. Мужчины и женщины щедро показывают себя взору любовников, а некоторые взглядам публики. Мэрилин Монро может жить в каждом, даже её присутствие как архетипической фигуры может быть волнующим, а также она может преисполнить наши жизни душой – тем путем, какой доступен только сексуальной нимфе. Эксгибиционист демонстрирует, что есть нечто в человеческой природе, невротичное или нет, что наслаждается видением, особенно сексуальным.

Если мы могли бы слышать слово без институционального или профессионального нюанса, мы могли бы понять, что в нашем непреодолимом сексуальном любопытстве, мы смотрим на эротическое тело религиозно – с глубоким преданностью и с трансцендентной целью. Через тело мы наблюдаем что-то от души и, соответственно, тайны самой жизни. Непреодолимый аспект сексуального взора выдаёт тот факт, что наше смотрение недостаточно глубоко. Когда мы чтим святой лик, то знаем, что пребываем в присутствии нуминозного. Но в нашем светском обществе мы потеряли явное осознание святости секса. Мы думаем о нем исключительно в человеческих терминах, настолько отдаляясь от религии, насколько это возможно, и, следовательно, наше видение неверно.

Наш сексуальный взгляд преисполнен нуминозности, но у нас нет языка или какого-либо хитрого ритуала для такого рода благоговения. Возможно, наш красочный сленг и тенденция окружения сексуальным взглядом света блестящего Шоу Лас-Вегаса или темноты кинотеатра таят в себе попытки сотворения ритуала, но душа требует высказанной до конца преданности. Расщепление тела и духа в нашей культуре имеет невообразимо глубокие последствия. Секс лежит у самого основания нашей идентичности и в основе нашей потребности избежать одиночества и обнаружить радость. Но столь сильно секуляризовав его, мы стали страдать от ужасного хаоса и пустоты, в самом фундаменте нашего существования.

Секс в сновидении и фантазии

Религиозное почитание образов может также помочь нам оценить запутанное проявление сексуальной образности в наших сновидениях – тонких дневных мечтаний и темных сновидениях ночи.

У большинства людей есть сексуальные сновидения на протяжении их жизни. Такие сновидения могут приводить к нарушению того элемента в нас, что контролирует сексуальное желание. Однажды я был на национальной программе телевидения, обсуждая сновидения и рекомендуя практику рассказывания снов супругу или хорошему знакомому, когда хорошо известный гость сказал: «Вы,

конечно, не стали бы рассказывать ваши сны своей жене». Зрители засмеялись, зная, что некоторые сновидения не только наглядно сексуальны, но могут включать такие поступки и партнеров, что становится возможным скандал в контексте ординарной жизни.

В одном услышанном мною сне, мужчина занимался любовью со своей женой и увидел, что его пенис длинный, узкий и прямой - как карандаш, объяснял он. Он ощущал дискомфорт, но его супруга была щедра к его члену своей любовью и очевидным удовольствием. Мужчина поведал мне об этом сне с некоторым дискомфортом и сказал, что в сновидении чувствовал себя смущенным. Я не проигнорировал и другую фигуру в его сновидении – супругу, которая не видела в этом ничего плохого, и, на самом деле, казалась наслаждающейся формой его пениса. Довольно часто не сам сновидец подсказывает нам, как воспринять рисунок.

Этот человек был писателем и художником, и поэтому не требовалось больших усилий для сосредоточения нашей дискуссии на сексуальности его творческой работы(впрочем, это не единственное разумное направление). Он говорил о своих чувствах неполноценности в связи с неустойчивым положением в жизни, с не предоставлением достаточного своей семье и с недостаточной реализацией ожидания по отношению к себе, как к художнику. В карандаше-пенисе его чувства, кажется, отлично конденсировались, и в сексуальном обожании его жены мы увидели доказательство его способности принимать и любить себя.

Мы можем извлечь еще один урок из этого сна: сновидения секса не всегда явно касаются секса, но могут быть связаны со своего рода любовью и страстью, с эросом в более глубоком смысле. Такие сновидения также могут показывать, как тщательно секс включает себя в других областях жизни, особенно если мы принимаем во внимание такие качества сексуальности как желание, наслаждение, чувственность и даже табу.

Наши сексуальные фантазии также имеют много общего с поиском значений, направления и индивидуальности. Фантазии о сексе, очевидно, привлекают множество людей, состоящих в интимных взаимоотношениях, бракосочетании и воспитании детей. Они могут выманивать нас из плохого брака или из взаимоотношений, которые утратили свою жизненность. В стабильных и вообще счастливых отношениях, сексуальные фантазии могут помочь сохранить желание самого себя живым и действующим.

Эрос служит душе через желание и удовольствие, и объекты наших желаний не всегда так просты и очевидны, как может показаться. Сексуальные фантазии могут призвать новую жизнь в облики новых сексуальных переживаний, и, таким образом, мотива для подавления этих фантазий не может быть больше, чем моральной чувствительности как страха неукротимого жизненного изобилия. Множество раз на терапии я видел человека с широкой улыбкой и выражением удовлетворения на лице сразу после того, как он утверждал для себя новый способ подавления своих желаний. Иногда можно легко различить невротическое удовлетворение и глубокую радость.

Сексуальная фантазия пробуждает, направляет и мотивирует. Она представляет собой форму образования, что учит нас направлению, где желание нашей души ведет нас через утверждение приятных ощущений, происходящих как следствие особой эротической образности. Молодой человек однажды рассказал мне о серии сновидений, где его партнерша занималась любовью с одним мужчиной за другим. Образы пробуждали в нем мучительную ревность, и больше всего на свете ему хотелось прекратить такие сновидения. Два года спустя этих снов, он проживал с кем-то еще во вполне удовлетворяющих отношениях, а его бывшая любовница была счастлив в браке. Его более ранние сновидения, где его партнерша вовлекалась в связь с другими мужчинами, казалось, опережали его жизнь, а его чувства ревности показывали сопротивление судьбе.

Однажды мне приснился сон, где я летал по воздуху кругами, вися на веревке в форме восьмерки. Друг, которым я восхищался, висел на противоположной стороне веревки, и вместе мы наслаждались нашим танцем в воздухе. Мой друг был старше меня, авторитетный и достаточно хорошо известный. Это сновидение посетило меня незадолго перед тем, как было обращено внимание на мою собственную работу, и это могло означать определенный уровень равенства с этим человеком, которого я начинал достигать. С другой стороны, я мог также видеть это как часть длинной серии «летающих» сновидений, где у меня проблемы взлёта и посадки. Здесь я дома в воздухе и у меня надежный партнер. Мы висим на бесконечности (горизонтальная восьмерка), все дела, вселенная – в нашем беспочвенном, беззаботном восторге.

Я не думаю, что это сновидение обязательно имеет отношение к моему другу. Я вижу его как указ на состояние моей души. Оно обосновывает некоторые моих опасения по поводу слишком ветреного и воздушного во всем, что я делаю – в моей работе, моей жизни и моих мыслях. Я обнаруживаю в этом сновидении загадочную истину о том, что человек может иметь партнерство и радостно жить в неудержимом воздухе, в беспочвенном пространстве воображения. Сновидение обращается к теме настоящей главы – обоснованности воображения, не укорененного и отсоединенного от жизни. Образ сновидения может быть запечатлен подобно карте Таро, не имеющей прямой взаимосвязи со мной, но остающейся насыщенным универсальным образом для безымянной тайны.

Это сновидение не является явно эротическим и напоминает мне многие сновидения, которые я слышал от мужчин и женщин, связанных нежными моментами любви с неизвестными или неправдоподобными любовниками. Также как я обнаружил себя странным, но радостным в связи с другом, многие люди наслаждаются (хотя и озадачиваются) любовниками, с которыми объединяются в своих сновидениях. Один из ключей к таким снам – рассмотрение тех различных миров, что представляют любовники. Мой партнер в «бесконечном сновидении» был коллегой по работе, то есть сон намекает, что контекстом данного воздушного танца является работа.

Эрос и Внутренняя Жизнь

Я также слышал такие версии сновидений от некоторых людей, где сновидец обнаруживал себя в спальне с партнером, желая заняться любовью. К

сожалению, в комнате также присутствовало несколько человек, будто бы на формальном сборе или приеме, и потенциальные любовники лишались уединения. В конце концов, толпа удаляется, и любовники остаются одни, только сейчас комната ярко освещена, а им хотелось бы немного темноты. Далее сновидец находит выключатель света, но он не работает, или не получается найти нужную кнопку во множестве кнопок, или же когда один свет гаснет, зажигается другой.

Существует множество элементов в этом общем сновидении: конфликт между желанием неприкосновенности частной жизни и темноты, с препятствием толпы и сложностями в управлении выключателем. Нелегко отыскать внутреннюю жизнь, свободную от массовых идей, умаляющих темноту или просто порождающих контроль. Это сновидение может быть общественным мифом, указывающим на трудность позволения себе иметь душу и наслаждаться внутренней эротической жизнью. Это также связано с идеей, которую мы рассматривали ранее – о том, что тьма представляет собой средство придания сексу ритуальных качеств.

Такая же тема находит своё отражение в истории Эроса и Психеи, где Эрос требует, чтобы Психея пошла с ним в постель в полной темноте. Когда Психея поддаётся искушению увидеть своего возлюбленного и приносит масляную лампу в спальню, Эрос удаляется. Этот опыт, кажется, подтверждает, что эрос жаждет тьмы, конфиденциальности и секретности – и в нашей буквальной спальне, и в переносном смысле как части интимности, которой делятся любовники. Любовь и душа прорастают глубоко во внутреннее пространство, свободное от идей и суждение мира, в своё исконное место.

Этот аспект эроса и сексуальной любви также иллюстрируется в сказке о Тристане и Изольде, которые наслаждаются любовью в отдаленной пещере. Пара путешествует по бесплодной земле в течение двух дней, прежде чем находит пещеру – древнее место, используемое ранее двумя старыми великанами, где, согласно автору истории, «имелось тайное место, когда они изволили уединиться и творить любовь» [7]. Пещера послужила сходной цели для Тристана и Изольды: там «они сотворили именно то, что требовали их сердца». После чего они были обнаружены Королем Марком, мужем Изольды, что увидел их через окно. Автор отмечает, что «никогда снова на протяжении остальных лет они не будут также же уединены, как тогда, и они даже не всегда заимуют такую благоприятную возможность для восторга, которую тогда имели».

Любовь и секс необходимо изъять, хотя бы на мгновение, из общества – его физического присутствия и его морально-интеллектуального вмешательства. Любовь сеется и расцветает в уединенном месте – месте, где душа выходит на первый план, а жизнь в занятости отступает на второй. Наша склонность быть сокрытыми в сексе может более мотивироваться потребностью души, чем нашей заботой о смущении. Может быть важным сохранение личных сексуальных воспоминаний, также следует позаботиться о том, как много вы рассказываете кому-либо, врачу или терапевту, о своем сексуальном прошлом. Хотя, конечно, я не говорю о сдерживании информации в том случае, когда в ней есть потребность для физического и эмоционального здоровья.

У любовников часто бывают периоды, когда в своем уходе они держат свои влечения при себе, признавая, что душа в эти болезненные дни требует чего-то подобного теплице или пещеры на далекой земле для возвращая любви. Секс может также быть сокрытым по причине вины или как способ манипулирования обстоятельствами, что представляет собой теневую сторону пещеры влюбленных.

Эти сновидения сексуальной конфиденциальности демонстрируют важную идею о том, что сексуальные сновидения бывают разными; было бы ошибкой видеть секс, упуская нюансы. Очнувшись от сексуальной мечты, мы можем рассмотреть все детали и меньше думать о сексуальном возбуждении, но больше – об особом пути, которым секс представлен в нашем сновидении, в частности о роли желая, виде предлагаемого удовольствия и путях, где пристойность может быть нарушена. Например, в личном сновидении нам предлагается подумать о необходимости освобождения секса от суровых и репрессивных требований, поступающих из моральных учреждений. Де Сад представил сходную идею в своей прозе, где его распутники искали под землей защищенные полости, где они могли бы предаваться своим фантазиям. Душа, очевидно, обитает на свету, но в ней есть укромное место, в котором происходят вещи, которые не предназначены для света дня.

Созерцание Богини

Всякий раз, когда я вижу людей, пассивно стоящих в небольших группах перед журнальными стойками, преисполненными изображениями мужчин и женщин, различным образом обнаженных и в сексуальных позах – кажется очевидным, что они окутаны созерцанием. Когда я изучал том за томом сексуальную литературу, написанную и опубликованную женщинами, я чувствовал сильную тоску по восстановлению в сексе полноты тела и души. Мы страстно желаем именно того, что подавляем – это наша необходимость исследования и созерцания тайны сильного желая, интимного общения и драмы эротической встречи.

Я вспоминаю сон, который я однажды услышал от молодого человека (на это я ссылаясь в других местах моих работ), где он обнаружил себя лежащим на полу в тронном зале, глядя между ног Матери Богини, которая восседала на троне. Будучи полностью погруженным в своё видение, он ощущал, что благословенным образом вся жизненная активность остановилась, чтобы позволить ему это абсолютное удовольствие. «Принуждение» – это слишком слабое слово для описания его потребности иметь это видение. Я чувствовал, что можно увидеть эту сцену, отображенную в его жизни более тонкими путями - во множественных признаках преданности, которую он выказывал по отношению к различным женщинам в своей жизни и его жажды быть очень сострадательным и воспитанным материнской фигурой. Сильный, не свойственный человеку, мифологический тон в нем, также, казалось, отражается в серьёзных трудностях с пищей, детьми и женщинами, в его тенденции во всем быть матерью, чрезмерно чуткой и обожающей, но жестокой бессознательно.

Сновидение было в определенном смысле порнографическим, и все же также очевидно, что это ритуальный акт. В то время меня заинтересовал вопрос: а что, если любое обращение к порнографии – это воспроизведение сна, ритуальное

возвращение к богу или богине, которая приблизилась таким путем и чье присутствие следует наблюдать в постыдной, если не унижительной, позе? Те люди у журнальной стойки, чувствуют ли они вину и пытаются скрыться, потому что боятся осуждения общества, или чувство стыда возникает из-за того, что нужно отдать себя богине, расстаться с преимуществами пристойности и совершить необходимые ритуальные созерцания? Чувствуют ли они стыд за себя, привлеченные к самой богине, чье существование и власть они отвергают? Делают ли они на улице то же самое, что мой клиент делал в своем ярком сновидении?

Сексизм нестерпим на личном, социальном и политических уровнях, но его глубокие корни – в нездоровом способе нашего бытия в этом мире. Предельный сексизм – это не просто клевета на женщин, но безусловное пренебрежение всем, что включает в себя образность Богини во всем мире. Сексизм есть выражение разделенного и сжатого образа жизни вкупе с глубинным неприятием Богини в наших жизнях. Достижения политического равноправия для женщины самого по себе недостаточно. Может быть, созерцание и священный взор представляют собой дары Богини, которые подавляются и теперь почитаются только в наших сновидениях и принуждениях.

Становление Религиозной Души Сексуального Присутствия

Одно из наиболее знаменательных мест сексуальной фантазии на земле, в некотором смысле связанное с порнографическим киоском, находится в маленькой деревне в центральной Индии и называется - Кхаджурахо. Между началом девятого века и началом двенадцатого, в относительно небольшой период, там были построены бежевые и розоватые храмы на высоких террасах. Главный вход большинства этих храмов обращен к восходящему солнцу. Каждый храм уникален по своему дизайну и посвящен отдельному Божеству. В интерьере каждого храма, в святилище, представляющем пещеру источника жизни, присутствует статуя или символ Божества. Только Брахман, чья задача – исполнение жертвоприношения, может быть допущен в святилище [8].

На фасадах этих храмов присутствуют множественные скульптурные фигуры, представляющие битвы, танцы, дневные занятия, зверей и различные виды орнамента. На многих храмах есть эротические сцены, показывающие каждую форму занятия любовью, включая половое сношение между человеком и кобылой. Повсюду – образы украшенных драгоценностями, восторженных, изогнутых, изящных тел, в том числе - пары в нежных объятиях.

В своих воспоминаниях Юнг рассказывает о своих путешествиях в Индию в 1938 году, когда его взору предстали подобные образы в Конараке. Его индийский гид объяснял их как средства напоминания непросвещенным молодым людям об их дхарме, законе их жизни. Сначала они должны справиться со своей сексуальностью, а затем одухотворить её, говорил он. Юнг сомневался, что молодые индийские люди нуждались в напоминании о своей сексуальности, и стал особенно скептическим, когда гид упомянул о том, что он и Юнг достигли определенного уровня сознания и пребывали выше этого рода вещей [9]. Но Юнг, казалось, одобрял идею, что мы имеем дело с нашей сексуальностью, как с

нашей кармой, с материалом, из которого мы родились и с которым работаем. Эротические образы удерживают внимание людей на религиозной практике.

Существует нечто большее в эротической образности, чем напоминание об удовлетворении наших ординарных жизней, впрочем, суть не должна быть утеряна. Одна из причин неизбежного присутствия порнографии в нашей культуре – это, может быть, тот факт, что многими путями мы представляем собой общество духа, не только в религиозном смысле, но в нашем игнорировании чувственной жизни, преследуя культурный потенциал, анализ, понимание и технологическое общество с высокой степенью контроля. Мы можем нуждаться в более полном вхождении в свою карму – нашу семейную жизнь, потребности наших тел и сердец, наши ординарные жизни – или же сексуальное продолжит давить на нас как эмоционально-загруженный, запутанный антагонист смысла, вместо того, чтобы дополнять его. И также вместе источника нашего комфорта мы получим угрозу нашему обычному спокойствию.

В предисловии к иллюстрированной книге о Кхаджурахо, Алэн Даниэль упоминает о «таинственном присутствии», что ощущается в эротических статуях, и он цитирует древнюю Дравидийскую поэму, «Manimekhalai», где скульптурная фигура на храме рассказывает сама о себе: «Когда Майя, Небесный Архитектор, после долго удерживания взора на мне, сотворил эту статую в моем образе, подобие оказалось столь велико, что я ощутила обязательство жить в ней» [10]. Это необычайное заявление о нуминозности образов предполагает глубокую перспективу эротической образности вообще: они содержат дух, который обладает потенциалом и важностью для энергичной жизни. Они причиняют нам беспокойство, в том смысле, что прорываются через наши моральные обязательства и интенсивную духовность, несмотря на свою очевидную чувственность.

Когда религиозные статуи принадлежат к сексуальной тематике, мы можем предполагать, что они приютили в себе сексуальный дух, и смысл приближения к этой святыне в том, что она может дать нам немного этого родного духа, которому под силу оживить наши жизни. Алан Уоттс, чьи книги 1960-х годов пропагандируют чувственный подход к духовности, комментирует Храм Солнца в Конараке. Он упоминает Западного блюстителя нравов, который, как правило, отделяет мысли и чувства и находит значение только в рациональном уме, тогда как индийская йога представляет собой «очищение чувств от рабства концепциям» [11]. Было бы ошибкой, с точки зрения Уоттса, переводить эротическую образность в идеи и символы, поскольку сама их суть в том, чтобы удерживать нас вовлеченным в чувственность и эротичность.

Уоттс отмечает, что пара не «идет в постель», но танцует. Они не обнажены; они носят короны, ожерелья и браслеты. Они показывают нам, без объяснений, как секс становится ритуалом, но не животным актом, йогой экстаза, а не необходимостью для выживания вида. На Западе, говорит он, мы не осознаем, что у нас есть потребность в экстазе. Я могу также добавить, что в этих необычайных индийских скульптурах мы обнаруживаем, что красота, грация, ритм и форма существенны для секса, и что они открывают в нём духовный потенциал.

Уоттс описывает секс не так, как это часто делают научные исследователи – «вход» и «выход». Это не сброс давления, но проведение удовольствия, где цель – не оргазм, а испытание чувственности. Дарование себе достаточного времени, подготовка места, украшение наших тел, сотворение духовного окружения (место действия большего, чем есть мы сами) и наши «отношения» могут снять покровы, окутывшие секс тенью биологии и психологии в недавний современный период. Мы можем восстановить тайну, столь воспринимаемую нашими предками, которые строят храмы эросу, осознавая нашу абсолютную и неумолимую необходимость очарования.

Эротические образы на храмах Индии имеют особую благодать, но мы могли бы добавить к ним сексуальные темы в Греческом и раннем Средиземноморском искусстве, церковные и языческие центры Британских Островов и Европы, поместья и улицы Помпеи, Японские картины, скульптуры Африки, священные сексуальные образы Перу. По всему миру религия и секс пребывают вместе, создавая графические сексуальные образы, сублимируя их творчески для предоставления им духовного контекста и намерения.

Меня предупреждали друзья, хорошо знающие Индийскую культуру и религию, что я, вероятно, не смогу понять действительное значение Индийского религиозного эротического искусства. Индийцы, уверяли меня, вообще, как правило, не видят лингам (стилизованный мужской половой орган) и йони как нечто сексуальное, но как представление самой жизни или великой невысказанной религиозной тайны. Я уверен, что это предупреждение имеет смысл, и все же до сих пор считаю, что гораздо более обширное, глубинное и преисполненное тайнами Западное представление о сексе приведет нас ближе к невыразимым мистериям Восточной эротической образности, пролить свет на странную, совсемне-индийскуюзабоченность порнографией.

В нашем текущем контексте это трудно себе представить, но, возможно, однажды мы придем к той точке, где сможем иметь графическую эротическую образность вокруг нас и не думать так много о человеческой сексуальности или ощущать принуждение пристально смотреть на неё. Мы сможем просто наслаждаться эротическими образами и видеть через их поверхностную сексуальность фундаментальный, творческий эрос в своей сути. Тогда мы сможем обнаружить глубинную тайну секса, понять, что он представляет собой саму жизнь – по большей части именно в своей святости, чем в секуляризме.

Беспокоящие и оскорбляющие образы

Было бы нереалистично и неполно представлять только позитивную сторону сексуального воображения, так как очевидно, что такие образы могут также оскорбить и обеспокоить даже тех из нас, кто считает себя человеком со свободным разумом. Эротические образы могут быть тревожными во многих отношениях. Мы можем найти их излишне выразительными и грубыми, подобно фотографии Роберта Мэпплторпа. Некоторые из них явно содержат сексизм, обрушиваясь на одну сторону силы борьбы полов. Некоторые показаны бессердечными, исключительно с телесными органами. Некоторые связаны с насилием и святотатством. Некоторые просто бессодержательны и глупы.

Было бы упрощением считать, что эротические образы всегда целительны, и что всякий, кто находит их нежелательными, является моральным человеком с ограниченным умом. Некоторые сексуальные образы могут шокировать, захватить и выбить из колеи, а также вдохновить на возмущение. Полностью сексуально раскрытый ум знатока вполне может защищаться от темной силы эроса, тогда как моралист вместо этого покусается на жизненную силу секса вообще. Как известно любому рекламодателю, красивые и безобразные сексуальные образы являются мощными и оказывающими сильное воздействие на людей всех моральных убеждений.

В истории об Эросе и Психеи, в рамках своих глубинных посвящений душа вырывает крем красоты Персефоны из её будуара в подземном мире. Кажется, эта история говорит о красоте смерти, тени жизненных элементов и определенной доли негативности вообще, которая играют важную роль развитой и утонченной жизни. Годы практики психотерапии убедили меня в том, что ординарные люди вполне могут проходить через испытания, которые погружают их в темные области в точном соответствии с их кармой.

Древние поэты часто отмечали красоту Персефоны, и до сих пор в Орфическом гимне к ней, она описывается как «рогатая». Преисполненная противоречий, она представляет собой приятную молодую девушку, собирающую весенние цветы со своей матерью, а позднее становится ужасающей невестой Аида и, таким образом, Госпожой Ада. Орфический гимн восхваляет её:

*«Ты есть жизнь и смерть для трудящихся смертных,
О, Персефона — всегда и всё ты лелеешь, и всё всегда убиваешь»*

Эта двойственность и противоречие также присутствуют в эротической образности. Для некоторых эта образность представляет собой способ игры, диверсию или развлечение, тогда как для остальных это знамение падения цивилизации. При всей своей тьме, Персефона, Афродита или глубокий дух, что поддерживает графическую сексуальную образность процветающей, являются действительно мощной силой – вероятно, тёмной стороной всех позитивных сексуальных образов в религиозном мистицизме и иконографии. Это не вопрос о том, что одно является добрым, а другое злым. В связи с узостью нашего нынешнего видения, всё, что у нас связано с сексуальной образностью, представляет собой тёмную сторону Персефоны, своего рода недостающее целого, возникшее из-за наивности.

Эти мужчины, стоящие у журнальных и видео стеллажей, или ищущие в Интернете, или совершающие торговый интимный телефонный звонок, или призывающие свиту, а также женщины, наслаждающиеся сексуальной фантазией по книгам или посещающие мужские стриптиз-клубы – все они представляют всех нас в нашей отчаянной попытке найти наш глубинный сексуальный экстаз и духовность чувств.

Если действительно наша принудительность и беспокойство по поводу порнографии обусловлены страшной репрессией, тогда рекомендации для нас довольны ясны. Мы могли бы задуматься о нашей стыдливости и лицемерии. Не протестуем ли мы сами так сильно против тех образов, которые с такой силой

обращаются к нам? Этот вопрос уместен не только для тех, кто производит широкую критику сексуальной образности, но для каждого из нас, когда мы пытаемся, на протяжении всей нашей жизни, вплести свою сексуальность в остальную жизнь. Можем ли мы войти более энергично в жизнь, поднявшись над нашей сексуальной репрессией, без утери важных сексуальных запретов и конфиденциальности? Возможно ли наслаждение сексуальным взором (как для тех, кто смотрит, так и для тех, на кого смотрят) без буквального умаления наших персон? Можем ли мы быть сексуально творческими, свободными и, в то же самое время, сексуально моральными?

Принижение себя как сексуального объекта

Феминистки справедливо жаловались на унижение по поводу вовлечения в порнографическое наблюдение. Мы можем чувствовать себя объективизированным и обезличенным, когда кто-то смотрит на нас в метро или автобусе; тем более, когда такой взор сексуален. С другой стороны, есть такой вид смотрения, который не является отдаляющим и унижительным. Это интимный эротический взгляд, в котором вы, как объект, согласны заместить Богу или Богиню. Это может быть некомфортно, особенно если вас учили, что быть сексуальным объектом унижительно, но это также может быть приятным и облагораживающим.

Сама святость секса может быть связана с бросанием взгляда на наш огромный возлюбленный мир значений и ценностей, что лежит за фасадом нашей ординарной жизни. «Жизнь есть дверь к всему существующему», говорит Жорж Батай, и посредством любимого человека мы находим освобождение. Секс также представляет собой дверь на тот уровень, где жизнь проживается с необычайной непосредственностью и присутствием, образцом того, что становится возможным, когда эрос направляет путь.

Если мы обезличиваем наш мир и себя в этой стадии анализа, то вместо попыток усиления субъективности, может быть, более лучший вариант – это нахождение душевного способа исцеления вещей как объектов, и даже самому становление объектом. Но как вам смотреть душевно, и как вы сами сможете стать объектом сексуального взора без потери своей души?

Когда я представляю себя для взора своего любовника, я делаю подарок. Я отпускаю свои средства самозащиты и свою оборону, выставляя себя не только для рассмотрения глазами, но и для помышлений души. Рассмотрение происходит не только в моей физической природе, но в самом моем существе. Интенсивные чувства, вовлеченные в раздевание, запрещение, а также удовольствие от показа себя обусловлены не только физическими условиями, но тонкими эмоциями и состояниями души. Это огромная вещь в любой жизни – сделать её видимой, раскрыться.

Мы живем в мире, где объекты были лишены своих душ, и последнее чего мы хотим – это сами стать безжизненными объектами. Но даже вещи этого мира хотят, чтобы их наблюдали и трогали, и наиболее ординарные объекты повседневной жизни имеют душу. Мы можем привнести душу назад в простые объекты посредством способа, которым мы сотворяем их, обращаемся с ними и

читим их. То же самое истинно для нас самих как сексуальных существ. Мы можем обнаружить глубины нашего собственного взора и важность для секса наблюдения и смотрения. И мы можем восстановить значимость и удовольствие бытия объектом, преисполненные тайной сексуального взгляда.

Может оказаться важным иметь возможности для секса при дневном свете и на открытом воздухе, дабы возыметь соответствующую свободу и уединение для смотрения, показательно и вызывающе одеваться время от времени. Может быть, будет полезно иметь рисунки и фото на наших стенах для раскрытия тонкостей взора и приглашения духа Эроса войти.

Сегодня многие думают, что нам следует учить пары быть сексуальными друг с другом, но я хотел бы акцентироваться на более глубоком проекте – обнаружении глубин и высот секса, с присущей ему несентиментальной святости, духом и душой внутри механики, методов и принадлежностей. Мы должны пригласить духов секса в свою спальню, или же секс останется секуляризированным, эгоцентричным, самовлюбленным, со стремлением эксплуатации, даже посреди нашего предполагаемого сексуального просветления.

Это могло бы подтолкнуть нас от симптоматического, обезличивающего взгляда к видению той мистерии, что представляет собой секс, но я никогда бы не ожидал бы полного решения проблемы отказа от эротической образности и порнографии – совершенного баланса, полной интеграции, удовольствия амальгамы. Жизнь не работает так ни в одной из сфер. Лучшее, на что мы можем надеяться – это постоянный творческий диалог – таким образом, чтобы порнографическое не становилось истощающим или невротичным, а более невинные эротические образы не терялись на фоне наших страхов порнографии. Сама Афродита когда-то именовалась Порне, покровительницей проституток, и это признак того, что порнография является более мистерией, чем проблемой и что за её очевидным отрицанием скрывается тёмная красота, Персефона в сексе. Афродита также отождествлялась с самой Персефой и называлась Персефоессой[12], что означает мифологический способ указания на то, что соблазн сексуального образа имеет глубокие корни и духовную трансцендентность.

На протяжении многих лет у меня в спальне висит картина, изображающая величайшего Индуистского Бога Кришну. Его лицо синего цвета, и он окружен женщинами-пастушками, *гопи*, являющимися его друзьями. Его правая рука пребывает на груди одной из них, которая, как я предполагаю, представляет собой Радха - его Возлюбленную. Игриво и соблазнительно он привлекает юных девушек к себе, подобно тому, как Божество притягивает к себе человеческие души. И, тем не менее, он остается неуловимым, недостижимым и страстно желанным, но всегда – вне досягаемости, ибо Божество никогда не может содержаться в человеческой реальности.

Житие с Эротическими Образами

Подавление, угнетение и сдерживание не являются конструктивными путями борьбы с чем-либо, в том числе с нежелательными сексуальными образами в фильмах, книгах и журналах. В связи с порнографией, каким образом мы «гармонизируем с симптомом» и находим путь через него, вместо того, что блуждать вокруг? Один очевидный путь – культивация практики эротического

видения, «углубление» путей, которыми мы смотрим на мир и человеческое тело, хотя каждый человек и каждая культура находит свой собственный путь вызывания красоты и значимости в своей публичной и личной жизни.

С точки зрения особого обнажения и сексуальных образов, реальность искусства преисполнена живописью и скульптурами из-за проецирования дарованного образа на нимфу. Наиболее впечатляющее ню, которое я когда-либо видел – это картина Венеры Лукаса Кранаха, что сейчас хранится в Канадской Национальной Галерее Искусства в Оттаве. Размещенная в конце длинного зала, она медленно раскрывают себя, постепенно посвящая зрителя. Её маленькая, наклоненная голова, смотрит на вас своим классическим боковым взором. Её руки и ноги длинные, а туловище невелико. Её жесты соблазнительны, но сдержанны. Дорогие украшения удерживают её от полного обнажения, а классическая прозрачная ткань, оборачивающая середину её Готического тела, отсылает к ритуалу *anasyrma*.

Лукас Кранах, «Венера»

Обнажение – это не просто нагота. **Наиболее тонкие аспекты жестов, телесных форм, цвета и орнамента обогащают тело с фантазией - так что живот действительно становится «континентом» в этой географии, и повернутое запястье, как у Венеры Кранаха, являет собой соблазнительное приглашение наблюдателя.** По поводу наготы у Кранаха, Энн Холландер, широко известная своими книгами о костюмах и платьях, акцентирует типичную прозрачную марлю, которая ничего не скрывает. Это «особо эротично подобно мехам» и «создаёт выразительное обнажение за простотой наготы». Это также изображает «порыв ветра или мягкое волнительное прикосновение к деликатным областям» [13]. В женских и мужских обнажениях Кранаха я наблюдаю психологическую сложность, осознание части их наготы и их обнаженное присутствие в мире за пределами их – это та перспектива, что не помешала бы ни одному из нас, когда мы пытаемся быть «прозрачной персоной» в весьма сложном мире.

Видение Венеры Кранаха в Оттаве было одним из самых захватывающих моментов в моей жизни, и я сознаю её тамшнее присутствие, хотя не возвращался туда несколько лет. Картина - не просто красота, это святыня для всего, что призывает красоту, особенно дух Венеры-Афродиты, которая дарует жизни очарование. Она делает всю нашу борьбу достойной наших усилий и, как говорит поэт Уильям Берфорд, ослабляет тяжких духов, связанных со смертью и смертностью. Можно иметь дело с темными проблемами жизни с мерой умиротворения, наблюдая Венеру Кранаха и будучи тронутым её глубинной красотой и тайной.

Любой человек может привнести дух Венеры в свой дом. Самые ранние образы Венеры, которые мы можем найти в истории, это простые формы, и мы можем просто рисовать или делать скульптуру с легким намеком на человеческое тело с выпуклостью здесь и изгибом там – на листке бумаги или куске глины. Мы можем уподобиться Индийцам и помещать простой лингам и йони нашего собственного дизайнера в наш дом или около него, что будет напоминать нам о фундаментальной тайне жизни, представленной в сексуальных образах. Венера классически обитает в доме или саду, и нетрудно найти сад с её скульптурой. Окруженная цветами и кустарниками, она пребывает в своей стихии, с благочестием, не отличающимся от сходных скульптур Мадонны или Китайской Гуань Инь.

Мой друг однажды нашел старый кусок канализационной трубы и поместил его в вертикальном положении в своем саду. Он выбрал его из-за простой красоты его текстуры, формы и цвета. Друзья шутили по поводу того, что это фаллический образ. Я же видел это как древний способ дарования пристанища сексуальному духу, обитающему саду, а также соответствующим образом связанного с канализацией.

В равной степени мы можем найти дух Венеры в картинках и скульптурах обнаженного мужчины, потому что именно нагота, а необязательно какой-либо пол, призывают её эротический дух. Великие классические мужские ню, подобные Гермесу Праксителю и бородатому Богу Хистию, дразнят нас созерцанием мускулатуры, позы, пропорции и пениса, являющих собой тайну, которая прикасается к нашим самым личным эмоциям и желаниям. Ловкий «Давид» Донателло направляет воображение множественными путями. Без вызывающихся

в памяти образов у нас не было бы никаких средств для медитации на сексуальность, наши тела и эротическую страсть, которые удерживают жизнь в движении и делают её стоящей проживания.

«Давид» Донателло

Любой человек может сохранить определенные драгоценные эротические образы и даровать им почётное место в наших сердцах. Несмотря на окружающий нас морализм по поводу секса, мы можем осознать, что наслаждение эротического искусства далеко от аморальности; это вкус бессмертия, который может быть вплетён в другие аспекты наших духовных жизней. Эротическое искусство раскрывает красоту и удовольствие, потенциально представленное во всей нашей жизни, вдохновляя нас на серьёзное рассмотрение наших желаний и следование стимулам наслаждения.

Глава 6. Чучело Приапа. Комическое и Вульгарное в сексе.

Демонстрация красивого человеческого тела, что так любимо художниками и фотографами, представляет собой подход, вдохновленный влиянием мифа Афродиты. С другой же точки зрения, тело может выглядеть странно или даже нелепо. Без аэрографа, специальных препаратов и углов, обычное человеческое тело при съемке и окрашивании может выглядеть более любопытно, чем красивое, и с небольшой художественной разнузданностью мы даже можем сделать его причудливым и шокирующим.

Некоторые религии делают именно это: они изолируют половые органы, излишне их акцентируя и стилизуя. Греки и Римляне, например, брали мужскую эрекцию, делали её непропорционально большой, и помещали на небольшого, неуклюжего, оголенного человека с неприятным лицом, создавая одного из наиболее нелюбимых Божеств – садового Бога Приапа, который в древней поэме говорит нам следующее:

*Почему ты смеешься, глупая шлюха?
Ни Скопаса, да ни Праксителя прикосновения
Создали меня, не был я изрядно отшлифован
Фидием. Некие бедные крестьяне вырезали
Это тело из дерева куска
И сказали: «Ты Приап. Хорошо» [1]*

Что-то в сущности Приапа проясняется в словах о том, что он вырезан из куска дерева. Сленговое слово «дерево» для обозначения эрегированного пениса, вне сомнения, возникает от сходной фантазии по поводу мужской эрекции.

Мы столь далеки от религиозной чувствительности, которая может помочь нам обнаружить Божественное в фигуре подобной Приапу (на самом деле, речь об аспекте жизни, который он регулирует), что должны удовлетворяться его поэтической и мифологической интерпретацией. Он приземленный и непристойный для нас, пребывающий в отдалённом языческом краю, и мы не можем узреть в нем религии, хотя наши предки точно осознавали глубину и универсальность его мира. Может быть, они были «более земными», чем мы,

обращали большее внимание на тело и его особенности, и могли оценить эту сильную, дерзкую фигуру.

Приап, подобному другим Богам, имеет свои молитвы, ритуалы и образы, но в отличие от других Божеств, окружающая его образность обладает малой социально-целительной ценностью. Профессор Рафаэль Лопез-Педраза рассказывает о найденном им однажды доказательстве того факта, что женщина в Древней Греции крестила своё чадо именем Приапа[2]. Трудно смотреть на образ этой фигуры, столь неприятный и непристойный, который использовался для пугала в садах, и представлять посвящение своего ребёнка в «бренд его духовности». На самом деле, трудно использовать слова «Приап» и «духовное» в одном предложении. Но в нашем производстве определенного вида моральной легкости, мы теряем драгоценную чувствительность, которая была свойственна язычеству. То, что мы считаем позорным, Греки и Римляне утверждали как святую мистерию.

Я не хочу преувеличивать негативность в отношении Приапа, ибо многие другие религии имеют фигуры в своей мифологии и ритуалах, являющиеся непристойными и фаллическими – такие как Койот и Кокопелли в Северной Америке и бесчисленные второстепенные фигуры в религиях по всему земному шару. Тем не менее, Приап выводит нас на дальний конец сексуального спектра, где наша реакция может быть или смехотворной, или оскорбленной. Он представляет нас душе секса таким путем, что проще это отвергнуть как отклонение или как не имеющее ничего общего с духовностью – комическое и вульгарное.

Согласно мифологии, Приап является сыном Афродиты, что не удивительно, так как ей поклонялись как Афродите Kalliglatos, Богине с красивой задней стороной, и, как мы видели, Она была известна как phillommeides, или любительница гениталий. Она не стеснялась своего тела и родила сына, который акцентировал фаллос и ягодицы. Если мы желаем всестороннего просвещения в сексуальных вопросах, то нам следует оценить и древнее, и современное очарование тела, особенно – его сексуальных частей.

Вопрос о духовном отцовстве в отношении Приапа не так уж и прост. Мифология даёт нам четыре альтернативы по этому поводу: Гермес, Дионис, Адонис и Зевс. Эти четверо рассказывают нам, что даже маленький Бог Приап представляет собой комплексную фигуру, чьё значение разветвляется в нескольких направлениях. Сексуальный юмор, вульгарный разговор, бестактность и непристойность играют разнообразную роль в сотворении жизни и утверждении культур, каждая из которых представлена различным отцами Приапа.

Гермес

Гермес сам по себе – это фаллический Бог, даровитый, остроумный и сексуальный. Он играет роль в любовной сказке об Афродите и Аресе, Боге войны, в Одиссее. Гелиос, Бог Солнца, сообщает супругу Афродиты Гефесту о романе, и в ответ Божественный ремесленник сооружает железную сеть и разворачивает крепления, подобные паутине, окружая кровать пары. Позднее, когда Гефест появляется на «месте происшествия», Арес и Афродита лежат в

постели, крепко пойманные в сеть. Оскорблённый муж горько жалуется другим Богам, которые в итоге посмеялись, но все же установили, что Арес совершил серьёзное нарушение и должен заплатить за свой поступок.

Взирая на это, Аполлон спросил Гермеса, готов ли он был бы переспать с Афродитой в этой паутине стали. Гермес ответил: «Владыка, который разит издали, Аполлон, одного я желаю, и пусть узы мои будут трижды бесчисленны, взирайте, все боги и богини, я сплю с золотой Афродитой» [3]. Он говорит как отец Приапа!

Гермес в высшей степени сложен и искусен. Изобретательный, находчивый и одаренный в языках, он является проводником душ в подземный мир и представляет собой главную фигуру среди Олимпийских Божеств. Для него большое значение имеет смысл, но не логика и рассуждения. Он природная равнина, без всяких украшений, выразительная и счастливая. Когда человек чихает, его товарищ может вызвать имя Гермеса, если скажет: «Да благословит Вас Господь». Когда чей-то живот урчит, или когда кто-либо неожиданно испускает газ, то здесь присутствует Гермес.

Гермес сохраняет важный титул, тогда как его сын Приап обрывает всё, что выглядит величественным в человеческой жизни. Приап связан с дионисийским обрядом небольших соседских пирушек, *symposia*, которые нарушали порядок и спокойствие, превращая социальные ценности в посмешище, это грубый обряд, от которого происходит слово «комедия». Любопытно, кто когда-либо слышал о стоячем комике, что-то знает о том, как юмор Приапа высмеивает благородное общество: падение назад, хватание промежности, оголенный зад и шутки о половых органах. Некоторые люди развлекаются таким похабным юмором, кто-то же на него раздражается, но и те, и другие надлежащим образом реагируют на Божественного извращенца.

Из-за того, что мы принимаем нравственность так буквально, может быть трудно принять раздражение как естественную человеческую реакцию. Приап приводит нас к такой точке трактовки секса, где мы не можем поддерживать высокоморальный уровень, где нас приглашают в область, преисполненную наслаждения и значения, и все же, в то же самое время, всё это может быть возмутительно отвратительным. Некоторые люди, например, могут найти непристойные шутки неприятными, тогда как другие могут быть задеты, но их становится трудно остановить от смеха. Однако есть и остальные, кто являются истинными сыновьями и дочерьми Приапа, и они просто наслаждаются комичной, земной стороной секса.

Одна из наших наиболее близких к Приапу комиков схватила свою промежность во время телевизионного пения национального гимна, чем шокировала граждан по всей стране. Подобно пугалу Приапа, она отгоняла крылатых духовных существ, ангелов, которым трудно было жить близко к телу, особенно – сексуальному телу, без благостных щитов чистоты и приличия. В этом случае птицы патриотизма и гражданского приличия нашли ночлег в саду атлетического стадиона (спростмены близки к религии в своей духовной чистоте) и были изгнаны приапическим жестом женщины. Я не хочу сказать, что мы не должны раздражаться и сетовать при таких обстоятельствах. Это может быть наша роль в

мистерии. Лично я не обладаю готовностью наслаждаться юмором Приапа, но иногда я могу достаточно погрузиться в свою человечность для принятия во внимание его шуток.

Душа секса выходит за рамки вкуса любого из нас, и поэтому мы должны проникнуть в то, что может быть незнакомой и некомфортной почвой, если мы хотим понять смысл всего этого. Жесткому моралисту следует ослабить свою тягу к осуждению, а распутнику - найти в себе то, что оскорбляет. Иногда складывается ощущение, что сексуальные педагоги желают просветить нас так тщательно, чтобы исчез стыд и чтобы мы чувствовали себя вполне комфортно с каждым аспектом секса. Возможно, секс всегда должен быть дискомфортен в некоторых областях. Подобно религии, секс - это *tremendum et fascinans*, невероятно заманчив, и в то же самое время, подавляет своей чистой жизненностью и эмоциональной силой.

В своей роли пугала Приап отпугивает всех ветреных духов – наши возвышенные мысли, грациозные идеи, легкомысленные мнения и потусторонние устремления. Трудно «приземлить» наши духовные чувства на протяженный фаллос статуи в саду, представляющей эрекцию Приапа, и не всегда легко быть духовным человеком, и в то же самое время ценить земные удовольствия. Наша задача состоит в том, чтобы узреть ту роль, что играет этот вопиющий дух в серьёзном деле души и как это приумножает наше исследование души секса.

Эрегированный фаллос представляет явление жизни во всей её здравости. Он сигнализирует о воскрешении жизни, возвращении в жизненность после поникшего периода затишья или даже после отсутствия жизненности. Когда я был тринадцатилетним мальчиком, пожилой человек, что жил напротив меня, скончался. Его семья попросила мою мать помочь, и она взяла меня с собой. В соседском доме мы обнаружили, что мужчина лежал на полу между спальней и ванной. Он, видимо, умер в пути. Несколько женщин и детей ходили вокруг плача и с тревогой думали о том, что делать. Моя мать произносила розарий, наставляя некоторых из членов семьи в молитве. Но никто не прокомментировал эрекцию старика – его пенис гордо стоял в пижаме, когда он сам лежал холодный на полу. Я был ошеломлен этим, что привело ко многим мыслям – таким как монотонное чтение Аве Марии. Я подумал, что эрекция может быть связана с его прибытием на небеса или же смерть заставляет нас до такой степени расслабиться, что кровь устремляется к эротическому центру мужского тела. Память об этом сегодня подтверждает для меня, что Приап представляет собой глубинную силу жизни, которая не могла бы разрастаться, если бы она не была так близка со смертью.

Мы нуждаемся в комиках, рассказывающих банные шутки и оказывающих предпочтение личным вопросам в своих повествованиях. Они представляют собой детей Афродиты и Гермеса, использующих тело и язык для сохранения своей жизненности, спустить на землю, не давая испариться в духовности и в деятельности повседневной жизни. Может показаться, что быть общественным пугалом – неблагородное призвание, но, на самом деле, мы чтим своих комиков, подобных Джорджу Бёрнсу, который рассказывает историю за историей, год за годом, поддерживаясь сигарой (сигара – это никогда не только сигара), всё время исповедуясь, вполне себе существуя в свои девяносто и любя секс; и Бенни Хилла, в окружении женщин в бикини, падая на свой зад в сцене за сценой как

разбалованный Приап; и Розанну Барр, обсуждающую древнее ремесло комедии Приапа с интуитивной верностью его похабной гуманности.

Когда люди потешаются над пуканием и падением назад на банановой кожуре, Гермес всегда пребывает в комнате, направляя нас в преисподнюю, к нашей собственной смерти, напоминая нам о нашей смертности и нашей приземленности, обучая нас тому, что для того, чтобы быть полностью живым, нам нужно тесно познакомиться со смертью в её различных вариациях неудачи, смущения, недостатка контроля. В то же самое время, это утверждение смерти представляет собой праздник жизни. Как источник значения и жизненности, Гермес являет собой Бога писателей и комиков, бизнес-лидеров и политиков. Его дух воспитывает приапическую жизнь, и некоторые версии мифа утверждают отцом Приапа Гермеса – иногда есть больше смысла в хорошей грязной шутке, чем в воскресной проповеди. Также важно, что маленькие дети, обычно намного более близкие к душе, чем родители, принимают во внимание Приапа и могут громко смеяться при упоминании ягод, мочи и кала.

Сэмюэль Беккет поддерживал физическую комедию, и все его работы выказывают глубокую признательность Приапу. «Последняя лента Крэппа» начинается, когда Крэпп все еще стоит на месте с бананом у себя во рту (Приаповский образ, который создаёт возможность для рассмотрения Крэппом своей жизни на ленте, где, как он считает, большинство было дерьмом). В своей ранней новелле «Мечты о женщинах, красивых и так себе», опубликованной недавно, Белаква, главный персонаж, делает утверждение, перекликающееся с Приапом и Маркизом де Садом: «Человеческий зад, — продолжал он, — заслуживает высочайшего уважения, сообщая нам, так сказать, качество усидчивости..... Греки, вряд ли стоит напоминать, высоко ценили его красоту; а прославленный поэт Руссо молился в храме Венеры Каллипиге» [4].

Я предполагаю, что усидчивость, непрестанная внимательность, таинственным образом связана с той частью тела, которую ласково именуют задницей. Это интересное слово пришло от латинского «*asinus*», осёл, животного, которое олицетворяет упрямство, плотную уравновешенность и немоту. Также это слово связано со словом «ишак», т.е. это уши, зад и хвост. Глупость и задняя часть в общем принимаются во внимание, возможно, в связи с приличным расстоянием от мозга и переоцененных способностей.

Согласно Овидию, когда Приап подошёл к спящей девственной Богине Гестии с сексуальным намерением, его выдал рев осла. Египетский бог Сет изображался в эпоху Эллинизма с головой осла и идентифицировался с греческим Тифоном, фигурой похотливой неумеренности и неистового волнения [5]. Когда мы нарекаем кого-то ослом, то призываем дух Приапа, вызывая его низость, смутность и весьма сомнительный интеллект. Всюду мы слышим глупые сексуальные шутки и тупые сексуальные разговоры, видим такие же сексуальные журналы и фильмы – всё это празднует дух и неблагоприятную мудрость ослиного Приапа.

Приапические аспекты секса приглашают нас к необычному виду чувственности. Приап не имеет ничего общего с Аполлонской ментальной

яркостью или влечением, но это не значит, что его путь недопустим или не обладает своим собственным интеллектом. Приземленность Приапа представляет собой глубокую человечность в виде материнской привязанности, предохраняющей излишней сентиментальности.

Приап способствует нашей честности. Изучение и объяснение природы и человеческой жизни оказывается столь старательным, что мы становимся чрезмерно умственными во всех сферах жизни, включая секс. Мы трудолюбивы в придании жизни интеллектуального смысла, но в этом процессе мы утратили сердце, душу и храбрость. Может быть, эти важные ценности могут только возникнуть в житейской перспективе, род которой мы обнаруживаем в странной фигуре Приапа.

Североамериканская фигура Койота-трикстера определенно имеет качества Приапа. Как писал антрополог Уильям Брайт, «Койот ... представляет собой ненасытного чревоугодника, грязного развратника, отпетого вора, лжеца и отверженного, шутника, чьи затеи постоянно имеют неприятные последствия»[6]. Хотя Приап не является трикстером, Койот разделяет с ним его сомнительные достоинства распутства и фаллицизма, и стоит заметить, что для людей, рассказывающих истории Койота, он не является ни дьяволом, ни олицетворением зла, но причиной для смеха и объектом для странного вида почтения. Антрополог отмечает, что люди племени Пуэбло признают, то неместные жители судят по Койоту моралистически, и поэтому они ищут способы скрыть его из виду. В своих же собственных общинах они знают, как оценить его юмор и его священную роль в природе вещей.

Профессор Брайт рассказывает нам историю о Койоте, которая может помочь нам узреть некоторую пользу в сексуальности Приапа: Койот пил воды из реки, когда свалился в неё – комичное, неожиданное падение, столь типичное для юмора Приапа. Он замечает молодых женщин, плывущих вниз по руке на берег и решает превратиться в кусок дерева. Затем плывет вниз по реке. Женщины подбирают маленькую палку, а затем понимают, что это может быть Койот. Они бросают палку обратно в воду, но уже слишком поздно, и вскоре они оказываются беременными.

Довольно маленькая палка не является непохожей на фаллическую эрекцию, которую мы обнаруживаем в саду статуи Приапа или столбах, указывающих на его отца Гермеса, приспособлениях, на которые удобно вешать шляпу или пальто. Это также перекликается с притязанием Приапа на бытие куском дерева.

В истории о коряге образ Койота, по замечаниям профессора Брайта, оказывается необычайно легким и приятным. Он отображает фаллицизм в природе и даёт беременность, но не буквально. Это беременность представляет собой полноту, что происходит из наивного любопытства. Когда мы подходим к жизни с простодушием, входя в реку жизни, мы можем столкнуться с её искусностью, до некоторой степени опасной и сеющей возможности. В комическом фаллическом Койоте мы находим новую жизнь.

Трикстер Койот предоставляет нам очаровательный урок сексуального образования, который переворачивает наши ценности с ног на голову. Он будет оспаривать наше благочестие, мораль и приличия, очищая тем самым эти необходимые человеческие ценности от их строгости и бесчеловечности. Он показывает, что всё это имеет обратную сторону, где противоположности также имеют благодатную роль в жизни, как и в другой истории о Койоте, рассказанной профессором Брайтом.

Старый Койот и Старая Койотка жили на одной стороне холма, а Старый Бобёр и Старая Бобриха на другой. И вот Койот предложил Старому Бобру сходить на охоту и принести кроликов для чужой жены. Старая Бобриха спела песню, призывая Койота придти и заняться с ней любовью. Но Койот не поймал ни одного кролика. На следующий день Старый Бобёр пошел на охоту и убил так много кроликов, что едва мог нести их. Он принес их к женщине Койота и занялся с ней любовью. Она заплакала, а Старый Койот сказал: «Старый Бобёр, не причиняй боль моей жене». Но она же сказала: «Замолчи, Старый Койот, я плачу, потому что мне это нравится». Когда всё завершилось, Старый Бобёр сказал Старому Койоту: «Не будем держать зла, ведь ты знаешь, что это была твоя идея». И они остались друзьями навсегда.

Эта сюжетная линия проста, но традиционные истории о Койоте играют важную роль в духовном образовании коренных американцев. Они не касаются нравочений, но рассматривают сложности, изменения и тонкие этические требования, возникающие в ординарной человеческой жизни. Часто искусного Койота проводят в его же собственных затеях, но жизнь продолжается. Его юмористические истории празднуют красоту и вибрацию жизни даже перед лицом неудачи, а также чтят роль провалов и крахов эго в жизни, свободной от суетливой серьёзности.

Задача состоит в том, чтобы ухватить природную честность Койота и его жизнеутверждающий дух. Дружба между Старым Койотом и Старым Бобром является важным, целительным элементом в истории, как и любовное и блаженное отношение женщины Койота.

Койот умен, но у него нет большого эго. Как и в случае с большинством клоунов, его хитрость часто оборачивается против него же самого, как в этой возмутительной истории об обмене женой, где он становится жертвой шутки. Факт же того, что они остаются в конце друзьями, предполагает, что точка зрения Койота не нуждается в морализации секса, но просто позволяет жизни принять её курс, иметь свой собственный путь вместе с нами и преодолеть наш интеллект. В этом отношении, глупость Приапа представляет собой форму священного неведения. Тупая, непристойная шутка и облако незнания могут иметь нечто общее.

Я предлагаю одно предостережение по поводу празднования невежества Приапа: как и в случае с любой фигурой или предметом души, одно дело, когда этот предмет протекает сквозь жизнь и оставляет свой след; совсем же другое – идентифицироваться с фигурой и буквально воплощать её в своей собственной личности. Я знал людей, которые на протяжении лет буквально лгали,

мошенничали и сползали в низшие области секса, сознательно оправдывая свой стиль Гермесом или Приапом, или же просто проживанием этой роли без рефлексии. Некоторые люди откровенно глупы, что не является культивацией глупости Приапа, преисполненной сердечности и иронии. Священный дурак – это не просто дурак; он является тонким духом, который может оживить человека или культуру. Когда наша глупость оказывается буквальной, то это губительно, но когда она священна, она приглашает душу к вдохновению наших жизней.

Дионис

Дионис представляет собой другого предполагаемого отца Приапа, и они оба иногда идентифицируются друг с другом, в соответствии с Вальтером Отто, который писал о Дионисе. Дерево смоковницы священно для обоих Богов, это дерево с фаллической и вагинальной значимостью – деревянные пенисы сооружались из фигового дерева, а сам фрукт в общем смысле видится как образ женской сексуальной анатомии. Как аккуратно замечает Отто: «Набухшие фрукты с их сочной, кроваво-красной мякотью должны всегда вызывать в воображении мысли тайного значения» [7]. Отто также отмечает, что фаллос описывается как друг Диониса, но в живописи на вазах Бог выделяет своё благородство из диких сатиров вокруг него, которые представляют собой чрезвычайно фаллические и грубые фигуры. Как в случае Гермеса, отец оказывается более грандиозным и величественным, чем его земной сын Приап.

Дионис был Богом, что становился видимым в сочном винограде, который растет от виноградной лозы и в соке, что сочится из деревьев. Вкушая Дионисийский дух, мы также живем таким образом, что движется наша кровь и соблазнительный фрукт появляется на наших ветках. И кровь, и сок могут бродить, создавая смесь, которая затемняет нашу рациональность и освобождает способность к фантазии [8]. В Дионисийском духе мы более живем от воображения, чем от мысли, или же обогащаем мысль фантазией. Представитель классицизма Норман О.Браун, вдохновленный Фрейдом, поясняет Дионисийскую чувствительность, как укорененную в телесном интеллекте. Джеймс Хиллман, Юнгианский аналитик, основавший архетипическую психологию, заменяет это на интеллект, формируемый душами фантазий. Дионисийский стиль более подобен телу, чем разуму – это изменчивость, инстинктивность и непосредственность. Наша культура оценивает бытие в контроле, которому известно, что мы делаем, и бытие в состоянии выразить то, что мы испытываем и чувствуем, тогда как Дионисийское отношение имеет больше непринужденности и больше адаптивности.

В своих ритуалах Греки почитали Диониса, показывая большие деревянные фаллосы, виляя ими и неся в процессиях корзины, преисполненные маленькими деревянными пенисами. Эти отдельные фаллические ритуальные игрушки рассматривались как священные объекты в игре ритуала.

Сегодня иногда люди сетуют на фокусировку порнографии на половых органах, так как они представляют собой объекты, не связанные с личностью. Как это ни парадоксально, наша культура, несмотря на посвящение себя безличной функциональности в бизнесе и коммерции, оскорбляется какими-либо намёками на деперсонализацию в сексе. Древние религии часто отсоединяли фаллос от

тела (подобно ритуалу лингаму и йони в Индии), и относились к этой отсоединённой части как к празднованию органа и богатой религиозной символики, а не как к эмоциональной кастрации. В этом случае отъём личности от фаллоса или йони не принижает, но возвышает значение органа.

Диониссийская реальность рождает и обеспечивает контекст для духа Приапа. Тупая сексуальность не является сущностной частью Диониссийской чувственности, но тесно с ней связана. Если мы желаем преодолеть искусственные правила и структуры, которыми связали сексуальность (тревожно распределенные гендерные роли и тому подобное), то нам нужно научиться празднованию секса, вместо его объяснения и беспокойства по поводу сохранения его эмоционального здоровья. Мы можем также найти способ выразить нашу признательность сексуальному телу, вместо того, чтобы заниматься его принуждением в тайных клубах, закрытых районах и неприятных магазинах.

Сейчас мы отделяем пристойность от диониссийского. Мы видим это разделение в наших городах, где дикие граффити портят наши чистые районы и публичный транспорт. Мы видим этот раскол там, где ряды секс-шопов и театров способствуют упадку окрестности. Мы видим его в нашем собственном поведении, когда наши лидеры во всех областях жизни, от политиков до министров, проповедуют сексуальную чистоту и практикуют распущенность.

Дабы достичь дарующего жизнь и сужающего рассудок Приапа, мы должны спуститься с пьедестала сексуальной отчужденности и признать тот сексуальный сок, что течет через нас. Любые формы, которые может принять такое признание, восстановят архаичный ритуал празднования изобилия жизни, которое подчеркивается сексом.

Пьеса Еврипида «Вакханки» начинается с двух пожилых людей, Тиресия и Кадма, готовящихся к Диониссийскому ритуалу посредством облачения в женские одежды. Диониссийское отношение не «заминается» по поводу пола. Оно принимает во внимание все виды половых идентификаций и предпочтений, даруя всем равную законность. Всё происходит спокойно – переодевание в женскую одежду идет задним фоном, свершается архаичный ритуал с серьёзным значением для общества. Мы все, мужчины и женщины, находящиеся под влиянием общества, обремененные порядком и контролем, могли бы метафорически облачиться в одежду другого пола и обнаружить свежий, экстатический способ бытия.

Один из наиболее красивых мотивов в классическом искусстве – это менада, женщина, следующая за Дионисом. Она показывается с головой, отброшенной далеко назад в безумной непринужденности и потерявшей себя. Все, что эта голова думает о чувстве и поведении, точно показывает желанность диониссийского духа. Всё, что приводит нашу голову в эту позу, представляет собой входение в освободительную Диониссийскую модальность. Как Эмерсон говорит во вдохновенном отрывке своего эссе «Поэт», в чисто Диониссийской форме: «Поэт знает, что он говорит адекватно только тогда, когда он говорит несколько дико, или 'с цветком разума'...не исключительно с интеллектом, но с

интеллектом, опьяненным нектаром» [9]. Наше мышление должно быть ослаблено, а наша рациональность стать менее напряженной и жесткой. Наши мысли могут течь и быть «сочными», вместо того, чтобы проявляться в сухих обрывках и формальных паттернах.

Дионисийская сдача жизни в её искусстве и бессознательности стала отцом Приаповской жизни, говорит мифология. В случае Приапа, мы находимся в саду, наша сексуальность необычным образом разоблачается, птицы нашего «высокого ума» и надменные ценности изгоняются прочь, как и оберегаемое и личное, в состоянии возбуждения и жизненности. Мы далеки от рассудительного ума и, тем не менее, парадоксально близки к важному виду знания, которое в ординарных терминах мыслится нами как инстинктивное и телесное.

Наша культура нуждается менадическом изобилии, использовании наших голов в большей степени для позволения жизни, чем для контроля над ней. Текущий, сочный, Дионисийский стиль жизни усиливает чувство драмы – ключевой элемент в исторической Дионисийской религии. Следуя примеру Диониса, мы можем позволить себе быть многими персонажами в театре наших жизней, принимая мужские и женские роли, ибо Дионисийство, по существу, мультигендерно, т.е. пребывает за пределами пола. Мы можем жить экстатично в том смысле, что будем позволять эго отступить и направляться воображением. Мы можем предоставить себя постоянным приглашениям жизни, интуиции и повелениям сердца.

В своей основе, это сексуальный стиль жизни, ибо мы проживаем жизнь в сотворении любви, позволяя телу предписывать наши действия и преподносить нашим страстям и желаниям центральную роль во всем, что мы делаем. Легко сделать Дионисийский импульс простой реакцией против сухой рациональности и абстракции, которая столь заметна в нашем мире. Тогда Дионисийство, действительно, станет буквально разнузданным. Но если же оно трактуется как качество души, то оно не будет просто буквальным, а добавит необходимый ингредиент в наши жизни, которая также будет интеллектуальной, истинной, социальной изящной и упорядоченной.

Дионисийский дух утверждает жизнь и позволяет ей происходить, даже если мы не понимаем того, что происходит, и это и есть те оставление и доверие, которые приводят к странной и спасительной благодати Приапа. Образность Приапа дарует чувство, что жизнь полна и захватывающа. Там где царствует Приап, Дионисийское счастье представляет собой реальную возможность.

Адонис

История, столь любимая в древние времена, рассказывает о другой фигуре, ассоциированной с соком – Адонисе, который почитался как любовник Афродиты. Он был сыном Мирры. Она обманула его отца, короля, и переспала с ним, а затем, когда открылось, что она беременна, она молилась, чтобы стать невидимой и была превращена в дерево, которое сейчас носит её имя. Дерево Мирры выделяет пряный сок, и Адонис родился от неё подобно тому, как сок изливается из дерева. Ребенок оказался столь красив, что Афродита спрятала его в сундук и отдала Персефоне, королеве подземного мира, на хранение. Когда

мальчик вырос и стал красивым молодым человеком, Госпожа подземного царства не захотела отказываться от него. Зевс объявил, что мальчик должен проводить треть года в одиночестве, треть с Персефоной, а еще треть – с Афродитой.

Говорилось, что каждый год его пронзал кабан во время охоты (возможно, это одно из подстрекательств Персефоны) и поэтому каждый раз он уходил к Персефоне в царство смерти. Среди греков куртизанки обычно создавали сады-террариумы в ритуальную память о нём и в знак признательности за слезы, которыми Афродита оплакала его смерть. Кереньи замечает, что «В восточных усыпальницах они отдавались незнакомцам. Кто не исполнял эту обязанность, должен был, по крайней мере, пожертвовать волосы Адонису» [10].

Классический риег, Адонис, привлекает и Богиню Любви, и Богиню Смерти своей красотой и сладостью. Так как этот милый молодой человек также был известен как отец Приапа, здесь мифология приглашает нас к рассмотрению связи между Приапом и юностью. Одна студентка однажды рассказала мне, что если она когда-либо хотела секса с кем-либо без чьего-либо личного вовлечения, то выбирала молодого парня из колледжа, который мог удержать приход к сексуальной жизни и который бы соответствовал ей на чисто физическом уровне. Это один из способов узреть риег-аспект Приаповского секса (акцент на незаурядном, сильном юношеском пенисе, ищущего сексуального удовлетворения почти вслепую), а также женскую сторону этого – вечно юной женщины, которая ищет бесконечного сексуального наслаждения без эмоциональной привязанности.

Повествования и ритуалы, связанные с Адонисом, имеют сильную сексуальную тематику. Греки использовали миф как афродизиак, и Адонис рассматривался как образ дикой сексуальной непринужденности. Недавние исследования Адониса описывают его как подростка, сеющего свой дикий овёс, любовника Афродиты, а не чистых и более постоянных Богинь – Артемиды и Деметры. Как и его сады, которые поспешно погибают в летнюю жару, он остаётся ненадолго, оставаясь незрелым и не достигая полноценной жизни мужа и гражданина.

Но история Адониса также имеет более глубокие последствия. Сама жизнь может быть юной и могущественной, предлагающей удовольствие своей жизненности, даже когда это удовольствие кратко и мимолётно. Сексуальность Адониса не так серьёзна как свадебный секс, но у неё есть своё место возле Богини, представляющей радость полного чувственного существования (Афродита) и Богини, которая воплощает глубинный внутренний мир души (Персефона). Этот вид сексуальности как-то порождает Приапа, ребенка Адониса, не такую надежную и серьёзную фигуру, как он сам.

Иногда люди жалуются, что сексуальный юмор является юношеским и поверхностным, но традиционная история о Приапе учат нас тому, что это нормально – иногда быть менее зрелым и серьёзным по поводу секса, рассказывая нехорошие шутки, развлекаясь безответственными фантазиями и желаниями. Медицина, обучение, психология и другие профессиональные сферы желают нам быть серьёзными, любящими и ответственными в сексуальном вопросе, но Приап предлагает некоторое освобождение, каракули юмора и,

возможно, непристойную истину о стене в ванной. В последнее время в моих путешествиях я сталкивался с ресторанной комнатой, где клиенты были обеспечены доской и мелом в удобном месте. Я счёл, что ресторанный менеджер обладает чувственностью Приапа.

Конечно, во времена СПИДа, безудержной несвоевременной беременности, и других губельных и серьёзных социальных проблем, ассоциированных с сексом, мы должны быть ответственными и вдумчивыми, но когда поощрение ответственного поведения вращается вокруг морали, которая теряет свою тень, тогда наши предостережения становятся неэффективными. Нам нужен и взрослый голос ответственности, и подростковый глас бушующих гормонов, если мы хотим найти душу секса, которая, в конечном счете, есть то единственное, что удерживает нас в безопасности.

Мифология предоставляет образы секса, идущие против наших обычных идей о том, что есть значимость и ответственность, и при этом они позволяют нам повысить ценность более поверхностного уровня существования, персонифицированного Адонисом. Именование этого «поверхностным» не означает высказывание о том, что это неважно или обедняющее для души. Как раз наоборот, иногда мы можем найти, что более просто обнаружить душу в более приземленных областях, чем что-то возвышенное и более обычных вещах, чем что-либо выдающееся.

Зевс

Четвертый предполагаемый отец Приапа – это Зевс, величайший предводитель Богов и Богинь. Когда Зевс кивает головой или смеётся в согласии, то это означает, что «Бог жаждет этого». Хотя Зевс не только одобряет, но и является отцом сексуальности Приапа, и этим утверждается ясная необходимость и значимость. Факт того, что Зевс представляет собой одного из отцов, призывает нас рассмотреть как можно глубже роль сексуальности Приаповского типа во всей нашей жизни, ибо Зевс правит всем и вся. Его сфера есть всё; древний «Гомеровский Гимн Зевсу» провозглашает: «он является лучшим из величайших Богов, дальновидным».

Если мы дальновидны, то можем узреть, что секс в его земной плоскости, без каких-либо трансцендентных уточнений, может даровать любой жизни уровень души, облагораживая нас и помогая встретиться друг с другом в нашей самой фундаментальной человечности. В большинстве областей мы стремимся избежать ошибок, добиться улучшений, стать находчивее и переступить пределы. Приапу неинтересно ничего из этого. Подобно Койоту, он всего лишь кусок дерева, который вырезали некоторые крестьяне. Иногда поиск души сводится к борьбе за обычное удовольствие жизни в повседневных задачах, хороших соседях, детях, удовлетворяющей работы и ординарного секса с любимым человеком. Интерес к незаурядности, как правило, амбициозен, своекорыстен, чрезмерно энергичен и бесчеловечен – такое отношение преисполнено духа, но, как правило, не богато душевно.

Покровительство Зевса подразумевает необходимость, которая может быть хорошей перспективой для Приапа. В природе вещей Приап некрасив и

непристоен, но он необходим. Его тип секса играет свою роль как в обществе, так и в жизни индивида, даже если ему недостаёт благородства. На самом деле, он обычно более смущающий, чем многозначительный. Но именно потому, что он просто не может найти себе место среди благородных вещей жизни, он наслаждается таинственным, творческим присутствием, и в его природе есть даже нечто, намекающее на возвышенное.

Приап и душевное отношение

Для индивидов и пар эта странная философия Приапа дарует сексуальную игривость, шутки и определенную уверенность, что занятия сексом могут оздоровить брак или отношения. Хороший секс не говорит о глубине и стабильности отношений, но мы вполне можем настолько же доверять в этом вопросе Приапу, как и экспертам, гордящимся своей просвещенностью и образованностью. С точки зрения Приапа, сексуальная неловкость и абсурдность может быть прекрасной, до тех пор, пока мы остаёмся заземлёнными, готовыми быть глупыми и иметь хороший юмор.

Типичная современная пара желает делать всё правильно: общаться друг с другом, преследовать собственные интересы и склонности, воспитывать детей так, чтобы не сделать их невротиками, и обращаться к терапии при первых признаках замешательства. Но парам также полезно посмеяться над собой, насладиться простотой, а иногда и бессмысленными удовольствиями, быть простыми и даже иногда глупыми, играть и наслаждаться естественностью своих детей, бесстыдными порнографическим юмором и асоциальными разговорами о сексе.

Если Приап задевает вас, как он задевает меня и большинство людей, то вы можете понять границу вашей жизненной способности. Люди легко и охотно говорят о личностном росте, но рост души влечет за собой «растяжение» чувств, что может быть болезненным и тревожным. Под эгидой Приапа, личностный рост несентиментален, и он может быть направлен на расширение дна жизни, а не её верхушки.

Представьте себе рост через становление менее уверенным и менее образованным, пребывание в контакте со своим невежеством и глупостью, а не интеллектом, и исследование позволения ощутить затуманивание рациональности. Представьте, что личностный рост означает быть все более веселым и земным, эмоционально здоровым из-за постоянной связи с телом и удовольствиями.

Профессор Лопез-Педраза говорит, что Приап дарует мифологический контекст для причудливости, что является частью личности каждого человека и всей культурной жизни. С нашим предпочтением аполлонической добродетели регулирования, благоразумия, сдержанности и гигиены, без отдачи должного признания Приапу, мы теряем значительное измерение нашей человечности.

Адекватное исцеление этой утраты человечности исходит из малообещающего места: из нашего собственного творчества, нашей уникальности и общительных

объятий Приапа. Возможно, это будет в форме нового открытия для себя конкретной и реальной жизни, жития без излишества интеллекта и информации, безмолвной отдачи нуждам души и тела, углубления наших связей с другими через инстинктивную игру и хороший юмор.

Глава 7. Мистический оргазм в духовности.

Однажды весенним днём, когда я был в Риме, друг взял меня в старинную церковь, Санта-Мария-делла-Витториа, провёл мимо ризницы и через несколько дверей, пока мы не пришли к скульптуре Бернини «Святая Тереза». Мы стояли и созерцали эту знаменитую скульптуру несколько минут, замечая, как и многие другие, что её мистическое «замирание» вряд ли отличается от восторженного оргазма. В своей интригующей книге «Эволюция очарования», Джордж Л.Херси делает несколько замечаний по поводу этой скульптуры, рассматривая ангела, ударяющего стрелой Христовой любви в грудь, которую он только что обнажил. Одежда ангела расстёгнута, а святая Тереза пребывает в страсти. Херси цитирует Уильяма Джеймса, который говорит о святой следующее: «Её идея религии казалась бесконечным любовным флиртом (если можно так выразиться, избегая непочтительности), между истово верующим и божеством». [1]

В то время как Приап дарует образ для значимости нижних областей секса, мистическая литература всего мира описывает встречу человеческого и божественного в сексуальных терминах. Иногда эта удивительная образность говорит нам нечто о страсти вовлеченности в религиозный экстаз, и указывает на то, как самые высшие уровни духовности становятся доступными благодаря сексу.

Христианство преисполнено сексуальными метафорами, используемыми для описания отношений между нами и Богом, или, говоря в более широком смысле, между нами и тайной, составляющей контекст наших жизней. «Песнь Песней» из Ветхого Завета - это только один источник, где отношения между человеком и Богом изображаются в наглядной эротической образности:

*Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина.
От благовония мастей твоих имя твое - как разлитое миро; [2]*

Суфийский мистический поэт Рабия пишет: «Каждый любовник одинок со своей любовью. В этот момент я наедине с вами» [3].

Скульптура святой Терезы указывает на конечное осуществление пребывания в определенном роде величественной связи между человеком и Божественным. Мистические способности секса проистекают из аналогичной сдачи, требуемой от нас сексом: отдачи страсти, другой личности и тайне жизни, о которой часто возвещает секс.

В общем, действенным и пронизательным способом, всё это указывает на сексуальную природу бытия, но мы не слышим, открыто и восприимчиво, многого о сексуальности существования. Возможно, наш глубоко укоренённый сексизм ослепил нашу культуру в отношении эротики и уязвимости. Стрела, проникающая святую Терезу, определенно видится как фаллический образ, а «оружие» представляет собой старое сленговое слово для обозначения пениса; тогда как её закатанные глаза и открытая грудь безошибочно изображают своего рода оргазм. Вот-вот и она будет поражена проникающим лучом Божественной силы. При этом она принимает соответствующее положение полной открытости, пребывая в процессе становления Божественной любовницей и святой.

Быть сексуальным - значит открыться для множественных видов проникновений, например, любви, близости, влияния, обучения. Мы любим (а иногда и впадаем в любовь) наших учителей, специалистов, медсестёр и врачей. Наша открытость для их профессионального внимания переносится на их персоны. Мы делаем себя уязвимыми, и, возможно, упускаем из виду сексуальные последствия этой уязвимости, пребывая в шоке по поводу природы нашей реакции на кого-либо в сфере помогающих профессий. Один взгляд на позу и выразительность святой Терезы быстро обучит нас сексуальности, заложенной в самых чистых формах открытости.

Конечно же, существует и теневая сторона мистической уязвимости. Как и в других случаях, мы можем найти для своей открытости неуместный объект. Уязвимость может быть симптоматической, невротичной и буквально ранимой. В процессе терапии я работал со многими мужчинами и женщинами, казавшимися чрезмерно и болезненно открытыми для чужого влияния. Стрелы Терезы могут предупредить нас об опасности фактических травм, вызванных желаниями, и сделать нас менее наивными относительно своей уязвимости. В то же самое время, более глубокая открытость к приглашениям жизни может быть лекарством. Подобное лечится подобным: более глубокая открытость иного рода может исцелить нашу привычку быть слишком уязвимыми к неуместным и нежеланным объектам преданности.

В Индии взаимоотношения между преданным и Богом представлены как сексуальные, а также в других религиях, включая Христианство, единение с Божественным находит своё отражение в сексуальной образности. В «Чакврасамваре-тантре», священной индийском тексте, Бог говорит:

*Мои женские посланники повсюду;
Они даруют все духовные достижения
Через наблюдение, поцелуи и объятия [4]*

Мы имели основания представлять секс как чисто физическое и, следовательно, ставили его ниже наших высших устремлений, но Тантрические священные тексты, Суфийская поэзия и Христианские мистические писания передают религиозное понимание того, что секс также включает в себе наши чистейшие духовные старания. Наблюдение, прикосновение, поцелуи и объятия – все эти вещи имеют место в духовной жизни, где хотя и означают нечто отличное от человеческой любви, в то же время всё равно с ней неразрывны.

Во времена моего детства и подростковых лет в Католических школах мне регулярно говорили о хранении ума от сексуальных образов. Меня предупреждали об опасностях нечистых помыслов, и я сделал вывод, что если бы мне пришлось признаваться в них священнику каждый раз, когда они возникали, то я был бы вынужден жить за несколько шагов от места исповеди. Меня приучили ощущать вину по поводу этих образов и никогда не учили, что они могут иметь положительное место в моем воображении. Они считались чистокровным и элементарным злом.

Я могу усмотреть ценность в духовных предупреждения по поводу сексуального расточительства. Это может быть подавляющим. Сексуальное принуждение действует везде вокруг нас. Но установление границ озабоченности сексом не должно достигаться путем репрессии или психологической защиты. Чувственное и ловкое эго может найти пределы без становления анти-эротичным вообще (или подозрительным по поводу секса).

Наша сексуальная жизнь может значительно выиграть от расслабления по поводу принуждения и излишества. Я думаю, что это как раз то, о чем К.Г.Юнг упоминал во вдохновленном отрывке письма Фрейду (в 1910 году), где предлагалось обновить Христианство позитивной связью с эросом, которая могла бы мягко трансформировать Христа в пророческого бога виноградной лозы (кем он и являлся). И, таким образом, эти экстатические силы Христианства были бы интегрированы, ведь единой целью сотворения культа и священного мифа, которому они когда-то принадлежали, был пьяный праздник радости, где человек возвращал себе этос и святость животного.

Когда мы разделяем секс и священное, то можем ощутить, что секс оказывается отделённым от наших высших духовных устремлений и даже от нашего интеллекта. В то же время религия превращается в бесполое ментальное упражнение в сухом понимании и расщеплении богословских шевелюр, вместо пылкой встречи с мистериями, окружающими каждый аспект нашей жизни. Если религия восстановит свою утраченную способность к экстазу, и не будет отделять себя от секса и влюбленной жизни, то мы сможем наслаждаться духовностью в самых очаровательных и физических аспектах секса, включая эротический взор, прикосновение, поцелуи и объятия, в результате чего и религии, и сексу это пойдет на пользу.

Именно по этой причине я уделяю особое внимание художественной интерпретации Бернини святой Терезы, суфийской эротической мистической поэзии, а также Тантрическим учениям и образности. Хотя мы полностью не понимаем мудрые тайны этих амальгам секса и духа, мы все еще можем вдохновляться ими для нахождения наших собственных путей к эротическому экстазу в религии и гению поэта в сексуальности. Без осознания религиозной базы секса и эротической природы религии, наша сексуальность обязана оставаться бесчеловечной и неполноценной, ибо, как это ни парадоксально, религиозная чувственность представляет собой абсолютное основание для гуманной и человеческой жизни.

Часто предполагается, что мужчины и женщины позволяют сексу быть ярчайшим светом в их вселенной, по крайней мере, периодически, просто потому, что они жаждут определенных физических ощущений. Люди говорят о желании новизны в сексе, будто бы новый партнер или новая позиция удовлетворит их чисто физический уровень. Но что если мы предоставим себе дополнительный уровень гуманности, а сексу новую степень осмысленности? Что делать, если то, что мы ищем и в некоторой степени находим в сексе, не чисто физическое? Что, если это также выходит за рамки психологии, и даже межличностные отношения или человеческая любовь не могут адекватно объяснить интенсивность нашего желания и важность этих страстей в нашей жизни?

Религия – одна из человеческих страстей и спальная комната мистерий. Это то место, где мы меняем одежду – обычный ежедневный ритуал, преисполненный фантазии и смысла. Там мы спим и мечтаем, там душа выходит из укрытия и становится осознанной. Там мы ритуально осознаём эротическую чувственность, которая мерцает через наши части в течение дня и действия, проникающие сквозь повседневность наших ординарных жизней, и секс – не исключение, ибо служит душе и указывает нам на вершину трансцендентной цели.

В сексе внутренняя жизнь сильных эмоций и пылких фантазий встречается с реальной личностью для сотворения момента необычайной интенсивности, когда жизнь становится преисполненной, а рассудок тускнеет. Это время, когда игра имеет первостепенное значение и, тем не менее, ничто не могло бы иметь более серьёзные последствия. Даже когда секс не восторжен и не совершенен, он уводит нас на уровень, далекий от мирского. Взор и прикосновения вызывают своего рода транс, измененное состояние сознания, царство имагинальных ощущений и событий, отдельную реальность.

Душа жаждет совершения экскурсии из буквальной реальности, и, таким образом, не будет тайной то, что секс столь непреодолим и соблазнителен. Но он – это душа, а не какое-то безжизненное тело, которое чувствует голод и не может воспротивиться своему аппетиту. Измененное состояние, подобное сексуальному трансу, не представляет собой бессодержательность. Многие случаются во время этой экскурсии от повседневной жизни. Эта особая активность достигает тех вещей в нашей душе, которые могут совершенно отличаться от того, на что мы нацелены в ординарной жизни. В сексе мы можем подсознательно открыть многие истины о нашем партнере, самих себе, наших взаимоотношениях, страсти и самой жизни.

Оттенки священного в сексуальном языке

Секс служит духовной жизни, изымая нас из исключительно мирской плоскости для сиюминутного вкуса вечности. Чтобы уловить проблеск вечности внутри обычного секса, мы можем внимательно изучить нашу сексуальную лексику и найти подсказки по поводу роли духовного в сексе. Когда мы оказываемся в точке, где глубина (на самом деле, религиозные и духовные измерения любой деятельности) теряется, мы можем иногда уловить следы древней религии в истории наших светских слов.

«Словарь американского культурного наследия», например, определяет оргазм так: «наивысшая точка сексуального возбуждения, характеризующаяся сильными чувствами удовольствия, и в нормальных условиях сопровождаемая эякуляцией». Здесь мы имеем небольшое предположение по поводу того, что секс поднимает нас выше. Это пиковый опыт, указывающий на направлении духа. В этом определении, я бы избегал слова «нормальных» и сделал бы замену на «обычных». Обычный оргазм сопровождается эякуляцией (по крайней мере, в случае мужчин), но это не критерий «нормальности», ведь отсутствие эякуляции может и не быть чем-то ненормальным.

Хотя настоящее определение почти полностью физическое и материалистическое, мы можем рассматривать слова «возбуждение» и «чувство наслаждения» как выражения состояний души, и затем внести правки в это определение. Оргазм может быть чувством трансцендентного, которое приходит к личности в процессе секса, когда удовольствие интенсивно и тело погружается в восторженные конвульсии, и это чувство достижения чего-то за пределами самого себя может ощущаться подобно моменту духовного блаженства.

«Оксфордский словарь английского языка» отлично определяет оргазм как «вершину венерической экзальтации в процессе соития». Здесь мы имеем два интересных слова – «венерический» и «соитие». «Венерический» означает прилагательное, образованное от «Венера». Непреднамеренно, словарь приводит нас к представлению оргазма внутри сферы Венеры, как женского опыта, Божественного, а не просто человеческого, мифологического и физического. Мы можем рассмотреть духовность Венеры и вообразить оргазм внутри религиозной структуры, не забывая при этом, что поклонение Венере было настоящей религией.

«Соитие» - это также любопытное слово в сексуальной лексике. «Академический словарь Мерриам-Вебстер» определяет его как «естественная передача спермы в женские половые пути», и создается впечатление, что это слово отсылает нас к действию пениса – «прохождение в ...» (со-итие) по отношению к вагине. Но это слово использовалось в шестнадцатом веке для любого вида единения, даже в простых разговорах [6]. Кроме того, большинство людей, вероятно, не думают о половой связи, как о «вложении семени», но скорее как об удовольствии соединения вместе двух тел, а может быть даже как единении душ в этой связи.

Точно ясно одно: нам необходим словарь, не целиком указывающий на материализм и секуляризм, доминирующие в культуре. Можно даже вообразить себе словарь души, переопределяющий все наши слова с вниманием к их священной основе и богатой фантазии на протяжении истории.

Возвращаясь к «оргазму», это слово происходит от Греческого *orgas*, которое имеет следующие плодовые смыслы, которые я беру из греческо-английского словаря Лидделл-Скотта: хорошо политое, плодоносное место земли; богатый участок земли, священный для богов и богинь, в частности Деметры и Персефоны; растущий берег; набухание со страстью и присутствием в сердце; и бытие, преисполненное горячего желания, готовности и возбужденности. Для

древних Греков существительное *orgeon* ссылалось на члена религиозного объединения или даже жреца.

Богатая история этого слова предполагает изображение оргазма как переполненность тела и эмоций во влажной кульминации возбуждения. Медицинские книги Ренессанса описывают Венеру как Богиню влажных жизненных аспектов, указывая, что её духовность близка к жизни, телу и духам природы [8]. Большинство людей, думается мне, описали бы секс как эмоционально сочный, а не сухой. Наличие оргазма – это достижение высшей точки в духовном опыте, но не «сухого максимума». История слова предполагает естественное созревание плода, а не пламенную вспышку или ментальную чистоту – здесь разница принципиальна, поскольку тело и эмоции не разделяются, исходя из нашего опыта трансцендентности.

Этот образ сока подобен набуханию, если принимать во внимание секс. Его духовность органична, близка к пути природы, не будучи отделенной от ординарности и естественности. Имя Венера происходит от слова желания и секса [9], и, таким образом, духовный смысл слова появляется из его обычного значения. Венера возникла из сексуальных отношений подобному тому, как дух восходит из знакомого нам опыта сексуальной фантазии и занятия любовью, в то время как сама Венера иногда изображается появляющейся из моря.

В искусстве Венера порой представлена с яблоком или другим фруктом, не только потому, что фрукт может рассматриваться как подобие половых органов, но и потому, что сам по себе секс тесно связан с природной щедростью. Деметра и Персефона – мать и дочь, дух изобилия земли и богиня подземного мира, покровительница повседневной жизни и предстоятель над тайнами души. Оргазм извлекает обе эти мистерии – физическая радость и душевное наслаждение.

Греческий словарь также описывает оргазм как священное место, теменос Деметры или Персефоны. Оргазм уносит нас в место, не являющееся человеческой реальностью, которое обособленно и где проводятся религиозные церемонии. Литература говорит о мистическом упоении и сексуальном восторге так, как будто они имеют много общего, и, конечно, этот экстаз должен быть принят.

Сегодня мы обычно представляем секс с точки зрения Деметры, чья реальность – актуальность тел, их поддержка и хорошее состояние. Многие книги, дающие инструкции по поводу эмоционального и физического здоровья в сексе, выражают миф Деметры. Некоторые авторы и учёные пытаются расширить наше понятие секса, явно говоря о «богине» в терминологии Деметры. Нам же еще предстоит узреть равный интерес в отношении Персефоны, души секса, подземной фантазии, глубинного чувствования и религиозности, играющей огромную роль в сексе. Возрождая её миф, мы переживаем секс как восторженный и экстатичный захват сознания. В её религии мы ошеломлены подземным мистицизмом, преисполнены физической и эмоциональной чувственности, обогащающей, но потрясающей потерей себя и исцелением души.

Если мы дадим Персефоне занять её место в сексе, то сможем также найти путь к понимаю депрессивной стороны, той меланхолии, которая может сопровождать

сексуальные отношения или неожиданно появляться во время или после занятия любовью. *Post coitum omne animal triste est*, говорили в древности – т.е. «после секса каждое животное печально». Как королева мертвых и преисподней, Персефона также позволяет нам рассмотреть глубинные и тёмные чувствования и мысли, приходящие на ум в близости секса.

В процессе терапии мне пришлось работать с некоторыми людьми, жалующимися на то, что во время секса с человеком, которого они безумно любили, они внезапно «затоплялись» фантазиями о бывших любовниках своего партнера. В то время как эти фантазии были ясным образом связаны с общим чувством ревности, беспокоящим людей, я ощущал, что эти фантазии не только патология, но нечто служащее важной цели. Я видел эти ревнивые образы приходящими от Персефоны, от туманного и часто негативного мира сокрытых областей души, где её работа происходит такими путями, которые на поверхности выглядят нездоровыми. Иногда это углубляет мысли человека о сексе, трансформируя наивность и конструктивным способом делая пониманием секса более комплексным.

Персефона, владычица подземного мира, углубляет осознание и эмоции тех, кого она преследует. Мы можем также вспомнить, что путь книзу Персефоны – это одна из форм мистицизма, так как духовная жизнь может быть глубинной, а также трансцендентной, и секс, в частности, представляет собой эффективный путь к обнаружению мистических глубин и высот.

Духовность в миру

Для принятия во внимание души секса, нам, возможно, придётся сделать некоторые вещи, довольно чуждые нашим вкусам и ценностям. Во-первых, нам нужно обучиться вхождению в реальность чувств с непринужденностью и доверием, уступая нашей потребности в понимании, двигаясь вниз – к ощущениям. Во-вторых, мы должны открыть для себя природу, деятельность и обоснованность мистического опыта - это в равной степени трудная задача в культуре, которая верит только в существование того, что может быть доказано или измерено. В-третьих (и это, возможно, самое трудное), нам следует понять, что эти две задачи неотделимы, это две стороны одной медали, каждая из которых являет собой предпосылку для другой. Духовность и ощущение – это не только не враги, они питают друг друга. Ощущение может быть эффективным способом выхода за пределы эго, и поэтому оно служит духовным целям.

Существует множество способов углубить наше восприятие чувственных и мистических элементов в сексе. Секс имеет особые архетипические корни, которые могут быть пережиты и интерпретированы фундаментально различными путями. Как Хиллман замечает в своей теории психологического многобожия, «Каждый бог любит в соответствии со своим обычаем» [10]. Это наблюдение также может быть подвергнуто реверсии: каждая любовь и занятие любовью имеют своего собственного Бога или Богиню. Мы уже рассматривали некоторые мифические фигуры, проливающие свет на сексуальность. Мы можем исследовать диониссийские, подобные Пану, в стиле Иисуса, сатурнические, сафические, фаллические, артемидовы, адамические, койотские, друидические, кельтские, шактийские и венецианские аспекты секса. Помимо классической

мифологии, мы можем обратиться к художественной литературе и обнаружить секс Леди Чаттерлей, госпожи Бовари, Леопольда Блума и так далее. Искусная личность сможет даже описать секс Баха, Моцарта, Стравинского и музыкальной группы «Grateful Dead», используя музыку как путь к распознаванию архетипов.

В последнее время многие писали о греческих богинях (особенно – об Афродите), как о женском образе, но мне хотелось бы применить несколько другой подход и рассмотреть возможности духовной жизни для мужчины и женщины, формирующиеся в соответствии с качествами, традиционно приписываемыми Венере. Это не вполне то же самое, что «снять кожуру» с Богини внутри себя или просто создать архетипическое и мифологическое описание для неё. Здесь я акцентирую духовную жизнь, преисполненную и окрашенную реальностью, которую греки и римляне призывали в своих молитвах, песнях, историях и ритуалах.

Духовность и постоянна (т.е. не отделена от повседневной жизни и природного и сфабрикованного мира), и трансцендентна, двигаясь всё дальше от обычного опыта к периметрам наших индивидуальных жизней. Под именем духовности люди медитируют, молятся, читают, путешествуют, ищут учителей безбрежного видения и обучения, и указывают сами себе на идеалистические ценности. В утонченной духовной жизни, постоянство и трансцендентность никогда не разделяются; можно найти святость как внутри себя, так и на краю собственного мира.

Большинство людей сегодня думают о духовности в неземном смысле. Когда они медитируют, то хотят удалить себя насколько возможно дальше от тела и материального мира. Они надеются преодолеть ограничения времени и пространства, обрести знание о жизни и смерти, о том, что было прежде и что будет после. Они желают совершенную систему ценностей, и они воображают совершенный мир. Без руководства опытной традиции, духовность может стать амбициозной и оторвать человека от его общества и окружающей среды.

Марсилио Фичино был высокодуховным человеком, священником и философом. По мере того как он достигал в своей жизни того, на что решались немногие – примирения язычества и христианства, Фичино культивировал духовность, которая интегрально включалась в жизнь и все же, в то же самое время, оставалась трансцендентной. Такое смешение может быть мельком увидено в следующем резюме отношения Фичино Эдгаром Виндом: «Для Фичино мир был 'полон' Бога, который превосходит его пределы: *lovis Omnia plena* [все вещи преисполнены Юпитера]». Поэтому он поклонялся Богу, находящемуся одновременно за пределами творения и пребывавшему внутри него [11].

Духовность Венеры

Фичино разбирает различные виды духовности и использует традиционную астрологию как главное средство для их сортировки. В его астрологической схеме Венера играет важную роль как источник определенного вида духа, и он связывает её дух с Юпитером и Солнцем, именуя их Тремя Грациями, тем самым образуя трио, которое мы можем вольно определить как Бога, природу и секс. Он делает интересное замечание, для занятых наукой людей огромное

значение имеют Юпитер и Солнце, но, кроме того, они нуждаются в Венере, которая предохранит их от душевного бесплодия.

Я намерен применить наблюдение Фичино к нашей собственной ситуации, так как мы пытаемся учредить существенную духовную жизнь в светской эпохе. Мы осматриваемся вокруг себя и видим материалистический мир. Мы делаем вывод, что духовная жизнь должна быть чем-то обособленным, совершенно другой и несвязанной с ним. Мы проскальзываем в темную, тихую церковь, чтобы уйти от шума и городской суеты. Мы сидим и медитируем в уединенном месте, удаляясь от человеческой коммерции. Мы читаем книги, посещаем лекции и ходим в церковь, культивируя потустороннюю духовность. Многие люди жаждут внетелесного опыта, но эта цель не имеет большой пользы для Венеры.

Наша духовность может стать сухой, так как мы ищем её в учителях, гуру и книгах, отодвигаясь от повседневной жизни бизнеса, работы, игры, семьи, дома и природы. Нам может казаться абсурдным поиск духовных наград на рабочем месте, но для Фичино, каждый аспект жизни обладает своим собственным видом духовности. Его большое уважение к Венере и её облагораживающей работы для души предполагает, что секс, её главная забота, также играет важную роль в духовной жизни.

Мы видим, что секс помещает нас в особое место чувствования и воображения, которое и обычно, и экстраординарно одновременно, глубинно в теле и все же, в то же самое время, трансцендентно. Эта перекрывающаяся область иногда называется лиминальной, пограничной, и религиозный опыт иногда описывается в современных религиозных исследованиях из-за своей лиминальности. Этот пограничный опыт, ярко описанный в книгах Карлоса Кастанеды, представляет собой моменты исключительной ценности для души и духовной жизни. В них время и пространство оказываются чрезвычайно подверженными духовному влиянию.

Виктор Тёрнер, влиятельный антрополог религии, разрабатывал понятие лиминальности как способа обретения понимания ритуальных и других аспектов религии [13]. Например, Тёрнер описывает ритуалы в определенных сообществах, где игнорируются соглашения, правила и роли. Лиминальная персона, говорит один из подвергаемых прохождению ритуала, пребывает «между», необычным образом открываясь влияниям и изменениям. Поэтому, как говорит Тёрнер, лиминальность «часто уподобляется смерти, пребыванию в чреве, невидимости, темноте, бисексуальности, пустыне и затмению солнца или луны» [14]. Алкоголь и другие наркотики уводят нас к лиминальному месту, как это делают атракционы, театр и кинофильмы.

В древней литературе мы обнаруживаем, что подобный этому опыт – это особое возвращение души; при этом подозревается, что деятельность души изначально (если не всегда) лиминальна. Мы можем рассматривать секс как лиминальный ритуал, дарующий нам возможность покинуть то, что мы обычно называем реальностью и посетить то место, которое ни обычно, ни всецело экстраординарно, где мы наиболее являемся сами собой и все же пребываем за пределами себя.

Масла и ароматы, неприкосновенность частной жизни, музыка, особые облачения – все эти «снаряжения секса» помогают призванию

чувства лиминальности или преддверия. То, что случается в этом лиминальном тончайшем слое сознания, ведёт диалог непосредственно с душой и только косвенно соприкасается (если это вообще происходит), с обычной жизнью. Здесь мы выстраиваем диалог таким способом, что можем никогда не думать об ординарном времени, и мы делаем всё в полном соответствии обстановке, но это всё-таки оказывается немислимым в других контекстах. Секс обозначает территорию, имеющую свой собственный язык и обычаи, а также свои собственные цели, которые могут фокусироваться на отношениях, самом себе или духовной жизни.

Выявление присущей духовности в сексе может потребовать полного эмоционального, равно как и физического оргазма. Это может означать незаурядную щедрость в любовных ласках или разрешение сексуальным отношениям вылиться в остальную часть жизни в виде духа любви, наслаждения и близости. Негативное отношение к сексу может быть тонким препятствием для лиминальности, так как этот особый уровень чувственности требует высшей степени открытости.

Качество наших сексуальных переживаний может зависеть от способности обнаружить ускользающее, но доступное срединное положение, преисполненное физически и духовно - предаваться страсти и все же быть выразительными и многозначительными. Наш секс может быть слишком механическим или даже излишне нежным. Хороший секс требует, чтобы мы оставили ординарную реальность позади, входя настолько глубоко, насколько это возможно, в ощущения, воображение и страсть.

В своём уникальном исследовании Афродиты, Пауль Фридрих, находящийся под влиянием работы Тёрнера, описывает Афродиту или Венеру явно как лиминальных Богинь [15]. Он указывает на то, что в отличие от многих Греческих божеств, держащих свою сексуальность на расстоянии от смертных, Афродита может быть любовницей любого Бога или смертного. Он заключает, что «Через соблазнение смертных и обеспечение трансцендентного образа такого соблазнения, она выступает посредником между человеческим и божественным таким образом, что дарует человеку необычайные намёки на бессмертие, которого он никогда не сможет достичь».

Здесь у нас есть еще один намёк на духовную природу секса – он может даровать нам указания на бессмертие. Секс помещает нас за пределы самих себя и останавливает время. Степень близости вовлечения невообразима, когда сравнивается с нашим обычным социальным этикетом, так как секс переводит отношения на уровень, точно не подходящий в социальном взаимодействии. Неудивительно, что секс применялся в религиозном ритуале на протяжении

тысячелетий, так как он обеспечивает очевидную, могущественную метафору для взаимоотношений с Божественным.

Секс с человеческим любовником указывает на глубинный вид близости, более чем человеческую причастность к основам бытия. С точки зрения Ренессансного неоплатонического взгляда, ординарная жизнь – это стартовая точка в путешествии к высшим возможным уровням мистицизма. Это легко относится и к сексу, в котором наш лиминальный партнёр представляет собой посредника, чья открытость страсти трансформирует его или её в своего рода ангела, представителя духовного порядка. Через нашего партнёра мы мельком видим нечто такое, что не могут произвести творческие способности человека.

По мере того, как мы входим в секс, цикл начинается в глубокой чувственности (чем глубже, тем лучше) и затем открывается своеобразная пустота и самозабвенная эротическая страсть. Мы теряем себя в забвении секса и находим душу в духовном месте, доступном через чистосердечную страсть. Это – духовность Венеры, трансцендентность себя самого, достигаемая благодаря интенсивному и доставляющему удовольствия союзу. В то же самое время, как это обычно бывает в религии, мистический порыв приводит нас назад в глубинную вовлеченность в жизнь и общество.

Сексуальная Духовность

Мы можем рассматривать вопрос о сексе и духовности с двух сторон: либо исследовать сексуальные пути к духовности, либо же – духовные пути к сексуальному. Первый шаг (и минимальный) касается аннулирования разделения тела и духа, и лучший путь достижения этой цели – даже не думать в этих дуалистичных терминах. Не только секс, но все, что мы делаем, каждый объект, каждое событие, каким бы светским оно не казалось, имеет духовное значение. Если мы живём этой недуалистичной философией, то секс будет естественным образом привязан к духовности, но если мы разделим тело и дух в какой-либо части жизни, то нам следует ожидать проблем с сексом.

Существует множество обоснованных способов быть сексуальным, и было бы упрощением полагать, что секс значителен только тогда, когда люди разделяют глубокую любовь и влечение. Тем не менее, любовь и влечение предлагают явные и прямые способы обеспечения человеческого измерения в сексе. Любовь и близость – это не ординарные человеческие достижения; они экстраординарны, особенно в том мире, где для пар трудно найти и поддержать глубокие отношения. Сегодня, благодаря нашей благосклонности к разуму, мы можем помышлять о духовности как об интеллектуальной деятельности, центрированной в вере и стремлении к знаниям и навыкам, или даже видениям и ценностям, но религиозная литература мира предполагает, в подавляющем большинстве, что духовность в своей основе представляет собой акт любви.

Томас Мертон подчеркивает «закон любви» и наблюдает, что «в браке любовь может быть преисполнена этой глубокой любви, духовного акта покорности Богу в свободе и радости» [16]. Требуется храбрость или безумие для «прыжка в бракосочетание» и установления серьёзных ограничений на нашу жизнь пожизненным обетом. И все же это обязательство вступления в брак и особенный

способ сексуального бытия опираются на наши глубинные эмоции, требуют невообразимого доверия, и тянут всю нашу жизнь в определенную паутину значений и стилей - к той точке, когда всё в нашем прошлом, настоящем и будущем оказывается под воздействием, и все это во имя любви.

Открытие сердца в личностном стремлении играет важную роль в развитии духовной жизни. Я бывал в монастырях и других духовных общинах, где люди явно были преисполнены добродетелей и благих намерений, и где они переживали свой целибат с честностью и радостью. Но также я был знаком с духовными общинами, где сексуальные эксперименты являлись нормой, где секс пребывал повсюду, а какую-либо привязанность было сложно обнаружить.

Наша способность быть чувственным и нежным может стать ключом к разрешению напряженности между духовной жизнью и сексуальностью. Высокодуховный человек в определенный момент должен осознать, что не получится стать духовным путём подавления секса, но это возможно через трансформацию его выражения. Во всем мире монастыри известны как хранители культуры и ресурсов красоты в архитектуре, письме, живописи, скульптуре и книгах. Во всех этих произведениях мы ощущаем присутствие Венеры и свидетельствуем её роль в поддержании и применении духовных достижений медитации, молитвы и общей жизни. Монастыри также известны как места обходительного гостеприимства - очередная сублимация или альтернативное выражение сексуальной страсти.

На монастырском примере мы можем видеть невероятно красивые и роскошные рукописи, экстраординарную архитектуру, и даже прекрасные вина и хлеба - как дух Венеры, измельченный и окрашенный в этих сублимированных формах без утери радости или наслаждения.

Как же мы можем сделать свою духовность сексуальной? Через бытие людьми глубокой любви со всеми возможными индивидуальными вариациями выражения этой любви. Подобно монаху в его (или её) монастыре, мы можем найти пути сделать наше влечение наблюдаемым и чувственным. Мы можем быть нежными в отношениях с нашими друзьями или соседями, и таким простым путём сексуализировать соседство. Мы можем быть чрезмерно ласковыми с нашими любовниками и супругами, и, таким образом, дать миру модель, в которой он нуждается для жития из сердца. Мы можем возвращать свою любовь к животным, вещам и местам. Всё от этой любви привносит в человеческое общество видение, точку зрения, и философия обнаруживается в наших наиболее возвышенных медитациях и чтениях. Это – анима-душа для анимуса-интеллекта, сердце-супруга для разума-любовника, зримое тело для невидимого духа. Всё это – лиминальная жизнь, всецело сексуальная в связи со своим утверждением ценностей Венеры.

Естественное высвобождение влечения – это начало секса и, так как происхождение влечения – возвышенная духовность, секс может происходить непосредственно из нашей духовности, благодаря любви. Задача состоит в том, чтобы признать укоренение духовной жизни в любви, а не просто понимании, и затем культивировать любовь и чувственность как часть духовной практики.

Духовная литература иногда создаёт впечатление, что любовь важна, но довольно абстрактна, возможно, слишком универсальна для чувствования. Но Неоплатоническая философия предполагает, что духовная любовь неотделима от любви человеческой со всеми её влечениями и сексуальностью.

Влечение – процесс чувственного сотворения любви, и, таким образом, он может привести непосредственно к сексу, даруя этот секс душе, в котором она столь нуждается, чтобы не стать агрессивной, манипуляторной и пустой. Слово «влечение» (affection) происходит от двух базовых латинских слов, ad – «для» и facere – «делать», и, таким образом, оно значит «делать для». Когда влечение утрачивается, мы действительно «уже сделали», но когда оно присутствует сейчас – мы «делаем для», привнося наши жизни и сердца к примирению со своими соседями и нашим миром, даруя сердце, а не только ум, нашей культуре, изголодавшейся по сердечной заботе. Влечение – это деятельный род любви, а не только умственный.

Люди, вовлеченные в духовную деятельность, часто становятся осуждающими и нетерпимыми, пожалуй, из-за того, что чем выше человек идет в духовной жизни, тем более удалённым он становится от ординарных жизненных слабостей и усилий. Духовное видение может оказаться столь чистым, ясным и светлым, что человеческое состояние может производить впечатление ничтожного. В связи с этим, имеет смысл в духовной жизни уделять особое внимание благодати Венеры, обвенчать нашу возвышенную духовную сущность с заземлёнными устремлениями, которые никогда далеко не отходят от сексуальности. Таким образом, мы избегаем опасного состояния, в котором секс отделяется на нашей жизни в связи с интенсивным погружением в духовность. В лучшем из миров, здравая духовная жизнь обеспечивает катализатор для трансформации нашей сексуальности в жизнь красоты и общности.

Духовное тело

Влечение – эффективный путь разрешения дуализма между телом и духом. Другой способ – использование тела для достижения трансцендентности эго в венерианской йоге или духовной практике. Красота мира и физическая красота возлюбленного может привести нас к духовным высотам. Все, что нам нужно сделать – это использовать свои тела и ощущения в духовной практике, чувствительной к ценностям Венеры, особенно – её красоте, наслаждению и чувствованию.

У меня было несколько случаев в моей жизни, когда я мог стоять в присутствии Венеры («La Primavera» Боттичелли, «Венера» Лукаса Кранаха в Оттаве, Венера Капитолийская) и медитировать на её мистерии. В Риме, я пребывал в одиночестве, в застарелом зале, за несколько дюймов от знаменитой Венеры и ощущал её святость и чувственную смесь так полно, что не мог отделить свои религиозные чувства благоговения от эротического присутствия её тела.

Стоя перед прекрасной Римской презентацией Богини, я познал полное переплетение тела и духа, древнее и священное примирение мистицизма и чувственности. Исцеление этого дробления в современной жизни даёт большие

перспективы решения многих социальных и политических проблем, так как тело и его красота делают нас скромными и гуманными.

Без чувственности наша религия становится сухой и агрессивной. Без глубинной духовности наш материализм становится полым, неудовлетворяющим и принудительным. Религия и материализм находят созвучие и завершение в душе секса, на тех перекрестках, где мы обнаруживаем, что две эти потенциальные силы вовсе не антагонисты во всем, хотя они и очаровывают нас, часто приводя к потере рассудка. Они возвещают направление к одной и той же цели и могут объединиться в едином намерении. Когда духовность и сексуальность выступают заодно, как инь и янь, как муж и жена, мы находим свою утерянную безопасность. Мы обнаруживаем вертикаль флейты, электрическую ось, по которой глубинные ощущения попадают в возвышенный дух, и это существенное дополнение к нашей горизонтальной прагматичной жизни и источник глубокого удовлетворения и духовного комфорта.

Глава 8.

Эрос и мораль.

Сексуальная этика и эмоциональная свобода.

Оскар Уайльд однажды сказал, что лучший путь сделать детей хорошими – это сделать их счастливыми. Обычно мы думаем о добродетели и морали в строгих терминах - как альтернативах счастью и наслаждению. Мораль часто предстаёт в виде оков для сексуального восторга. Проблема может быть в том, что мы привыкли к представлению морали с чисто духовной точки зрения, в качестве способа ограничения, а не усиления сексуальности. Если бы мы вместо этого помышляли о душе морали, то могли бы увидеть мораль как вклад в удовольствие жизни и, таким образом, обеспечили бы позитивный элемент в полноценной сексуальной жизни.

Как общество, мы добились значительного прогресса в технологии и во многих других областях, но, к сожалению, наше нравственное просвещение остаётся серьёзно недоработанным. Мы по-прежнему выражаем наши моральные воззрения с грубым пылом, воинственностью, предвзятостью и почти полным отсутствием сочувствия. В наших многих моральных позициях мы раздроблены и оказываемся друг против друга. Мы лицемерно и субъективно говорим о наших согражданах, которые пойманы в свою собственную моральную неразбериху, и мы быстры в том, чтобы их наказать или посадить в тюрьму. В духе своего времени, мы суровы к преступлениям, и мы не считаем, что любая нескромность заслуживает частной жизни.

В такой бесчувственной среде, нелегко пребывать в моральном комфорте по поводу секса. Моральные реакции вокруг нас полны тревоги, и, как индивиды, мы оказываемся пойманными этим напряжением. Мы имеем тенденцию негативно думать о морали, наблюдая её в прямом конфликте с нашими глубинными (и, пожалуй, невысказанными) желаниями. Особенно в области секса, упорно и

таинственно связанного с моралью, мы можем скакать туда и обратно между сильным желанием и сильным подавлением, будучи не в состоянии найти золотую середину, где страсть и целомудрие могут соединиться расслабленным и творческим способом. В разгар этого морального беспокойства и замешательства трудно найти сексуальную радость.

Мораль – это не только орудие подавления и не только средство контроля. У неё есть творческая роль в сложной работе психе, и в лучшем виде она делает позитивный вклад в сексуальное наслаждение. Наша сексуальная жизнь улучшится, если мы придем к умиротворению с неизменным чувством вины, утверждая этический образ жизни и войдя в продолжительный процесс нравственного углубления. Мы можем придать морали ту же степень тонкости, которой мы наслаждаемся в других аспектах наших жизней.

Психология сексуальной морали

За годы практики терапии, я пришел к осознанию особого вида печали у некоторых людей, с которыми работал. Они ощущали подавленность тем, что можно было бы назвать моральной депрессией, сжатием духа. Они жили с ощущением тяжести, и было трудно найти радость в жизни в связи с глубинными привычками запрещения себе определенных наслаждений и удовлетворений. Часто эти люди просто не могли найти тот сексуальный комфорт и восторг, которых страстно жаждали.

Мы видели, что эрос может принимать множественные формы и что он есть дух, движущий и вдохновляющий воздействие, которое, по словам традиции, питает душу. Изображения эроса в священном искусстве в виде молодого человека с крыльями показывает его духовную природу, его способность к возвышению сердца, воодушевлению и оживлению. Как красиво писал Джеймс Хиллман в своей книге «Миф анализа» - где бы ни шевелился эрос, душа приходит к жизни. К сожалению, верно также и обратное: всякий раз, когда мы накладываем запрет на эрос, душа чувствует лишение дыхания и жизни.

Мне приходит на ум один особо острый случай моральной депрессии. Мужчина в свои тридцать жаловался, что не может направить свою жизнь в нужное русло. Он был исключительно творческим человеком, чувственным и дружелюбным. Он основал свой собственный бизнес, связанный с искусством, но всегда ощущал перегрузку и край финансовой пропасти. Когда я встретил его, он жил с депрессивной женщиной, которая, как казалось мне, хочет полностью контролировать его жизнь. Они были вместе несколько лет, но никогда не были счастливы в сексуальной жизни. Когда я увидел его, он отбросил всякую надежду на сексуальное удовлетворение и сконцентрировался на сохранении своей платежеспособности в бизнесе.

Он рассказывал мне историю своей жизни множество раз. Его отец был министром (персонаж Артур Димменсдейл), который хранил тайну по поводу своего прошлого. Сын думал, что это было связано с сексуальной неосмотрительностью с членом бывшей конгрегации. Семья никогда не обсуждала этот инцидент, но его отец говорил так, как будто секса не существовало и, казалось, что он живет в окружении облака позора. Мать

молодого человека отдала всю свою энергию на защиту своего мужа, и она также отказывалась говорить с сыном по поводу величайшей вины, что они несли в своём браке.

Вина его матери и отца, принимаемая близко к сердцу, перевелась в строгий, беспристрастный морализм. Всё это коснулось детей, долго оступавшихся на протяжении своей жизни, и способствовало их неудачам в работе и половых отношениях. Они не понимали природу препятствий для их счастья или их сексуального спокойствия. Юный мужчина, которого я видел страдающим неделю за неделей, страдал от добровольного семейного проклятия. Он особо протестовал против своего отца, и все же, казалось, вся его жизнь привязана к конфликту его родителей, который был плотно связан моралью и психологической тревожностью, подавленным туманом вины. Сын, как мне было известно, сломил все утвержденные сексуальные правила своего отца, но не нашел какой-либо свободы в этом бунте.

С внешней стороны министр и его жена выглядели как образцы моральной добродетели, но изнутри их нравственность осложнялась их неспособностью иметь дело с сексуальной трансгрессией. Все их дети были глубоко огорчены. Один имел попытку суицида. Мне показалось, что кто-то в этой семье должен найти в себе храбрость разобраться с их моральными идеями и многолетней виной, чтобы увидеть как много психологических ран ушло на создание их этической жесткости и сопротивления.

Трудно признать сильные стремления и желания души, которые часто могут быть причиной разлома семейных правил и предают социальные ожидания. Когда мораль используется как средство удерживания желаний под контролем и для сокрытия всплесков любви и страстных желаний, результатом может быть особый вид депрессии, который показывает мне признаки заключенного в тюрьму сердца и ограниченного эроса. Это чрезмерная цена, которую приходится платить за иллюзию невинности.

Каждое моральное решение, каждая моральная позиция, каждый моральный аргумент – всё это пронизано страстями, фантазиями и эмоциями, насколько погруженными в культурную, семейную и индивидуальную истории, что их корни не могут быть никогда полностью познаны. Если мы помышляем о морали в упрощенных терминах, игнорируя затрагиваемые психологические проблемы, то мы можем продолжить способствовать моральной путанице вместо развития в людях сочувствия и позитивной этики.

Если мораль не исходит от глубоких размышлений, то она не будет ничем иным, кроме как набором психологических защит, замаскированных под этические принципы. Радостный секс требует, чтобы наша мораль была зрелой и живой. Это стоит всех усилий – проверить себя на чувство вины и беспокойства, которые могут обитать в наших наиболее негибких моральных позициях, так чтобы мы могли исцелить душу и в морали, и в сексуальности.

Моральная двойственность и запутанность

Мораль столь же сложна, как и сама жизнь, и когда мы не в состоянии принять во внимание эту сложность, то она может симптоматически проявиться как неразборчивая и разрозненная, но поучительная двойственность моральных вопросов. Вам не нужно быть обученным психоанализу, чтобы понять, что некоторые люди слишком сильно протестуют в своей моральной прямоте. Сама интенсивность и жесткость их возражений по поводу сексуального поведения подводит к этому их интерес. Некоторая моральная двуликость показывает себя как одновременно бегство от секса и необычайную интенсивность озабоченности им. Иногда это проявляется в шокирующих перестановках морального характера.

Женщина в свои пятьдесят пришла ко мне на терапию. Она воспитывалась в моралистическом доме и много лет просто изрекала моральные клише, которые она слышала, будучи ребёнком. Она пыталась жить согласно этим невозможным ожиданиям, но некоторая похотливость её жизни держала её в нестабильности. Она чувствовала депрессию и одиночество, и имела подавленное желание придать своей жизни движение. Но ей случилось быть в тупике. Она жаждала больше жизни и думала о радикальных переменах, особенно сейчас, когда быстро пролетали годы. Сейчас или никогда, часто говорила она. Она была полна решимости сделать это движение, но каждый раз, когда она приближалась, что-то держало её запертой в страхе.

Однажды она пришла ко мне и сказала, что наконец-то влюбилась в настоящего мужчину. Человек, которого она описывала, был с такой же депрессией и путаницей, но представлял собой нечто подобное зеркальному отражению её моральных щепетильностей. Он был грубым, садистическим и корыстным. Он имел проблемы с законом большую часть своей жизни, и всегда был заинтригован способами получить нелегальный доллар. Он был гостем из Ада, царством теней для Персефоны женщины, мужчиной, что представлял все ценности, которые отвергались её семьёй. Секс с ним был грубым и грязным, но она нашла радость в нём.

Почти что за ночь все моралистические структуры этой женщины рухнули. Она планировала организованную перемену в ценностях, но то, что она нашла, было полным и прямым распадом. Она помогала своему любовнику в его опасной деятельности и заимела знакомства с его преступными друзьями и единомышленниками. Три года она жила в этом мире. К счастью, она пережила только несколько избиений и потеряла все свои деньги. В конце концов, она вышла из этого тёмного места, не для возвращения к прежней жизни, но для посвящения себя поиску нового жизненного пути, который появился только после долгого внимательного риска и усилий.

Как терапевт, я сталкивался с несколькими другими мужчинами и женщинами, которые вели дотошно моральную жизнь годами, обычно моделируя её на ценностях своих семей, но, в конечном итоге, проходили через быстрые изменения. Юнг называл это *энантиодромией*, необычайным поворотом, когда личность внезапно переходит к новому и неожиданному, перевернутому вверх дном, набору стандартов. Это один из путей (никому не рекомендуемый) оставить упрощенную детскую мораль позади и смоделировать взрослые ценности. Это также симптоматический признак отсутствия моральной целостности.

Когда мы становимся взрослыми, то обычно делаемся критичными по поводу семейных ценностей, тогда как некоторые оказываются бессознательно застрявшими в этих чувствах и мыслях. В целом я лелею образование, полученное в католической школе, но я не желаю увековечивать все ценности, воспринятые там – например, ограниченность интереса религии, тревожность по поводу секса или подавление индивидуальности. Мне интересно заметить, что эти темы часто появляются в моём писательстве. Я разбираю моральные проблемы из своего прошлого, которые отторгаю. Один из путей справиться с ошибочным моральным влиянием – это их реконструкция для вашей взрослой жизни, даже если этот процесс займет годы и потребует огромных усилий. Опять же, в процессе терапии я был свидетелем мужчины и женщины (пятидесяти и шестидесяти лет), пытающимися быть индивидами с их собственными моральными ориентирами, но всё еще боящихся семейного суда или потери семейного одобрения и расположения.

Из-за того, что мораль имеет сложные и глубинные психологические причинные связи, перебор наших моральных позиций - это эмоциональный проект. Годами мы использовали определённые моральные принципы как средства борьбы со страстями и похотью, но, когда мы взрослеем, то можем понять, что необходим более утонченный подход. Измениться обычно не так-то просто. Это может повлечь за собой новые отношения в семье, и даже дискомфортные перемены в самом нашем понимании того, кто мы есть.

Симптом морализма

На публичной сцене и в личной жизни секс часто представляет собой битву с морализмом. Два человека имеют странное парное содружество, которое, как я предполагаю, имеет более глубокие корни, чем простая потребность держать секс под контролем.

Морализм – это мораль без души. Это мораль как симптом, невротический комплекс, который преследует нас и покрывает облаками осуждения. На самом деле, это не мораль; это неудачная попытка быть глубоко нравственным. Установление комфортабельного морального образа жизни – это часть задачи сотворения души. Это глубокий, положительный процесс, необходимый для жизни в гармонии с природой, собой, любимыми, друзьями и обществом. Но мы не рождаемся с совершенной моральной схемой, и это не то, чему можно легко научиться. Мораль жива и постоянно изменяется. Её развитие идёт рука об руку с созреванием нашей жизни в каждой области.

Так как все мы пребываем на разных стадиях развития и никто из нас не совершенен, каждый из нас имеет грубые и непроработанные моральные идеи и эмоции – все мы склонны к морализаторству. Каждому следует пройти через ряд алхимических процессов, дабы превратить морализм в глубокую мораль. Мир не может быть просто разделен на моралистов и вольнодумцев.

Психологический комплекс – это комплект из чувств, воспоминаний, мыслей, желаний, когда все типы психологического материала собираются вместе под какую-либо тему или лад. Комплексы являются автономными, они, похоже, имеют свою волю и ведут нас к чувству и действию определённым образом.

Ревность может быть комплексом, как и страх перед полетами. Настроение комплексов негативно, но они представляют собой сырьё души, которое должно быть переработано до той точки, когда их можно будет вплести в целостную ткань жизни и личности.

Комплекс ревности, деструктивный и опасный как симптом, может быть переплавлен в личную силу в сочетании с уязвимостью. Страх полёта может, в конечном итоге, преобразоваться в насыщенную приключениями и одарённую богатыми образами жизнь. Проблематичный симптом узко сфокусирован и излишне конкретен, но будучи усовершенствованным, становится утонченным, позитивным и совместимым с остальной жизнью.

Как комплекс, морализм может содержать страхи по поводу пребывания в сексуальной чистоте и принципиальной приемлемости. Мы все хотим быть принятыми и одобряемыми. Но эта потребность наталкивается на сексуальную страсть, и иногда эти два стремления могут казаться полностью разрозненными. Из морального комплекса мы пытаемся контролировать нашу сексуальность, но дух подавления просто гипер-активизирует сексуальную страсть и направляет её вдоль неуместных направлений, так как она не вплетена в единство мыслей и ценностей. По мере нарастания страсти, моральный комплекс становится укоренённым и более негативным. Мы можем фокусировать наше растущее разочарование на себе самих или на некоторой персоне или группе, или даже человечестве в целом.

Моралистический комплекс может скрываться под внешними безупречными фактами и благоразумием. Например, несмотря на то, какое (научное или медицинское значение) они могли бы иметь, наши текущие отношения к курению, жирным диетам, алкоголю и наркотикам оказываются вышитыми багровым, подобно букве Эстер Принн. Морализм в нашей тираде против этих вещей предполагает, что тут есть еще нечто другое, кроме простого беспокойства по поводу нашего здоровья. Наркотики, ожирение и курение могут приводить к тревоге, которая имеет мало общего с нашим выраженным отношением.

Мы все в некоторой степени моралисты, некоторые очевидно больше, чем другие. Мы можем быть моральными по поводу всякой вещи. Студенты из довольно шикарной школы однажды жаловались мне на то, что в некоторых моих вещах присутствовал полиэстер. Возможно, были веские основания для их сетования, но я чувствовал «морализм натуральных волокон» в их комментариях, которые были слишком осудительными и высокомерными, чтобы быть полезными. Во многих случаях, люди гордятся своей моральной терпимостью и остаются слепыми к многочисленным морализмам, оперирующих в их собственной жизни: экологи часто морализируют по поводу бизнеса; вегетарианцы по поводу мяса. Некоторые люди, конечно, кажутся морализирующими по поводу всех и вся.

Комплекс или симптом указывает на то, чего недостаёт, и столь парадоксально мы можем посмотреть на симптом с намерением нахождения направления, в котором нам следует двигаться. Если мы чувствуем морализм по поводу некоторого аспекта секса, ощущая потребность некоторым образом его ограничить, то решение будет состоять не в преодолении запрещения, но во

взятии на себя инициативы по поводу нашего чувствования. Мы можем найти позитивный путь уменьшить важность секса в отношении нашей остальной жизни. Демонизация того, что мы подавили, только делает комплекс более требовательным и более негативным.

Во многих случаях морализм может быть ничем иным, как неоконченным поиском осмысленной и честной моральной жизни. Вот почему не всегда целесообразно доверять этике жесткого моралиста – его мораль не является глубоко укоренённой или утверждённой с уверенностью и безусловностью. Моралисты могут представлять свои взгляды так, как будто они тверды и содержательны, но эта несомненность часто проявляет себя как мелочность и неуверенность в себе. Властная убежденность, с которой всё это утверждается, показывает хрупкость этих взглядов.

Люди находят иллюзорную нравственную силу вне самих себя – в рядах единомышленников, авторитетных писаниях и экспертах, и в сентиментальных обращениях к семейным традициям и культурным привычкам. Когда люди становятся старше, они находят утешение в давних нравственных наставлениях. Испробовав жизнь, они из чувства тревоги связывают неразрешенные вопросы с привычными, но неадекватными моделями поведения.

Особенно в определенные периоды жизни, сексуальные эмоции могут навлекать огромное давление, и морализм может быть заманчивым решением. Это не требует усилий мысли или какой-либо личностной борьбы. Это как неоригинальные, готовые методы контроля, и, кроме того, это приводит к тому, что мы выглядим хорошими. Мы можем ощущать себя выше других, загрязнённых страстями, и наслаждаться иллюзией того, что всякая вещь находится под контролем.

В любой жизни сексуальная нимфа может отказаться лежать неподвижно и принимать распоряжения. Она может неожиданно взойти в форме запрещенного желания или простого интереса. Мы никогда не знаем, где она проявится в нас, и поэтому мы склонны поместить её в цепи. Единственная альтернатива – принять шанс на жизнь и верить в себя.

Душа-посредник

Духовный элемент важен в моральном принятии решений, так как легко осуждать в момент «затопления» чувствами. С другой стороны, если принципы являются столь доминирующими, что чувства не слышатся вообще, то духовность становится лишь инструментом подавления и не более того. Когда душа и дух гармонируют, мы делаем наш путь по направлению к этическому разрешению через позволение наших принципам и нашим желаниям взаимодействовать друг с другом до тех пор, пока не будет достигнуто соответствующее сложное решение. Результат – это этический исход, который не является ни репрессивным, ни исключительно корыстным.

Дух, как правило, связан с фактами и принципами. Душа руководствуется нюансом. Это выглядит как руководство в образе, поэтике и следствии. Например,

замужняя женщина сильными искушением к внебрачной связи может обнаружить, что она нуждается в своеобразной свободе, но необязательно в сексуальных экспериментах. С другой стороны, она может прийти к пониманию своего сексуального желания как приглашения к долгожданному освобождению от гнетущих отношений. Чтобы разобраться с моралью решения, касающегося страсти, может потребоваться время.

Если бы она отклонила новое желание как искушение, оказывая сопротивление любой ценой, она бы дистанцировалась от своей души и, возможно, почувствовала подавленность и бессмысленность из-за этого разрыва. Оставаясь близкой к своему желанию и все же не действуя стремительно, она пришла к лучшему познанию своей души и могла мельком увидеть свои глубинные потребности, и затем появляется возможность действовать уверенно и ответственно.

На протяжении многих лет у меня была небольшая терапевтическая практика, и все же когда я вспоминаю случаи, подобные этому, где мужчина и женщины искали свои сердца для обнаружения природы своих желаний, я осознаю, как часто нам следует полноценно входить в это преисполненное душой медитативное место для поиска моральных разрешений. Люди в браке должны глубоко рассмотреть значения тех обязательств, что они обозначали для своего партнёрства, их ответственности перед своими детьми и их этические обязательства в отношении своих собственных жизней. Такая лояльность не всегда проста, и всё это часто кажется противоречащим друг другу. Люди чувствуют разорванность и грубость рядом со всеми эмоциональными влияниями, входящими в моральное размышление. Даже после всех этих сражений, результат никогда не бывает ясным или свободным от сожалений.

Однажды на курсе, где я преподавал в Канаде, один мужчина поднялся и колко обратился ко всему залу: «Если вы когда-либо были в разводе, то знаете, что такое агония. Ты не тот же самый человек, каким был до развода, и ты никогда больше не будешь легко принимать решения снова». Он явно говорил из продолжающейся боли своего собственного опыта, описывая личное просвещение в своем сердце.

Когда значимые моральные решение преисполнены души, это становится инициацией, ритуалом перехода. Бывшая наивность уступает место мудрости чувственного опыта. Нравственность делает нас честными. Она углубляет нас. Она требует всю храбрость, на которую мы способны, и воздаёт мудростью и силой характера. Моральное решение в сфере секса углубляет нашу сексуальность и, как это, пожалуй, ни парадоксально, усиливает сексуальное удовольствие.

Секс и совесть

Поскольку высшая духовная мораль обычно основывается на принципе и доверии, центрированная в душе мораль может выглядеть неуловимой, эмоциональной и относительной в сравнении. Но душа также может выковать крепкую форму морали, которая в долгосрочной перспективе является более требовательной и более глубоко помещённой.

Душа – это не только сырые эмоции и фантазия. Она имеет свои собственные достоверные источники понимания и ценностей, наиболее потенциальный из которых, если брать сферу морали – это совесть. Духовная сторона совести представлена этическими идеями и принципами, тогда как сторона души проявляется в эмпатии, сочувствии и раскаянии. Эрос и совесть часто пребывают в тесном диалоге, один побуждает нас к сексуальности, другая же обзревает ситуацию для её мудрости и целесообразности.

Совесть – это путеводитель даймона. Греки использовали слово «даймон» для безымянных духов, чувствовавшихся и ощущающихся как явное присутствие. Даймон может быть встречен в природе, или он может заявить о себе внутренне, как глас или простое пребывание. Муза, вдохновляющая и наставляющая художника, представляет собой вид даймона, так как она – это сильная интуиция, защищающая нас в критические моменты. Когда мы чувствуем вдохновение, мотивацию и страсть к чему-то, в работу вступает даймон.

Совесть даймона может проявляться как голос, слышимый нами внутри себя, говорящий нам об избегании определенного поведения или подгоняющий нас к чему-то. Совесть может играть определенную роль в сожалении, по мере того как мы «перевариваем» действие или чувствуем боль самоосуждения. Это может притормозить нас, когда мы собираемся сделать что-то сомнительное.

Совесть – ценный инструмент при стремлении к нравственной жизни, но поскольку это внутренний голос и присутствие, она требует хорошего слушателя. В эти дни большинство из нас проживают свою жизнь в сосредоточении на внешнем мире. Мы - не ужасно заинтересованные внутренней жизнью. Мы интересуемся созданием новых гаджетов, но не тратим много времени на разработку внутренних технологий, подобных воображению и интуиции. С нашим вниманием, направленным вовне, мы можем упустить важные предупреждения совести, или, учитывая отсутствие веры (что также характерно для нашего времени), мы можем доверять рассуждению больше, чем интуиции. Обычно легко отвергнуть совесть убедительной аргументацией.

Сейчас обычно думать о совести как о негативном влиянии, нечто таком, что держит нас в узде и сохраняет нас от неприятностей. И это чувство негатива, которое представляет собой проблему для морали в целом, может склонить нас к отклонению вопроса проработки совести. Она может казаться не вдохновляющей нас или бесполезной. Я часто слышу о местах, где люди могут развивать свои психические и интуитивные способности, но никогда не слышал ни об одном, посвященном совести.

Чем старше я становлюсь, тем более я осведомляюсь о ценности своей интуиции. Я до сих пор нахожу себя упускающим её из виду день за днем, но всякий раз, когда я отдаю ей должное, она оказывается полезной. У меня такое чувство, что жизнь в некотором роде разрастается как результат этого внимания, и что в моем распоряжении теперь есть силы, которыми я прежде пренебрегал. Из-за того, что сексуальная фантазия, кажется, просто кишит жизнью и движением во многих направлениях, совесть может быть серьезным подспорьем в разборе всего этого материала и прояснения сексуальной путаницы.

Совесьть – это особый вид интуиции, и во внутренней жизни важно распознавать различные присутствия, влияющие на нас. Она может иметь несколько лиц и отдельные голоса. Из-за того, что она представляет собой присутствие, которое было с нами на протяжении большей части нашей жизни, мы должны быть в состоянии признать её, когда она проявляется и затем ощутить себя в большей безопасности, прислушиваясь к ней. В то же самое время, мы всегда можем стать лучше, слушая её и руководствуясь ей.

Как и в любом руководстве даймонического присутствия, мы можем, более или менее, быть созвучными ему. Слово «распущенный» иногда используется в связи с совестью. Некоторые люди имеют спокойное отношение к этому наставляющему гласу, а другие щепетильны, слушая его. Мы преуспеваем, развивая хорошие взаимоотношения с совестью, так что можем извлечь пользу из её регулярного руководства, и формируем нравственную жизнь с её помощью.

Как и во всех вопросах, связанных с душой, внутренний диалог, беседы с друзьями, чтение и влияние моделей совести – всё это обучает нас в нашей нравственности. Всякий раз, когда я читаю о людях, восхищаясь ими, идущими в тюрьму за свои убеждения по поводу вопросов, которые важны для меня, я бросаю вызов своей морали. Эти благие люди – учителя, а также агенты перемен. Их совесть приводит их к храбрым поступкам морального просвещения общества, и ясно, что наша работа состоит с том, чтобы быть хорошими студентами и вбирать просвещение в сердце.

Любовь к жизни, связанная с сильной и сердечной совестью, может только усилить сексуальную радость жизни, так как утверждение жизни – это лучший контекст для сексуального осуществления. Секс не может быть отделен от остальной жизни без ущерба, и один из лучших путей подготовиться к сексу – это постоянное развитие сильной совести и тщательно нравственный образ жизни.

Мы можем быть склонны думать, что сексуальная свобода исходит из пренебрежения ценностями и моралью, но эта идея имеет смысл, только если мы придерживаемся ограниченной идеи свободы и негативной идеи морали. В глубинном смысле мораль – это просто место слияния интересов нашей собственной природы с предназначением, самой природой и обществом. Когда этот вид морали пребывает на своем месте, секс процветает.

Эротическая мораль

Альтернатива морализму и внутреннему разделению – это мораль с душой, эротическая мораль. Само словосочетание «эротическая мораль» может звучать подобно оксюмору, противоречию в терминах. Обычно мы представляем эрос и мораль как противоположности. Тогда, из-за того, что эрос становится умершим принципом жизненности (когда мы имеем моральные помыслы и поведение), мы впадаем в депрессию, и жизнь становится бесцветной. Когда мораль не имеет корней в эросе (том самом пульсе жизни, который призывает нас идти вперед), она обладает пагубным воздействием, имеющим тенденцию распространяться среди семей, браков и сообществ. Люди, избравшие проживание жизни в её полноте не имеют другого выбора, кроме как испытать ограничения принятой морали и часто преступить их.

Категорически утверждая жизнь, бытие в любви с природой и самим собой, мы можем обрести вдохновение сделать что-либо для защиты мира и тех, кто живет в нём. Многие экстраординарные люди отдали себя защите семьи или общества, но не из-за морального принципа, а из-за любви. Осведомители, совестливые отказники, любезные и непокорные, заключенные в тюрьму идеалисты часто неправильно понимаются и осуждаются моралистами, и все же их этическая щедрость далеко превосходит ограниченное влияние банальной морали принципа. Что может быть более поддерживающим хороший секс, чем такая сильная сила жизни? Чуткое изобилие превращается в действие ради других, и поэтому оно имеет внутри себя определенный сексуальный заряд.

Любовь и моральная уверенность крепко держатся вместе в двух письмах с поля боя. Майор Салливан Баллоу написал следующие слова своей супруге Саре, перед тем как был убит в сражении при Булл-Ран в 1861 году: «Сара, моя любовь к тебе бессмертна. Кажется, она связывает меня могущественными цепями, которые не под силу порвать никому, кроме Всемогущего; и все же моя любовь к Стране овладевает мной подобно сильному ветру и неудержимо несёт меня со всеми этими цепями на поле битвы» [1].

Другое письмо было оставлено на мемориальной стене Ветеранов Вьетнама. Оно было написано Джоном Кэмпбеллом в 1985 году своему другу Эдди, который служил в его команде и был убит на поле боя: «Если благодаря твоему имени на этой стене станет труднее послать парней умирать на другой конец света, тогда, возможно, это не была совсем напрасная трата. Я люблю тебя, брат. Я молюсь, чтобы однажды мы смогли приветствовать друг друга дома».

Наша моральная жизнь должна быть утверждена в любви, иначе она будет укоренена в чем-то другом, ибо она всегда базируется на некоторого рода эмоции или воображении жизни. Она может быть глубоко гневной или беспокойной, или расцветать из простого чувства долга, основанного в любви. Секс не нуждается в том, чтобы быть находчивым, диким, невообразимо чувствительным, часто повторяющимся или преисполненным очарования и красоты. Но он требует глубокого морального видения, если обращается к душе с полной чувственностью и жизненностью. Мораль будет преисполнена сердечности, если она не сужается к гневному отстранению эротической жизни и её страстной сексуальности.

Для улучшения наших сексуальных жизней нам не нужны новые технологии или новые электронные/технические приспособления. Мы нуждаемся в трансформации способа представления дела своих собственных жизней: либо жить нарциссически для исполнения своих сложных фантазий об удовольствии, или жить щедро с открытым сердцем и признательностью за живительное сексуальное воображение. Любовь и воображение идут вместе, и они сообща порождают моральное видение. Они благоприятствуют чувствительности, которая вдыхает жизнь в секс и радостно обнаруживает пределы, определённые для участников, не подвергая её смертельной репрессии.

Если мы позволим сексу иметь душу (что означает, что сексуальные фантазии и желания не всегда понимаются буквально, но поэтически и образно указывают на нечто большее), то сможем принять, что каждая сексуальная фантазия допустима

и имеет смысл. Нет желания, которое следует репрессировать; оно должно быть принято, рассмотрено и подвергнуто обсуждению. Как терапевт, я провожу часы с мужчинами и женщинами, говорящими о своих сексуальных желаниях и конфликтах, которые они поднимают. В моем разуме, эти обсуждения представляют собой упражнения в сотворении души. Мы берем необработанное сексуальное желание и читаем его так, как мы могли бы читать сонет Шекспира – для поиска подтекста, косвенных намёков, игры слов, окольных путей и указаний.

Если мы подступаемся к жизни менее буквально, наша мораль может переноситься более легко и меньше угнетать нас. Мораль должна быть радостной, утверждающей жизнь, а не отрицающей. Секс не всегда так буквален, каким мы его считаем, и не стоит применять конкретные действия для каждого желания или разыгрывать каждую фантазию. Большинство сексуальных фантазий и желаний указывают на эротическую динамику в жизни, а не на фактический секс.

Чтобы освободиться от собственного морализма и сопровождающей его вины, нам следует знать, что душа имеет свою собственную сексуальность, состоящую из образов, чувств, ценностей, страхов и страстных желаний, которые редко нужны нам в жизни. Для большинства из них, фантазия – это фантазия. Желание может казаться плотским, но, скорее всего, связано с разворачиванием души.

Если мы будем обращаться со своими желаниями серьезно, но не всегда буквально, то мы будем наставлены к уравновешенной жизни – возможно, жизни, преисполненной творческой активности, и, тем не менее, свободной от чрезвычайно эмоционального спора между морализмом и сексом. Морализм может превратиться в мораль, где эрос не является врагом.

Удерживая в уме душу секса, мы можем описать сексуальную мораль как тщательное переплетение желания и увлечения в каждом аспекте нашей жизни. Она базируется на доверии в человеческой душе, которая, когда глубоко познана, представляет собой единственно надежное руководство к сексуальному поведению. Это доверие не может быть сентиментальным или наивным. Оно формируется горечью и раскаянием нашей сексуальной истории, а также радостью и жаждой, познанием жизни и мира.

Эротическая мораль проникает глубоко в сердце и в недра общества. Она предоставляет время для раскрытия мудрости. Она не определяет себя противником желания или удовольствия. Она плотно соткана в целую структуру ценностей, укорененных в утверждении жизни и любви собственной души человека. Она комфортна и никаким путем не эксплуатирует и не осуждает.

Мы обнаруживаем эту эротическую мораль благодаря хорошему познанию нашей жизненной истории, откровенно признаваясь в своих предрассудках и негативных влияниях, принимая свои прошлые раны и неудачи. Эрос известен как сладко-горький, и только в горько-сладких объятиях жизни мы можем найти путь к наслаждению, дополняющим нашу моральную чувствительность.

Глава 9.

Радость целибата: Тонкие выражения сексуальности.

Творческая связь между эросом и духовностью раскрывает себя в том, как мы живем свою жизнь и в наших повседневных встречах. Многие люди выбирают целибат – либо на всю жизнь, либо на период нескольких месяцев или лет. Многие другие дают обет безбрачия из-за удела или обстоятельств. Они могут быть разведёнными или овдовевшими, или просто не найти партнёра, а также могут не хотеть сексуальных отношений для себя по причине своего возраста или темперамента. Хотя такие люди проживают жизнь в целибате, они также могут быть всецело сексуальными. Мы можем вдохнуть душу в нашу повседневность с простым и тонким видом сексуальной чистоты, пустого пространства в многолюдном мире сексуальной озабоченности и, тем не менее, пространства, не сформированного подавлением и пребыванием вне сферы сексуального.

Когда я размышляю о моем юношеском опыте монашества, то понимаю свой собственный целибат того времени не как отрицание секса, а как другой способ его проживания. Хотя у меня не было сексуального опыта в обычном смысле, моя жизнь была преисполнена интимности сообщества, красоты, наслаждения, тела, желания и даже страсти. Я не ощущал отсутствие занятия любовью как самоотречение или отрицательную утрату. Я охотно выбрал жить в целибате, и это вознаграждалось эмоционально и обеспечивало такое чувство осмысленности, что я не ощущал лишения.

То, что я изучил за двенадцать лет целибата – это то, что сексуальность глубинна и более утонченна, чем мы обычно её представляем. Я, конечно, никогда не помышлял о себе как о бесполом и репрессированном существе. Моя сексуальность была полностью живой и представлялась мне в моих фантазиях, в чувстве себя, в эмоциональных отношениях, в обнаружении богатого и пленительного мира, в моей работе. Отсутствие любовницы было небольшим ззором в другой обильной жизни чувственности, желания и фантазии.

Я не говорю, что все религиозные холостяки чувствуют себя так же, или что я бы продолжал наслаждаться этим видом сексуального целибата еще много лет, или же что этот опыт прошёл без конфликтов и самоанализа. Я счастлив, что оставил эту жизнь и исследовал различные виды сексуальности. Но эти особые годы расширили мои идеи по поводу секса, и интуиция, вдохновляющая настоящую книгу, должна что-то сделать с сексуальностью, которая не всегда буквальна, этой сексуальной жизнью души, которая необязательно включает тело или фактического партнера. Этот вид сексуальности не аморфный и не рассеянный. И это не просто метафора. Это действительно утонченно, но к тому же – глубинно и всеобъемлюще.

Слово «целибат» (от латинского «caelibis», «холостяк») первично означало холостого человека. «Целомудренный» же означает нравственную чистоту и

имеет дополнительное значение воздержания от секса. Есть два пути быть в целибате и целомудренным. Первый путь – это оставаться без брака или не иметь любовника. Другой, менее буквальный – это вплести дух целибата в жизнь, неважно, состоите вы в браке или одиноки, и культивировать дух целомудрия или сексуальной чистоты, при котором можно вести половую жизнь. С ракурса этого широкого взгляда, который честно представляет душу секса, целибат и целомудрие могут играть плодотворные роли при любом стиле жизни.

Проблема желания быть нормальным

Сегодня может быть трудно оценить целибат и целомудрие, поскольку мы считаем, что здорово иметь активную сексуальную жизнь и болезненно (и, может быть, даже ненормально) вести себя иначе. Наиболее сексуальный совет, который вы найдете в журналах или книгах, направлен на активное, успешное, правильно функционирующее половое сношение. Вы много слышали по поводу оценки бездействия или незаинтересованности по поводу секса, и я никогда не наблюдал рекламы видеозаписи, поддерживающей сексуальную чистоту и сдержанность.

Один защитный способ бороться с нашими сильными и неподконтрольными сексуальными чувствами – это попытка ощущать себя «нормальным». Мы прояснили нашу сексуальную путаницу посредством редуцирования широкого диапазона сексуальных способностей к очень немногочисленному. Всё, что туда не вписывается, мы считаем ненормальным и испытывающим потребность в терапии, лечении или даже наказании. Но утешительная иллюзия нормальности имеет свою цену. Секс непросто для каждого, и когда мы принуждаем его соответствовать желанным категориям здоровья или нормальности, мы, стражи этих категорий, страдаем от них столько же, сколько и те, кто не верит в них.

Критикуя саму идею нормализации, Джеймс Хиллман указывает, что это репрессивная идеализация, искажающая положение вещей. В нашей фантазии нормальности, говорит он, мы хотим быть или статистически средними, или приближенными к идеалу [1]. Странно, что в обществе, высоко ценящим индивидуальность, так многие долгое время являются «среднячками», и затем ощущают болезненность, если их жизнь отклоняется от нормы. Секс удивительно индивидуален, и никто не знает, где или когда чья-либо сексуальность совершит поворот. Секс настолько напрямую связан с постоянной донкихотской душой, что столь же непредсказуем, как и сама жизнь.

Необходимость быть нормальным может быть интимной и личной. Многие из моих клиентов на терапии приходили к точке, где беспокойно вопрошали: «Нормален ли я? Есть ли еще у кого-либо такие мысли и желания, как у меня?». Но душа не только нормальна. Может быть комфортным ощущать нормальность, но наиболее интересные и творческие достижения жизни часто толкают нас к эксцентричности.

Биографии многих выдающихся творческих мужчин и женщин открывают нам индивидуальные причуды их сексуальности – мягкая чувственность и мистическое одиночество Эмили Дикинсон, связи Вуди Аллена, бисексуальность Леонарда Бернстайна, сексуальные изыскания Мадонны, олицетворение Кэри Грантом

образа нормальности, несмотря на его множественные браки и романы, и празднование андрогинности Жорж Санд.

Наша индивидуальность лелеется в глубокой и созидательной ненормальности автономных и страстных стремлений нашей души. Это не значит, что нам следует праздновать наши аномальные тенденции в ответ на давление быть нормальным, так как этот подход будет просто поддерживать разделение между нормальным и ненормальным. Возможно, будет лучше, если мы возьмем и нормальное и ненормальное, будем менее буквальными и найдем способ сохранить эти две стороны в соединении друг с другом. Желание быть нормальным допустимо, но это не должно использоваться в качестве средства подавления. В то же самое время, это будет полноценно только тогда, когда мы также примем во внимание ненормальные (или необычные) желания и черты.

Желание быть нормальным может встать на пути нашего понимания целибата, и также оно мешает всем аспектам сексуальности. У большинства людей секс отказывается быть скованным нашими оборонительными пожеланиями соответствовать норме. Он следует своим путем, несмотря на наши стремления и усилия. На самом деле, секс может предложить глубокое удовлетворение только тогда, когда мы оставим всякую надежду быть нормальными, и когда мы обнаружим, что наша сексуальность будет полной только в том случае, если мы перестанем защищать себя от сильных эротических желаний, отдаляющихся от социального ожидания.

По мере того как мы выходим из искусственных разделений в мыслях и эмоциях, мы часто придумываем новый язык, лучше описывающий новый опыт. Хиллман пишет таким способом о «необходимости», слове, которое я нахожу полезным на протяжении лет для разговоров о той тоске, которая сможет быть болезненной и нежелательной, но требующей нашего молчаливого согласия. Мы можем также рассмотреть больше отдельных способов сексуального бытия, обозревая не только радость секса, но также и радость целибата. Некоторые вещи могут оставаться просто приемлемыми или пригодными для жизни. Весь этот язык, свободный от осуждения и предубеждения, предлагает путь к признанию, казалось бы, противоречивых требований и помогает нам выйти из дихотомий и оппозиций, удерживающих нас в тупике.

Мы все находимся под влиянием психологического языка, и можем иметь тенденцию думать клинически об интимной жизни. Психологи и психиатры находят полезными категории нормального и ненормального, но мы, частные граждане, не должны использовать слова в техническом смысле. Если мы чувствуем ненормальность из-за того, что не имеем активной сексуальной жизни, мы можем выбрать наслаждение нашей индивидуальностью, а не беспокоиться по поводу болезненности этого. Некоторые люди не хотят быть нормальными, но они, также, могут перевести это чувство в смысл бытия в согласии с человеческой расой. Спектр от нормального к ненормальному представляет собой просто диапазон возможной человеческой индивидуальности и общности. Наша индивидуальная позиция на этой шкале уникальна и может радикально меняться в течение жизни.

Целибат как тема жизни

Я состою в браке с человеком, который, как и я, любит быть в браке, но также имеет сильное желание в нём не быть. Мы оба, по крайней мере, в нашем чувстве и историях, рассказанных о самих себе, прекрасно прожили бы в одиночестве или общине целибата. Я не претендую на понимание себя в этой области, но моя догадка состоит в том, что если бы я по-прежнему жил в религиозной общине в целибате, то мог бы смотреть на брак так же, как сейчас время от времени смотрю на целибат – как на привлекательную альтернативу. Я разрешаю любое противоречие в своих чувствах по поводу брака и целибата через полноценный и добровольный брак, тогда как, в то же самое время, использую преимущество возможностей для немедленного удовлетворения моей потребности в целибате, культивируя его дух.

Целибат может быть принят поэтически, имея при этом реальный эффект, не будучи воплощенным в буквальном жизненном пути. Человек может на мгновение ощутить себя вне брака, или, при определённых обстоятельствах, быть без привязанностей и преданным целомудрию. В этом смысле целибат представляет собой тонкое ощущение уединённости, а также он обладает особым мироощущением, исходящим из текущего неучастия в активной сексуальной жизни.

Например, моя работа иногда приводила меня в далёкие от дома места, где я проводил дни, проживая в отелях. Я находил краткосрочную жизнь в гостинице довольно удовлетворительной, ибо ко многим вещам я затем возвращался с этим монашеским опытом. Атмосфера относительно тихая, и у меня есть шанс провести время так, как я хочу. Я могу работать в любое время, и у меня есть возможность устроить своё пространство в стиле, близком монаху. Я оставляю свою гостиницу-монастырь для чтения лекций или подписи книг, или разговоров по радио, и в этих ситуациях со мной обращаются как с индивидуумом, а не как с женатым человеком. И всё это довольно приятно недолгое время, хотя, я должен признать, что сейчас исключил монашескую жизнь и далее предпочитаю путешествовать всей семьёй.

Я считаю, что все мы можем ткать дух целибата в наших повседневных жизнях. Мы можем быть на какое-то время и ситуационно в целибате в своем мироощущении. Нам следует лично знать, как много времени нам требуется для повседневного целибата, и какой стиль целибата наиболее удовлетворителен – будь то просто одиночество, свобода от сексуального флирта, или пребывание в качестве индивидуума, а не части пары. Пятиминутная прогулка-целибат, обед-целибат в одиночестве, или временный целибат в сообществе с группой однополых друзей могут оказаться достаточными. Мы можем обнаружить неожиданное удовольствие в проведении времени с теми, кто в противном случае мог бы быть потенциальным партнёром по сексу, но наслаждаться качествами целибата проводимого вместе времени. Во всех этих случаях, целибат означает наслаждение духом небытия сексуально активным.

Дух целибата в сексе

Многие люди, живущие жизнью целибата по той или иной причине, необязательно асексуальны. Они имеют возможность сублимировать их сексуальность, к тому же

в алхимическом смысле – переводя её в тесные дружеские отношения, или посвящая себя наслаждению, красоте и искусству, «помолвке» с миром. Душа секса не может быть обнаружена только в актах любви, но также в жизни, мотивированной обширной любовью и ожидаемыми удовольствиями.

Проживание полной чувственной жизни с друзьями, близкими и вещами, и предание себя приятной деятельности – это эротическая жизнь, и она может вполне исполнить все сексуальные потребности души, которые у неё имеются в отдельное время. Лицо вне брака или кто-либо без любовника может рассмотреть важность дарования себе самому всех качеств сексуальности, несмотря на то, что занятие любовью – это не выход. Я не вижу эти вещи в качестве заменителей секса, но в качестве добросовестных путей сексуального бытия, тем более что они обращаются к тонким эротическим нуждам души.

Слово «холостяк» первоначально означало «батрак», а незамужняя женщина, конечно, была той самой, что проводит своё время за пряжей. Мы можем оставить позади любые сексистские и уничижительные смыслы этих слов и увидеть, что секс трансформируется в жизнь культуры. Сейчас эти слова строго связываются с безбрачным стилем жизни, используя с более широким значением ухода за полями и работой на фабрике. Погружаясь еще дальше в значение этих слов, я вижу две мифологические фигуры, преисполненные значения – Аристей, самобытный фермер, пчеловод и символ личного мастерства, и Афина, богиня-ткачиха, которая создаёт и поддерживает культурную жизнь. Эти фигуры помогают нам оценить культурные и творческие способности жизни в целибате.

Секс находит естественное выражение в любви, страсти, активном внимании к культуре своей собственной жизни и культуре общества. Сексуальное желание может быть удовлетворено в творческом взаимодействии с миром, пока желание, страсть, наслаждение и другие качества секса привносятся в действие. Мужчины и женщины без сексуального партнёра могут быть глубоко сексуальными, взяв в качестве духа-наставника великую богиню Афину, одну из редких целомудренных богинь, которая отвечает за силу, одарённое воображение, всестороннее построение культуры и жизни в блистательном гобелене. Аристей был удостоен как один из тех, кто вывел нас из состояния грубого выживания к мягкой, цивилизованной изысканности. С обоих архетипических перспектив, мастерство, искусство, ремесло и социальная вовлеченность делают жизнь богатой и стоящей, направляя страсти к близкому и чувственному контакту с жизнью.

Дух целибата в браке

Некоторыми глубинными путями безбрачное существование оказывается важным аспектом пребывания в браке [2]. Люди в браке не должны терять чувство того, что они безбрачные личности. Я могу принимать большую часть решений своей жизни и работы как женатый человек, но в некоторых особых областях я одинок. Вероятно, у меня есть знание о том, что мне требуется, и это может быть неприемлемо моим партнером, или само по себе требовать так много индивидуальности, что это невозможно получить с партнером. Я, возможно, прохожу через некоторый опыт не как женатый человек, но как индивидуум, и это требует определенного рода целибата – не в буквальном стиле жизни, но как отношение и глубинная фантазия о моем мире и моих отношениях.

У моей супруги много очень сложных духовных практик, которые она разработала задолго до нашего бракосочетания, и я просто не обладаю темпераментом для принятия участия в большинстве из них вместе с ней. Я пробовал некоторое время, но они просто не отзываются во мне. Она поддерживает свои практики в нашем доме, но делает это по большей части как отдельная женщина. Я тоже делаю некоторые вещи, которые являются частью моей жизни несколько десятилетий, и моя жена может свидетельствовать их, но не может реально принимать в них участие.

В качестве целибата я играю на пианино. Никто не разделяет это со мной, и никто реально не понимает важности этого или природы моего удовольствия. Также я читаю некоторые вещи «целибатно». Некоторые книги в нашем доме мои, некоторые из них семейные.

Мои говорят со мной, тогда как другие говорят с кем-то неизведанным для меня, а книги моей жены говорят с ней с индивидуальной точностью и восторгом. Я не знаю кто получает такого же вида удовольствие, как я при чтении романа Сэмюэля Беккета и журнала по обработке дерева в тот же самый вечер, но я не могу проникнуть глубоко в книги и статьи по технологии живописи, которые «зажигают» мою супругу. Большинство книг и живописью мы наслаждаемся вместе, и мы можем читать в одной и той же комнате, но все же некоторые области – индивидуальны. Мы наслаждаемся в браке как этими моментами целибата, так и временем взаимного обмена.

Бытие индивидом без привязанностей или товарищеских отношений предлагает множество эмоциональных вознаграждений, и эти удовлетворения не должны быть целиком принесены в жертву, когда мы даём наши брачные клятвы. Пожив в монастыре, я познал эмоции и мысли, связанные с целибатов, и я ощущал нечто сходное в качестве персоны, состоящей в браке. Если я встречаю человека, который привлекателен или который ясно желает определенного вида близости со мной, я чувствую, что моя брачная клятва очень похожа на обет безбрачия. Я недоступен, и это мой выбор. Я не чувствую себя обделённым или репрессированным. Я чувствую ограничение, предусмотренное обетом, но в этом ограничении я ощущаю подлинную свободу и радость. Как ни странно, этот вид целибата кажется неотъемлемой частью семейной жизни. И то, и другое могут требовать тонких экспериментов, бесед с супругой и философии жизни, которая ценит сочетание брака и уединения.

Существует и другая сторона (если хотите, тень) такого рода целибата. В зависимости от обстоятельств (фазы жизни, на которой вы пребываете в настоящий момент, особенности вашего брака, необъяснимых эмоций и внутренних событий), может оказаться мучительно трудно быть холостяком, и радость со свободой могут полностью отсутствовать. Люди в браке часто встречаются с проблемой притяжения к кому-либо еще, и это притяжение может стать столь сильным, что человек ощущает это как пребывание под угрозой. В мгновение ока он может оказаться в эмоциональном треугольнике, у которого, кажется, нет приемлемого разрешения. Как терапевт, имеющий дело с такими ситуациями, я часто думаю, что искушение против обетов и в случае целибата, и в случае брака, может сигнализировать о важных и мощных событиях в душе.

Единственным выходом из положения (или сквозь проблему) может быть отказ от буквального рассмотрения соблазна. Мы можем спросить себя, в терминах, выходящих за пределы буквальных отношений, что означает эта триангуляция эмоций. Если мы буквально податливы ко всем новым приглашениям к близости, наши жизни будут разорваны на части и никогда не найдут безопасности и заземления.

Некоторые люди, наслаждающиеся сексуальной жизнью, ограниченной браком или целибатом, вдруг ощущают сильное стремление быть неразборчивым. Иногда эти чувства остаются внутри реальности фантазии и сновидения, но часто люди действуют и лишь мало-помалу начинают задумываться об этом. Тогда они могут почувствовать вину или сожаления, сбиваясь с толку.

Фантазия проживания обильной, неистовой, неограниченной и разнородной сексуальной жизни может посетить каждого, иногда в самые неожиданные моменты. Такая мысль может быть очень тревожной, так как никто не знает, будет ли эта фантазия удовлетворена без реального эксперимента. Здесь может оказаться полезной тонкая идея сексуальной чистоты и безбрачного отношения, и не для подавления тяжелых волнений воображения, но достаточного усложнения ситуации, чтобы найти приемлемое решение.

Около трети людей, приходящих ко мне на терапию, на протяжении многих лет пребывают в состоянии глубокого беспокойства из-за невероятного конфликта между желанием сохранить свой брак нетронутым и все же ощутить безумие в своей любви к третьей стороне. Обычно посреди всей этой путаницы явственно отсутствует одно ощущение – чувство личной целостности и индивидуальности. Целибат как самоощущение не связан с другой персоной, но может потеряться, и в своём отсутствии приводить к чувству бесконтрольного существования, слепого к любому возможному разрешению конфликта.

В этих ситуациях я никогда не пытаюсь помочь человеку разрешать конфликты напрямую или непосредственно. Тревога и напыщенность, возникающие тогда, когда мы пытаемся остаться под контролем и быть разумными перед лицом иррациональных событий, зачастую еще больше заводящие в тупик. Я искал образ холостяка, который бы и не был бы в браке, и не поддавался бы искушению – того, кто бы радовался жизни отдельно и от брака, и от нового любовника. Это была триангуляция для соответствия и отражения треугольника, вызывающего столь много эмоционального страдания. Восстановление утерянного чувства целибата дарует больше жизненного опыта и предлагает варианты, когда жизнь видится слишком «узкой».

Целибат для каждого

Духовный холостяк моделирует потенциально творческий жизненный путь, который может опробовать любой из нас. Он состоит из целостности, индивидуальности и уединения, которые дополняются интенсивным переживанием общности. Это монашеская ситуация, но она может быть моделью для брака, рабочего места, дружбы или семьи. Во всех этих областях мы можем найти место для уединения и личной неприкосновенности, наряду с интимными

удовольствиями дружбы и общности. И может потребоваться некоторая доля celibата для достижения этой удовлетворенной комбинации.

Общество и индивидуальность оказываются разделёнными в жизни многих людей. Они стремятся быть индивидами, и в то же самое время они одиноки. В некоторой степени культура в целом борется с этой проблемой – настоянием на индивидуальности, которая представляет себя как нарциссизм и распад общества.

Эти эксперименты могли бы обучить нас тому, что дух celibата, соединённый с определенной простотой в образе жизни, может помочь преодолеть разрыв между личностью и обществом. Через комфортный поиск места для индивидуальных усилий, без какой-либо нужды агрессивно отделять себя от других, мы можем проявить своё творчество. Мы можем лучше принять наши глубинные потребности в уединении и личной неприкосновенности. В то же самое время, мы можем принять во внимание преимущества подлинного эмоционального вовлечения в общество.

Привнесение духа celibата в ординарную жизнь требует тонкой пронизательности. Может быть необходимо обратить пристальное внимание на веления сердца, дабы знать, когда следует действовать «целибатно», а когда быть явно сексуальным. Мужчины и женщины на терапии говорили мне, что желают знать ответ на следующий вопрос - всё ли с ними в порядке, когда они не чувствуют желания секса. Многие факторы могут повлиять на эти чувства, в числе их – потребность сердца в безбрачной жизни для восстановления крепкого чувства индивидуальности.

Celibat также усиливает эрос в других областях жизни. Дух celibата держит в узде сексуальное желание, позволяя ему трансформироваться или сублимироваться в менее буквальной форме, такой как любовь к обществу, наслаждение природой и азарт в работе. Когда качества, характеризующие секс (близость, удовольствие, тело, желание, оргазм) входят в другие области жизни, эти области становятся действительно «эротизированными» (не только метафорически), и наши сексуальные устремления исполняются на другом уровне, возвращая удовольствие и забирая некоторое напряжение сексуального удовлетворения, исходящее от наших партнёров и любовников.

Вы можете обнаружить дух celibата, когда пребываете в любом месте среди группы людей, на своём рабочем месте или соседстве. Вечеринки и собрания могут быть в стиле celibата, или, с другой стороны, оказаться возможностями для флирта и оргии. Я не намерен обижать потребности Афродиты и предполагать, что кокетливые собрания плохи или пагубны. Я просто хочу заметить разницу. Вечеринка, являющаяся celibатом в этом смысле, может оказаться очень приятной и не включать в себя подавления или морализма. Во времена широко распространённой сексуальной путаницы, когда мы ощущаем напряжение и от подавления, и от одержимости, может быть полезно увидеть, что celibату полагается своё место. С вами не происходит ничего плохого, если вы любите общество, где люди не всегда «по марке», но где каждый индивид

рассматривается просто как личность, а не как потенциальный сексуальный партнёр.

Крепость целомудрия

Целомудрие означает сексуальную чистоту, состояние или чувство невинности. Это ощущение может быть достигнуто посредством полноценного целибата, но также и быть качеством семейной жизни. Оно дарует чувство невинности и чистосердечной сдержанности. Секс, естественно, отнимает своего рода невинность, и эта потеря может оказаться тревожной. Сексуальный опыт может также погрузить человека в ощущение, что он загрязнён. Секс знаменует собой переход от невинности к опыту, но без некоторой доли невинности может быть сложным чувствовать хорошее в отношении себя самого. Огромная доля секса может похоронить чувство детской чистоты, которое, для многих людей, является важной частью личности. На терапии, я сталкивался с мужчинами и женщинами, которые желали бы никогда не иметь секса, не быть в браке так много раз, или не иметь такое большое количество сексуального опыта со столь многими людьми. Они чувствуют, что в сексуальных излишествах они безвозвратно утрачивают нечто драгоценное.

Происхождение слова «целомудрие» намекает на некоторые чувства в своем содержании. Оно происходит от Индо-Европейского «kes» или «kas», означающего «резать». Этот корень даёт нам «кастрацию» (англ. «castrate»), буквальный путь отрезать себя от секса, а также «крепость» (англ. «castle»), укрепление или отделённое, отрезанное место. Образ крепости подчеркивает некоторые аспекты сексуальной чистоты. В состоянии целомудрия мы удаляемся от определенного измерения жизни через психологическую дистанцию и фортификацию, а, возможно, даже через агрессивную самозащиту. Крепости – романтические строения, но они были построены для войны – толстые стены, узкие и глубокие окна, кругозор для лучников, тропами для стражей, рвы, разводные мосты. С позициями обороны, агрессивности, дистанции и плотными слоями защиты, целомудренный человек может напоминать крепость.

Иногда целомудрие приходится защищать с бдительностью и воинственностью, и не всегда легко провести различие между силой и обороной. Друзья и знакомые могут уязвляться попытками человека оставаться одиноким и сексуально посторонним, и жаловаться. Но поразмыслив, они могли бы признать, что целомудрие обычно требует некоторой прочности и самозащиты.

В истории, слово «целомудренный» путалось со словом «наказуемый», означавшем упрёки или дисциплину, и действительно целомудрие может заключать в себе элемент мазохизма. Отсутствие некоторых удовольствий может быть в тягость, даже если целью является сотворение преисполненной и богатой жизни посредством сдерживания. Человек, живущий в целомудрии, может страдать от отсутствия чувственности как лишения и может нуждаться в обращении к другим удовольствиям, дабы не ощущать себя обделённым.

Сексуальная чистота имеет место в наиболее утонченных жизнях. Она может укрепить чувство личной целостности, восстановить чувство свежей невинности и помочь в обновлении жизни и личности. Я был свидетелем нескольких мужчин и

женщин, обращающихся к полной и активной сексуальной жизни, вдруг расцветающей во время необычного периода целибата. Как хорошо знают монахи, секс может быть отвлекающим. Можно получить некоторые выгоды целибата без недоброжелательного отношения к сексу.

Созревание невинности

Желание начать новую жизнь и не запутаться так рано (или столь интенсивно) в сексе может быть личным выбором для мужчины или женщины, имеющих множество сексуальных связей, но для этого существует также и архетипическое измерение. Нечто глубинное в человеческом сердце хочет получить шанс начать всё сначала, чтобы обновиться фундаментальным способом, и вновь обрести дары девственности.

Одним из наиболее ярких религиозных ритуалов, практикуемых в древних религиях, было ежегодное погружение в воды подобия Богини, чтобы ознаменовать её обновления. Также, во многих религиях неопит погружается в крестильные воды или, по крайней мере, ему поливают голову – таким образом, Богиня может обновиться, начать новую жизнь и восстановить первоначальную невинность в священных водах ритуала. В Греции, Гера, абсолютный архетип персоны в браке, почиталась ежегодным обрядом очищения в весеннем Канатосе, дабы она могла почитаться как дева и жена. Перед каждым занятием любовью Гера была девственницей – этот образ мы можем удерживать в своём разуме (и мужчины, и женщины).

Этот сильный образ Богини, влажной от очистительных вод обновления, даёт нам важный урок по поводу сексуальности души. Мы никогда не сможем вернуться к детской невинности буквально, но душа не ограничена буквальными фактами. Она может быть восстановлена, её девственность обновляется. Наше отношение, наш жизненный путь, наше чувство самих себя могут определенным путём возвратиться к исходной точке. И мы можем культивировать эту психологическую девственность, эту чистоту, даже если мы сексуально активны.

Это может помочь провести различие между наивностью и невинностью, или между изначальной невинностью, связанной с отсутствием опыта, и с более созревшей невинностью, которая существует одновременно с утонченностью и зрелостью. Этот последний вид невинности представляет собой достижение, в котором мы становимся мудрыми на путях мира, не впадая в цинизм.

Религии предоставляют крайний вариант этого архетипа в виде священного дурака, знающего, что нужно быть мудрым и разумным в жизни, но который выбирает персону наивности, выдающую лежащую в своей основе мудрость. Дурак также позволяет избежать цинизма тех, кто сдаётся требованиям быть реалистичным и избегает невинности и её ранимости. Мир может лечить невинность, как будто бы она глупа, но религия даёт нам путь понимания глупости как глубокой опоры и знания.

Когда невинность испорчена, мы можем потерять не только наше чувство личной чистоты, но также и другие качества. Человек, сожалеющий о жизни с таким

большим количеством сексуального опыта, может страстно желать бытия, в котором секс не столь доминирует и окружает, и, возможно, бездушности - для избавления от боли и ран. Мы можем ощутить потерю большей части себя, более широкого опыта и интересов, разных людей в наших жизнях. Чувство потери самого себя даёт некоторые указания на то, как дать ответ на эту сексуальную дилемму: путём расширения наших жизней, расширения наших интересов, связи с большим разнообразием людей и отказа от персоны, находящей обещание спасения в сексе.

«Невинность» означает «не быть раненым»; она не значит «не иметь секса». Мы восстанавливаем невинность, не позволяя себе быть столь ранеными, отказываясь от нашего привычного мазохизма, и чувствуя силу, необходимую чтобы жить творческой жизнью. Всё это сводится к реальному обновлению и вполне может сопровождаться глубинным чувством вновь выигранной невинности.

В современном мире дети рано теряют свою детскую невинность. Некоторые родители, признающие ценность чистоты и длительного детства, защищают детей, как долго как это возможно, от потери невинности, которая может случиться через секс, травму или сложности современной жизни. Но культура в целом, кажется, не подозревает о важности общества длительного и чистого детства, теряя своё признание целибата и целомудрия. Родители защищают невинность своих детей в связи со своим собственным лицемерием. Общество обязательно должно вовлекаться, но для своего соучастия ему следует дорожить невинностью и чистотой.

Опять же, секс не может быть отделен от общего пути нашей жизни. Если мы бесстыдны в бизнесе или политике, если СМИ представляют общественную жизнь лицемерных ценностей, и если мы не веруем в сформулированные нами идеалы, то эти теневые отношения, несомненно, затрагивают нашу сексуальность. Мы не будем способны найти невинность, которую так жаждем.

Невинность, как и следовало ожидать, разъедается и разлагается с годами, но та алхимия души, через которую мы становимся взрослыми и с помощью которой расширяется личность, необязательно влечёт за собой утерю детства. Можно становиться взрослым и хорошо знать дороги этого мира без впадения в цинизм. Мы можем сочетать взрослую осведомлённость с детской простотой в позиции, не являющейся крайней ни в одном из направлений.

Как это ни парадоксально, невинность позволяет зрелости иметь глубину и сущность, ибо, если наша настойчивость быть реалистичными и опытными содержит какое-либо противостояние детской открытости, то наша зрелость не будет подлинной. Это будет просто путь избежания качества юношеской неопытности, не имеющий какой-либо ценности сам по себе. Защита от невинности добавляет зрелости невротическую склонность, тогда как творческое напряжение между знанием и незнанием, между невинностью и опытом, сотворяет интересную и комплексную личность.

Некоторые люди, кажется, думают, что интеллект должен быть циничным, а невинность представляет собой простое незнание. Они равняют мудрость с тёмным, подозрительным, параноидальным взглядом на жизнь, и с другой стороны идентифицируют невинность с наивностью. Такое отношение переносится в культурные соображения по поводу секса. Может показаться, что иметь сложную сексуальную жизнь – это мудро и опытно, а когда отношения заканчиваются, можно подумать о быстром нахождении нового любовника. Может быть стыдно быть целомудренным и пребывать в целибате.

Занятие любовью может быть опытным и невинным. Полиморфная игра в сексе даёт невинности соответствующую среду и поэтому поддерживает её. Ценность в сексе - это эксперимент, уделение изрядного количества времени на прелюдию, используя воображение, и использование возможности для нециничного юмора и непристойности, возможность игриво переступить правила приличия и ответственности. Конечно, мы должны быть ответственными по поводу беременности, болезней и эмоций наших партнёров, но примыкание к этому необходимому и значимому чувству ответственности, и его дополнение – суть дух игры.

Однажды я давал серию лекций для психиатров, когда один мужчина поднялся и обобщил свои впечатления за неделю в лекционном зале. Часть своего времени, по его словам, он провёл в медитации и собирая скелеты и кости на пляже. С другой стороны, он и его жена впервые занимались любовью в довольно общественном месте, явно наслаждаясь детской трансгрессией пристойности и спонтанностью всего этого. Его история, тепло принятая его коллегами, представляла собой сказку Фрейда о двух принципах: жизни и смерти. Я подозревал парадоксальность и близкую связь между его интересом к трупам, которые он находил и его восторгом своим телом и телом своей жены. Невинность и опыт, детство и зрелость, жизнь и смерть – всё инкапсулируется в сексе.

Возможность целомудренного общества

Целибат может принять форму сухого, оборонительного избегания секса или фанатичного морального антагонизма по отношению к нему, тогда как целомудрие может быть преисполненной страхом самозащитой. Оба отношения могут также быть надменными, высокомерными или являться частью жизнеотрицания, гнетущей философии или политической повестки дня.

Никакой подвох никогда не сможет отделить чувственность от чистоты. Дух целомудрия и целибата может многое предложить в разгар чувственной и сексуальной жизни, тогда как для тех, кто выбрал жизнь холостяка, имеют место тонкие формы секса. Я знаю нескольких монахинь и священников, полностью посвятивших свои жизни целибату и обнаруживших способы вплести в моменты такого стиля жизни чувственную близость, которая с внешней стороны может проявляться как противоречие их обетам. Буквальные холостяки обычно нуждаются в развитии сексуальной утонченности, тогда как остальные из нас должны работать над поисками реальной невинности.

Дух чистоты также может проявляться (возможно неожиданно), во время занятия любовью, когда человек чувствует потребность накрыть своё или другое тело или воздержаться от определённых действий. Человек просто пребывает в тесной связи со своей природой, проводя различие между таким испытанием и тревогой. Я подозреваю, что учитывая культурную нехватку утонченности по поводу целомудрия и его рабское положение по отношению к нормальности, нашей тенденцией может быть объяснение всех сексуальных запретов как проблем эго.

Чистота может быть формой глубоко укоренённой сдержанности, которая говорит нам что нечто неправильно или что мы собираемся зайти слишком далеко в определённом направлении. Я работал с мужчинами и женщинами, у которых были любовные истории, подошедшие к такой точке, где один из партнёров более не мог выдержать ощущение бытия предателем в браке. Они чувствовали сильную потребность иметь чистую совесть и признавались своим супругам в качестве способа получения облегчения. Другие знакомые мне мужчины и женщины входили в отношения, где секс был очень агрессивный и экспериментальный, и они наслаждались им, но затем наступал момент, когда исчезала радость. Тогда они жаждали некоторой чистоты и иногда было трудно убедить своих партнёров в том, что их внезапная сдержанность возникает не из страха, но из глубинной потребности в безупречном сексе.

Общество имеет столь много проблем с нахождением сексуальной чистоты в индивидуальном качестве. Наглядная сексуальность широко распространена, и кажется несоответствующей сексуальной чистоте, которая не является моралистичной или ханженской. Может быть порнография неправильна именно в том, что не имеет в себе достаточно чистоты. Голливуд также не кажется достаточно свободным от невроза, чтобы сделать фильм с невинностью, но без наивности.

Короче говоря, нам нужны богатые и содержательные образы сексуальной чистоты. В противном случае, мы продолжим думать о чистоте как о проблеме или как о тревожном и ненужном сдерживании. Мы можем найти срединный путь между морализмом и потворством, утонченную признательность за то, что на Востоке может именоваться плодотворной пустотой внутри секса, подтверждая потребность души в эротической чистоте и чистом эросе.

Глава 10.

Брачное ложе: Создание брака через секс.

Брак – это один из институтов, который невольно и неожиданно подводит нас к насыщенному, но смущающему плодородному слою души. Больше нигде в жизни нет такой возможности, чтобы воображать себе будущее, разыгрывать старые воспоминания, переживать сильнейшие эмоции, постоянно бороться между индивидуальностью и единением. И в центре этого водоворота лежит секс – таинственный, манящий, требовательный, утешительный.

На поверхности брак кажется простым житейским соглашением: два человека впадают в любовь и решают разделить дом, иметь сексуальную жизнь и, может быть, растить детей. На этом уровне бракосочетание представляет собой обычный небольшой ритуал, сопровождающийся большой вечеринкой. Это знаменует начало брака, и имеет семейную, личную и юридическую силу. При такой структуре, секс – это выражение взаимной любви и рождение детей. На юбилеях мы празднуем стойкость брака, мудрость и удачу пары, которая смогла прожить свою жизнь вместе на протяжении долгого периода времени.

Такой взгляд на свадьбу знаком большинству из нас, но мы также знаем, что под фасадом всего этого часто имеет место интенсивная и длительная эмоциональная борьба. Если мы определяем брак в его тотальности, то мы должны включить и упрямые конфликты, которые часто появляются в разгаре любви и дружеского общения. Может быть, в браке есть нечто большее, чем биология и психология, личные амбиции партнеров и динамика их отношений? Думая, что брак – это просто договоренность, многие пары удивляются и глубоко тревожатся, когда открывают, что он также представляет собой игровую область для души - арену, где индивиды, семья и пары проходят через многие испытания и почти что трагедии.

Свадебные ритуалы многих культур намекают на глубинные мистерии, поджидающие восторженную пару. Во многих случаях, пара ходит по кругу, очерчивая особый *теменос*, священную территорию их брака. Они могут носить маски или нести зеркало, показывающее внутреннее (или небесное) измерение брака. Эти маски, магические круги и зеркала указывают на реальность души, виртуальное пространство, где имеют место тайны и посвящения, образующие душу бракосочетания.

История религии также привносит на свет древние истории о *hieros gamos*, священной свадьбе бога и богини, или богини и короля. Тогда как учёные давно соблазнились низвести такие браки к ритуалам плодородия, мы могли бы, по крайней мере, рассмотреть слово «плодородие» в отношении души, а также в отношении телесного изобилия жизни (не только обилия детей). Каждая свадьба внешне представляет собой юридическое соглашение, а изнутри – священный союз, и тогда если мы рассматриваем эти оба измерения, то обнаруживаем соответствующую роль для секса.

Религиозные сюжеты и ритуалы даруют нам способы представления брака, которые могут показаться интригующими в психологическом возрасте, когда тенденцией является представление свадьбы только с точки зрения межличностной борьбы и осуществления. Они описывают экстраординарные союзы богов и богинь, таких как Зевс и Гера, верховных Греческих божеств, наслаждающихся 300-летним медовым месяцем, и Афродиту и Гефеста, богиню абсолютной красоты, обрученную с карликовым богом грязных шахт и запотелых кузниц. В Индии, таинственный союз Шивы и Шакти намекает на мистику самой жизни, и во многих культурах Божественные фигуры - это и муж и жена, и братья и сёстры, подобно Исиде и Осирису Древнего Египта. Это другой способ отделения этих браков от обычного человеческого супружества.

Эти экстраординарные, более чем жизненные истории приглашают нас к исследованию внутреннего, зеркального мира брака, а также его внешней формы. Если мы бы смогли в перспективе совершить этот сдвиг, оценивая оба внешних

аспекта брака и его более тайные внутренние события, мы могли бы затем понять важную роль, которую секс играет в поддержании брачной души. Брак – это не только соответствующее место для физического удовольствия, это также напряженная сцена сотворения души, где секс – и катализатор, и контейнер.

В греческой мифологии Зевс и Гера наслаждаются длительным семейным счастьем, давая нам сильнейший образ для опробования сладости такого союза. Но мы также читаем в истории, что у Зевса и Геры также были трудные моменты – настолько, что Гера стала архетипической фигурой безумной ревности, а Зевс – запутанным образом ярости и неверности. Илиада рассказывает нам, что будучи злым на Геру из-за разжигания неблагоприятных ветров против героя Геракла, Зевс подвесил её за запястья золотой цепью, привязав к ногам наковальни. Со своей стороны, Гера была так зла на безобразного сына, порожденного Зевсом, что, в соответствии с «Гимном Аполлона» Гомера, выбросила Гефеста в море. Эта пара всегда сражалась друг с другом, и все же их союз поддерживался и почитался.

Эти наглядные сцены любви и агрессии преподают урок, забытый в обычном сентиментальном взгляде на бракосочетание: и усилие, и блаженство играют важную роль в работе души, лежащей в основе брака, и нам не следует удивляться нахождению элемента того и другого в супружеском сексе. Как брачный консультант, я был свидетелем мучительных дискуссий о капитуляции и контроле в сексе. Я поражаюсь интенсивности гнева, когда пара пыталась выразить свои разочарования, и могучему, но замаскированному гневу партнёров, обратившихся к изменам как к пути достижения равновесия в сексуальной силе.

В истории религий ритуальный секс иногда исполнялся в рамках литургической драмы, и мог служить сходной функцией в «постельном театре» любой ординарной свадьбы. Секс драматизирует эмоции и фантазии пары, по мере того как они находят свой извилистый путь по направлению к еще более глубокому союзу. В магическом круге страсти, пары разыгрывают фантазии, которые теперь составляют их индивидуальную душевную работу и их брак.

Небесный брак Зевса и Геры предоставляет образец не только для супружеских пар, но также для свадьбы в более широком смысле – как достижения союза во всех аспектах жизни. Культуры, из которых возникают эти страстные и сложные истории, признают и гармонию, и конфликт, характеризующие любые связи в человеческой жизни и в природе. Философы помещают порядок космоса и единение тел и душ в сексе под эгидой Афродиты.

Hieros gamos изображает стыковку одного аспекта реальности с другим, мистерию, которая лежит прямо под поверхностью всех человеческих браков. Как гласит высказывание Мирча Элиаде, с которым мы сталкивались прежде, священное сокрыто внутри мирского. Наши браки могут появляться на поверхности, будучи простыми человеческими связями, но глубже в их сердцевине полярности и напряжения всей жизни работают сами по себе, составляя глубокую радость и абсолютное разочарование. Супружеские пары часто признаются, что их удовольствия и проблемы кажутся столь глубокими, что находятся за пределами понимания. Независимо от того, что они делают,

напряжение остается, и, тем не менее, удастся брак или нет, у людей есть четкое ощущение, что нечто абсолютно значимое поставлено на карту.

На карте стоит мир во всем мире, выработанный из неравенств и непримиримых различий между странами, а также мир со своими близкими. Супружество является одной из форм душевной работы, а брак – наиболее могущественный перегонный куб, доступный нам, где мы можем быть посвящены в элементарные знания общества и основы близости. В этом контексте секс представляет собой первоначальный ритуал. Это дело разрешать аргументы и напряжения в браке через беседы и консультирование, но другое – исполнять таинственные обряды, адресованные глубинным мистериям единения.

Секс не должен быть безупречным или совершаться каким-либо особенным образом. Пока он лежит в сердцевине брака, он исполняет задачу души, будучи связующим звеном между мирами, между повседневными жизненными заботами и вечными проблемами значимости и сердца. Даже когда люди чувствуют противоречие в своем браке между хорошим сексом и плохой коммуникацией, они могут быть уверены, что сексуальная страсть не лишена смысла. Это указывает на важное притяжение, истинное стремление души, которое может выражаться в сознательных целях и желаниях пары.

В любом обществе многие браки играют важную роль в удерживании общества вместе и даровании ему его глубинной культуры. Каждый брак – это лаборатория для души, и в каждом браке содержится глубинная лаборатория секса, святая святых, где страсть, единение, разногласия, удовольствия, трудности и даже работа достигают своего необходимого равновесия. Если пары осознают важность своего занятия любовью и воздействия этого на мир вокруг, от детей до соседей государства и мира, они могут менее личностный, менее психологический взгляд на свою сексуальность, и в этом расширении они могут войти в секс с большей пронизательностью и величайшей радостью. Всё в жизни страдает, когда наше видение этого слишком мало и слишком лично.

Секс – это религия брака. Это его созерцание, его ритуал, его молитва и вероисповедание. Так как мы прорабатываем наши сексуальные трудности и ищем наши пути к блаженству, мы творим алхимическое делание души, трансформируя старые и непроработанные разочарования и эмоциональные блоки в золотое искусство эротического наслаждения. Очень важно заниматься сексом до тех пор, пока он не будет свободным от помех, так как это – природа глубинной алхимии, через которую мы, грубые и примитивные индивиды, становимся личностями более изящной чувственной способности единения с другими людьми.

Леди Чаттерлей желала знать, что имел в виду Абельяр, когда говорил о том, что он и Элоиза прошли через все ступени и тонкости страсти. «Вечная необходимость», говорил Д.Г.Лоуренс, «сжечь ложный стыд и переплавить тяжелую телесную руду в чистоту. С огнем абсолютной чувственности» [1]. Секс очищает! На различных ступенях взаимного великодушия, показывающего и пристального смотрящего, прикасающегося и ощущающего касание, индивиды теряют свою защищенность и открывают, что значит быть близким другому телом и душой. Переплавка руды страсти делает людей сильными и жизнеспособными.

Мы находим духовный брак не за пределами чувственности, но через неё, её же средствами. Любовник исследует тело своей возлюбленной и открывает себя в её источнике. Партнёрша привносит свой эротический потенциал и дарует возможность реализации, но то, что обнажается в реальной любви – это всегда самая сокровенная душа, и это никогда не только ментальное намерение или понимание.

Со временем, в течение многих ночей и дней любви, брак призывает эти призраки, спрятанные долгое время, и мы постепенно становимся более завершёнными, но никогда не истинно совершенными, так как мы повторно знакомим себя с самим же собой. Мы делаем это взаимно, так что, подобно Абельяру и Элоизе, вряд ли можем представить существование без другого – абсолютного взаимопроникновения нарциссизма и альтруизма. Мы великодушно тянемся по направлению друг к другу. Занимаясь любовью, мы входим в истинный *таламус*, брачную палату, магический круг, где наши души оказываются на переднем плане, где наши действия (даже тончайшие из них) становятся ритуальными знаменами, где наши слова говорят с особой реальностью, и где мы можем связаться узлами брака наиболее эффективно, так как теперь мы и «под», и за пределами ординарного сознания.

Этот особый вид сексуальности, столь глубокий и развитый, можно найти в долгосрочных отношениях вне брака, обычных или гомосексуальных, так как они в равной степени являют собой область глубинной работы души. Эта богатая территория и теряет, и приобретает от формальной структуры брака. Нажива – это творчество, призываемое для установления и усовершенствования союза без санкций и принятых границ. Потеря – это долгая история моделей и смыслов, доступная браку и бесчисленные усилия общества приуменьшить и уничтожить эти связи, а также все легальные, социальные и экономические выгоды брака. Эффективный ритуал и участие рядом с семьёй, друзьями и обществом в парном браке – это громадная поддержка глубинного воображения и реальности их единения. Брак за пределами легальных и социальных форм даже более трудно поддерживать, чем брак внутри них. Как трагично, что мы до сих пор отказываемся позволить геям и лесбиянкам быть в браке.

В наше время, утратив понимание ритуала, некоторые люди, вероятно, думают, что церемония и юридические документы брака бессмысленны и необязательны. Но, на самом деле, ритуал имеет глубокие последствия, и человеческая душа частично определяется обществом, в котором прорабатывает свои настоятельные потребности. Только самовлюбленная психология понимает работу души как личную деятельность индивида.

Брачный секс обладает уровнем значимости, далеко выходящим за пределы сексуальности индивидов в их поисках любви и опыта. Брачный секс – это глубокий вид экологии, путь бытия в ответственном мире, помогающий сформировать и обосновать общество. Засеивание семян любви к миру требует союза. Прочный общественный контекст дарует брачному сексу меру своего величия.

Поженившиеся, но отдельные

Женатые люди часто борются с проблемой общности и индивидуальности, и эта борьба явно появляется в сексе. Даже в свадебной церемонии для пары характерна следующая цитата Халилия Джебрана: «Стойте рядом, но не слишком близко: ибо столпы храма стоят отдельно» [2], и письмо Райнера Мариа Рильке о браке, где он говорит: «Хороший брак – это такой, в котором каждый назначает другого опекуном своего одиночества» [3]. Понятно, что в эпоху индивидуальности и персонализма мы хотим сохранить наше уединение даже тогда, когда продолжаем нуждаться в объятиях любви.

Религиозная литература часто поясняет человеческие обстоятельства как состояние временного разделения, предполагая исходное или первичное единство. В «Пире» Платона, история Аристофана о любви объясняет изначальных людей как сферы, которые далее разделились надвое, и этот образ был подхвачен многими еврейскими теологами [4]. Все мы пытаемся отыскать наше первоначальное единство. Данный образ может быть понят поверхностно, как две общественные половинки, ищущие сотворения целостности, но эта мистерия – более сложна и глубока.

Глубоко в каждой человеческой жизни лежит чувства несовершенства и разделенности, архетипические и экзистенциальные. Мы можем принести это беспокойное отношение к браку, надеясь что другая личность заполнит пробел или сделает целым то, что было разъединено, но не нужно много размышлять, чтобы узреть в этой надежде сентиментальность и упрощение. История Платона предполагает глубинный путь, где присущее нам разделение может быть исцелено в браке. Это не другой человек, который сделает нас целыми, но брак сам по себе, напутствующий вопросу экзистенциальной неполноты и абсолютного одиночества.

Некоторая проблема, встречаемая нами в браке, приходит от неспособности позволения изменения от одиночной жизни к имеющему место пребыванию в браке. Нам, возможно, не нравится чувство одиночества (и это может вдохновить нас к супружеству), но точно также нам зачастую не нравится переход от состояния одинокой личности к проживанию с другим человеком, со всеми ограничениями и проблемами, которые влечет за собой такое решение. Многие люди, состоящие в браке, признаются в глубокой амбивалентности своего брака, и многие тайно питают фантазии развода и одинокой жизни. Иногда кажется, что ранее приводимые цитаты Джебрана и Рильке представляют собой путь защиты от утрат в браке.

В то время как амбивалентность частично исходит из сложной задачи вхождения в фундаментальное жизненное изменение, также она может происходить из слишком поверхностного понятия брака. Если мы понимаем брак только как буквальное жизнеустройство, то это ведет за собой буквальный отказ уединенной жизни. Но как посвящение в тайну души, брак ведёт нас в глубину самих себя. В нашей дискуссии о целибате, мы уже увидели, что нет необходимости всецело отказываться от уединенной жизни для того, чтобы пребывать в браке. Но на более глубоком уровне мы можем представлять брак как то, что мы делаем и для себя. Брак не является капитуляцией перед другой личностью, но перед другими условиями жизни – такими, которые могут быть глубоко плодотворными.

Когда у меня появляется желание-фантазия побыть одному, я вспоминаю каким ограниченным и нарциссическим этот образ жизни был для меня. Я вижу, что брак делает меня мягким, более вовлеченным в жизнь и более вовлеченным в общество. Я чувствую нечто эскапистское в этих фантазиях, убегающих от заинтересованной жизни. В то же самое время, я понимаю, что некоторая часть меня, истинно центровая и сильная, предпочитает выбрать уединенную жизнь – вероятно, для всех своих преимуществ вечного студента и писателя, но есть что-то еще в глубине моей души, что хочет быть женатым и призывает меня в этом направлении. Более глубокий импульс одолевает нарциссизм, ощущаемый в моих поверхностных желаниях.

Нечто в душе несомненно желает быть обособленным и одиноким. Некоторые люди живут блаженной жизнью целибата, так как наслаждаются своим призванием уединенной жизни. Я был среди монахов и монахинь достаточно для того, чтобы понять как сильно они ценят факт того, что им не нужно проводить свои дни за уходом за детьми и зарабатыванием на жизнь, никогда не имея одиночества. Многие родители подтвердят, что их одинокие друзья могут наслаждаться детьми и семьей во время краткого визита, но они, как правило, стремятся вернуться к своей уединенной жизни. Некоторые люди не интересуются целибатом, но горячо желают секса без обязательств.

Легко отрицательно осудить человека, который не решается взять на себя брачные обязательства, но такие колебания могут представлять важное и веское сдерживание. С точки зрения человека, выбор своего брачного партнера – это действительно важно, и по статистике разводов становится ясно, что в половине случаев люди жалеют о сделанном выборе. С другой стороны, главные жизненные решения никогда не происходят без риска провала. Такая нерешительность может также представлять собой обоснованный страх буквальной потери себя в другой личности или жизненном пути. Многие из нас «прыгают» в брак и затем обнаруживают, что это терпимая инициация, которая необязательно отнимает нашу свободу или индивидуальность.

Брак представляет собой обряд посвящения, не только в жизненную роль, но и в новый уровень бытия. Если мы рассматриваем намерение вступить в брак, прежде всего, как посвящение (ритуальный акт, который оказывает глубокое воздействие на лежащие в основе человеческой жизни структуры и динамики), тогда мы можем иметь в браке более глубокое удовлетворение, а секс станет более осмысленным как выражение брачных отношений.

Секс – это опус души, работа, в которой стремление к партнеру, встрече, знакомству и следованию в постель тренируют глубокие, тайные элементы в мифологии сердца. В сексе мы разыскиваем душу или аниму, но не просто свою душу или душу другого. Мы всегда ищем само дыхание жизни, искру, которая позволит нам ощутить свою жизненность. Когда мы говорим о стремлении к счастью, возможно на самом деле мы ищем искру или *scintilla (umal.)*, как её называли древние, то есть знамение пробуждения души. Мы также ищем анимуса, который есть духовное начало, приносящее вместе с этим чувство значимости – не интеллектуальное качество, что есть в наших умах, но дух мудрости и понимания, пребывающий в нас. Мы можем мельком увидеть душу и дух в другой

личности и желать этого человека сексуально, надеясь найти с ним (или с ней), по крайней мере, моменты знакомства с искрой, трепетное ощущение пульса жизни и при этом уловить проблеск значимости.

Современный индивид предпочитает думать, что он (или она) является самостоятельным и отдельным от окружающего мира, а современная сексуальность отражает это чувство отделенности. Кажется, мы не можем постичь наши жизненные намерения вместе с нашими сексуальными страстями. Мы входим в отношения, которые могут быть преисполненными сексуально (по крайней мере, временно), но затем распадается, поскольку секс не связан с остальной жизнью. Это полнота ощущения, но нехватка значения. Это соответствует требованиям собственной личности, но не целостности жизни.

В сексе мы ищем и иногда находим проблески, поддерживающие искру жизни, а в браке мы удерживаем их вместе, не идентифицируя с нашим партнером, но чувствуя в нашем бытии вместе и в житии в постоянстве, многословную сексуальную жизнь. Каждый утверждает охоту за смыслами, и многие, кажется, устраивают жаркую погоню за удовлетворяющим сексом, но также часто мы заглядываем в ложные места для исполнения своих желаний и не видим, как наши проблемы с сексом и значением могут быть разрешены вместе. Лучший проблеск значимости мы всегда можем получить в регулярном сексе с супругом в святом таинственном месте брачного ложа.

Брачная постель

Спальня – это воистину святая земля. Наконец, придя домой, Одиссей выразил свою радость, отыскав особую постель, сооружаемую годами для себя и Пенелопы. Его описание этого места – одно из самых красивых мест в Одиссее:

Не другой кто, я сам ее сделал.

Пышно олива росла длиннолистая, очень большая,

В нашей дворовой ограде. Был ствол у нее, как колонна.

Каменной плотной стеной окружив ее, стал возводить я

Спальню, пока не окончил. И крышей покрыл ее сверху.

Крепкие двери навесил, приладивши створки друг к другу.

После того я вершину срубил длиннолистой оливы,

Вырубил брус на оставшемся пне, остругал его медью

Точно, вполне хорошо, по шнуру проверяя все время,

Сделал подножье кровати и все буравом пробуравил.

Этим начавши, стал делать кровать я, пока не окончил,

Золотом всю, серебром и слоновою костью украсил,

(пер. с древнегреческого В. Вересаева)

Сцена заканчивается строкой: «С радостью место их старой кровати они увидали».

Внимание к красоте, мастерству и ритуалу в этом древнем месте может научить нас тому, что спальня – это место священных мистерий, и тому, что секс близко связан с происходящим в оставшейся части вселенной. Как Иисус, согласно древним традициям, умер на древе, которое святой Августин таинственно описывал как свадебное ложе, так и Одиссей и Пенелопа, архетипические фигуры

любого брака, имели своё особое древо любви и близости, формировавшее структуру их брачного ложа. Каждый из нас, состоящий в браке, имеет такую постель, и в буквальном, и в переносном смысле. Мы можем стать более осведомленными о её глубинной природе, если имитировали Одиссея и привнесли наше личное мастерство и чувство красоты, опираясь на конструкцию и украшение фактической кровати, а также на наши мысли о роли секса в супружеской жизни.

Брачное ложе живо с памятью, фантазией, табу, желанием, ревностью, трансгрессией и близостью. Немногие материальные вещи могут быть столь священными со всем смыслом и страстью, связанными с ним. Когда я путешествую с супругой, мы иногда занимаем отдельные кровати, и мы должны создать наше *letto matrimoniale* (как это называется по-итальянски), стыкая две узкие постели вместе и делая их как одну. Даже кровать в отеле означает домашнюю кровать, так как кровать – это и конкретный объект, и сакраментальная конструкция, которую можно более или менее транслировать с одного места на другое.

Было бы легко отклонить фантазии о брачном ложе как сентиментальные или непрактичные, и все же этот вид конкретного воображения помогает поддерживать брак. В классическом Риме нарушение супружеской верности считалось оскорблением гения, наставляющего и обитающего в доме духа, оскорблением священного ложа или брачной постели. Брачное ложе часто украшалось бронзовой фигуркой гения, который был порождающим духом семьи и брака [6]. На Римских свадьбах, молитвах и подготовке брачного ложа всё фокусировалось на гении [7]. Гений также представлялся змеей, образом секса и рогом изобилия, образом жизненного богатства, порождаемого сексом. В этих древних Римских образах мы видим секс, дом, семью и жизнь с избытком, всё связано друг с другом и почитаемо в духе, выходящем за пределы личной психологии брачной пары и все еще конкретно почитаемым как само сердце брака.

Это одна из тех тайн, столь чуждых современному образу жизни, что её практически невозможно принять во внимание (фокусирование на постели, а не на паре как месте брачных обетов), но это плодотворный образ. Все мы знаем, что определенные драгоценные вещи могут превратиться в носителей памяти и значения, так что они представляют сильные чувства в браке лучше, чем любое вербальное выражение. В момент расставания или развода паре может быть очень трудно разделить их владения, так как их вещи несут самые горькие и самые заветные чувства по поводу отношений. Одно дело прелюбодеяние, но нарушение супружеской верности на брачном ложе пары воистину нечто кощунственное.

Юнг описывает алхимический сосуд (тот мистический контейнер, в котором происходят трансформации психе), как кровать, и кажется разумным развернуть это описание для рассмотрения брачного ложа как алхимического сосуда [8]. Сон, сновидение, разговор и занятие любовью, имеющие место в брачном постели, сплетают пару вместе. Может быть, более важен в этом отношении уход за снаряжением брачного ложа, чем работа над анализом психологии супружеской пары. Производитель мебели или кружев могли бы сделать столько же много хорошего для брака, как и психоаналитик.

Интеллектуальное понимание, пылко делающее свои попытки посредством современного ума, не представляет большого значения для души. Более важными могут быть дни и ночи бесед, страстные выражения любви и преданности, слова (больше как ритуал, нежели чем коммуникация), или даже обоюдная принадлежность к брачному ложу. Всё это вместе сплетает голубен фантазий и воспоминаний, которые становятся, в течение многих лет, может быть, главным творением брака и сетью, удерживающей пару вместе. Даже когда супружеская пара устаёт от совместной жизни или оказывается в болезненных дискуссиях, для супругов может оказаться сложным завершение брака, так как он есть нечто иное, чем просто объединение их идей и опыта. Он имеет свою собственную реальность, и жизненная искра этой реальности, *гений*, имеют большую силу, даже несмотря на то, что он – это не исключительно личное творение.

Половой акт – не настолько личностен во всех отношениях, как в этом нас ныне пытаются убедить. Человек в браке может сетовать, что его партнер думает о ком-то еще во время секса, и все же душа, кажется, не принимает брак личностно, как мы, современные люди, это делаем. Обращение к мыслям о прекрасных половых отношениях с идеальным другом или с конкретным человеком, символизирующим идеал, может сигнализировать об интересе души к воображению и трансцендентному аспекту секса; это может не подразумевать какого-либо неуважения брака или супруга. Интерес к анонимному сексу может также наводить на мысль не о скандальном пренебрежении любовью, привязанности или же сведению личности к сексуальному объекту, но скорее вниманию к трансперсональному и трансцендентному измерениям. Когда мы с недоверием относимся к душе, то имеем тенденцию к подозрительным и негативным интерпретациям чувств и фантазий. Но если мы будем менее тревожными по поводу нашего собственного эго, то сможем узреть, что душа довольно невозмутима даже в вопросах любви.

Порой управляемые компульсивностью личностного мышления нашей культуры, мы можем быть суровы к себе из-за недостатка личного и межличностного в нашем отношении к сексу. Любовь и личное внимание чрезвычайно важны, но они не являются собой исключительно аспекты секса, служащие душе. Душа обладает определенным объективным качеством, тогда как наше чувство личности обычно почти целиком состоит из эго. Если мы представляем брак как сочетание из эго, а секс как эмоциональные осуществления этих эго, то душе не останется места, ибо душа – это вовсе не эго, но более объективный источник, из которого истекает жизнь, или обширная группа персонажей, некоторых из которых мы ощущаем как часть собственной идентичности, а другие находим в окружающих людях.

Даже разговоры о моей душе могут быть экраном для эгоистических самопогружений. Когда каждый из супругов уделяет внимание душе, они менее сфокусированы на своем эго и эго другого, но более заботятся об их браке, жизни, которую сотворяют вместе, детях, семьях, соседях, работе и ситуации в мире. Всё это тесно связано с браком, и также, возможно, с сексом (как это ни странно). Целый мир оказывается с нами в постели, ибо душа не знает черствых и стойких, явно очерченных границ эго. Эго – это граница творца, как предполагает известная психологическая фраза «границы эго», но душа – это постоянное перекрытие этих краёв, так что индивидуальная душа, семейная душа и мировая душа неразделимы и глубоко вовлечены друг в друга.

Традиционно душа почиталась как тело или как некоторого рода нечеловеческая фигура. Керенья описывает Римское мнение, что гений мужчины обитает во лбу, тогда как женщина имеет соответствующую Юнону или Гению в своих бровях [9]. Они изображались как змей, иногда как змеи, приносящие плоды и, возможно, означающие плодородие [10]. Это необходимо понять нам самим, нашим партнерам или самому браку для того, чтобы насладиться изобилием жизни, которое предоставляют брачная жизнь и секс, но надо иметь эквивалент того, что почитали Римляне. Мы нуждаемся в роге изобилия, в фаллическом и вагинальном избытке. Нам необходима признательность гения и Юноны, которые все еще живы в наших головах и бровях, и нам нужна воля для преисполненной жизни, где секс занимает видное место именно потому, что он столь сильно способствует чувству жизненности.

Подобно подходу Камасутры, помещающего обсуждение сексуального искусства в контекст этичной и изобильной жизни, мы можем сделать больше для семейного секса, живя в полной мере и значимо, нежели чем пытаюсь быть сексуально правильным и здоровым. В браке хороший секс идет вместе с полной жизнью, ибо секс придает эмоциям и смыслу супружества ощущение полноты. Сегодня многие люди жалуются на сексуальную пустоту внутри и за пределами брака, и в качестве реакции могут изолировать секс от остальной жизни и прилагать постоянные усилия для исправления этого. Еще один способ подступиться к этой пустоте – это заботиться о жизни во всех её аспектах, убеждаясь в ее полноте. Трудно иметь хороший секс с пустым сердцем или в обнищавшем доме. Под нищетой я не подразумеваю дом без денег, но скорее дом без духа изобильной жизни, духа, который может быть вызван и в бедном, и в богатом доме.

Эротизированное супружество

Брачный секс способен стать рутинной (особенно если все личное снаряжение остаётся обыкновённым и привычным), но если секс рассматривается как искусство, а не как самовыражение или обязанность, тогда вся жизнь может быть подготовкой к нему, и в то же самое время продолжаться в приятных ощущениях после него. Мой идеал – это занятие пары любовью в спальне, влюбленно подготовленной для секса, в доме с пульсирующим чувством цвета, аромата и прикосновения, в мире богатой чувственности, которая соответствующим образом удерживает и поддерживает сексуальность пары.

В своей красивой и чувственной книге «Прикосновение», Габриэль Йосипович обсуждает важность простого присутствия, достигаемого посредством прикосновения. Прикосновение, говорит он, подтверждает своё присутствие, «своё присутствие в вас, но также ваше присутствие в этом. Двойственность имеет решающее значение» [11]. Он описывает своё первое путешествие к Тихому Океану, когда он чувствовал взволнованность, погрузив свою руку в воду, подтверждая, что он был там. Прикосновение дарует яркое ощущение присутствия, и это одна из главных целей секса – быть ощутимо присутствующим в другом.

Мало смысла в том, чтобы отсутствовать в мире и затем пытаться присутствовать с человеком в физической близости секса. Я сомневаюсь, что это возможно. Но присутствие в мире означает бытие в соприкосновении с ним, обоняя его,

рассматривая его присутствие в нем самом, слушая его звуки, познавая его как тело. Тот вид знания, что предлагают чувства, надежен, непосредствен и заслуживает доверия, пронизателен, воплощен в сексе, распространяемом через всё осознание человека, затрагивая эмоции, мысли и чувство значимости. Если бы мы действительно присутствовали друг в друге в наших браках, будучи сексуальными в постели и за её пределами, то мы могли бы узнать друг друга путем, заземляющим чувства друг для друга, сохраняя их устойчивыми среди испытаний ординарной жизни и сплетая наши сердца – объединяя нас самих и наш мир, что попросту не может случиться благодаря уму.

Что такое брак? Что, как не таинственный, как неопишимо безусловный путь взаимного присутствия, где секс представляет собой воплощение, ритуализацию, источник и празднование этого присутствия? Кажется, мы часто видим секс и брак как вознаграждение и необходимые условия, но в действительности они – две стороны одной монеты, нераздельны. Брак – это мифологическое повествование, где наши жизни работают сами над собой, тогда как секс представляет собой ритуальное присутствие чувственности повествования. Сексуальное прикосновение переключается с чувственностью, навлекающую за собой бытийное присутствие в повседневной жизни, даровании своему партнеру, даровании миру и открытие для вселенского присутствия.

Семейный секс отличается от внебрачного секса. В каком-то смысле он богаче, полнее, устойчивее, становящийся еще глубже, пока не впадёт в энтропию, вызванную пренебрежением. Он приводит к эмоциям и фантазиям, отличающимся от тех, что вызываются в случае внебрачного секса. Последние могут быть вызваны волнением, опасностью и важным и, возможно, необходимым, чувством анонимности. Но семейный секс также обладает наслаждениями: полным присутствием человека, вовлечением жизни, обеспечением верности, историей памяти и фантазий, большей контекстуализацией секса, которая предлагает глубокую важность и возможность развития секса как искусства.

Иногда кажется, что семейному сексу не хватает просто оценки его преимуществ и удовольствий, возможно из-за того, что мы любители новизны, пристрастия, которое пролезает в нашу сексуальную жизнь. Но не все культуры столь впечатлительны и заняты новизной. Многие люди этого мира живут в утешительной безопасности дорогих им традиций и этот стиль жизни (построенный на отношении, которое встроено в народную философию и повествование) может быть перенесен в секс, где традиция принимает форму близкого знакомства или обычая. Благодаря своей истории, отношения могут наделить защищенностью, а секс – умением.

Для современной западной мысли также характерно «раскладывать по полочкам» каждый аспект жизни, поэтому человек часто читает о различных функциях сексуальности – взаимном выражении расположения, обращении с биологическим побуждениями и производстве потомства, но нет нужды разделять этих пути сексуального бытия. Вы не должны производить детей физически в ночь занятия любовью, чтобы сделать сотворение детей частью своей сексуальной жизни. Это было бы деторождение в буквальном и узком смысле, ибо даже после рождения

ребенка семейный секс может быть связан с зачатием ребенка и созданием семьи. Тысячи ночей любви могут произвести на свет ребенка и беречь его, заботясь и обучая в полном смысле этого слова, ибо секс в браке охватывает, среди прочих важных вещей, сотворение детей и заботу о них.

В браке секс – это не интрижка на одну ночь, хотя эта сладкая фантазия может время от времени закрадываться. В браке, одна длинная ночь секса или украденный утренний момент – это часть вечности брака, которая завладевает нами в день бракосочетания. Вечность означает и бесконечную протяженность во времени и настоящее присутствие. В браке, секс – это не количество столкновений, но продолжение развития сексуальных взаимоотношений на протяжении всей жизни.

В гимне браку древнегреческая поэтесса Сапфо проводит связь между сексом и священной мистерией брака:

*Приди сейчас
В свою
Спальню, к своей
Кровати
И играй там
Сладко и нежно
Со своим новобрачным.
И пусть Геспер
Ведет тебя
К желанному,
Пока
Ты не встанешь, пораженный
Перед серебряным
Троном Геры,
Царицы брака [12]*

Этот прелестный гимн предполагает, что секс – это подготовка к священному браку, благодаря которому пара находит свой путь к Гере, величайшей брачной покровительницы. Брак доводится до конца посредством секса и представляет собой цель игры жениха и невесты. Брак не просто утверждает контекст секса, и секс – не семейное обязательство. Скорее, секс создает брак на его глубинном уровне, где святой дух брака, почитаемый греками в святости Геры, раскрывается и достигается. Таким образом, ничто не может быть более священным, чем секс, и нет ничего более глубокого.

Глава 11. Таинственный любовник. Сексуальная жизнь души.

Как мы можем понять признания людей в том, что сексуальное желание никогда полностью не удовлетворяется? «Помните о том», тихо сказал мне Томас МакГриви, когда ему было семьдесят два, в своем офисе в Национальной Галерее в Дублине, «что ваше сексуальное воображение никогда не будет слабо культивироваться или останавливаться в работе, независимо от того, сколько вам лет и несмотря на обстоятельства вашей жизни». Это был последний совет, полученный мною от этого элегантного мужчины, когда мне был двадцать один год. Он умер несколько лет спустя.

С тех пор я думал над этими словами много раз на протяжении лет, и добавил к ним навязчивые размышления моего друга Джеймса Хиллмана, писавшем о важности невозможной любви для души. Т.е. такой неразделенной любви, которая никогда не найдет свой путь в жизнь (речь о потенциальных друзьях другого поколения, счастливо женатых или просто недоступных партнёрах).

Сексуальное желание все еще продолжается, когда шансов найти конкретное удовлетворение мало или же нет вовсе. Я помню свою работу с человеком в возрасте середины семидесятых, прожившим долгую и безбрачную, в основном бессознательную, жизнь. В пожилом возрасте ему вдруг пришло в голову, что он должен дать сексуальности некоторое выражение. Он пытался, но препятствия были велики. Последующие годы проходили мимо в попытке прийти к соглашению со своим желанием, с чувством, что он впустую тратит свою эротическую жизнь и с явной невозможностью какого-либо подлинного удовлетворяющего результата. У него были воспоминания об одном романе с юной женщиной, но они оказались невыносимо болезненными. Невозможность приняла форму депрессии и жалости к себе, став глубокой ямой отчаяния, затмившей все другие источники радости, которые он мог бы вообразить.

Иногда мы охотимся за призраками любви. Бывшие любовники приходят на ум в случайные или деликатные моменты, появляются в наших снах. Люди, с которыми мы были бы счастливы утратить связь, могут, в момент мечтаний, стать поразительно привлекательными. Знаменитости, или просто люди, которых мы никогда не знали лично, но только на расстоянии, могут становиться неотразимым объектом желания.

Когда мы на самом деле встречаем кого-то, кто кажется потенциальным любовником или приятелем, мы можем видеть их окруженными фантазией. Они светятся для нас, хотя не делают этого для своих друзей. Любовник становится двойной звездой – одно сияние исходит из их реального присутствия, тогда как другое светит из неизведанного источника, усиливая общий эффект.

Кажется, души любят жить в разном темпе, с различной динамикой и различными результатами по сравнению с эго или живыми отношениями. Таким образом, любовники, разговаривающие друг с другом о своих отцах и матерях, видят в себе отголоски эротических напряжений своих родителей. Мы ходим на фильмы, рассказывающие историю за историей о любви с романтическими идеалами и их трагедией. Немалая часть наших представлений о любви и сексе связывается с миром памяти и фантазии, и, очевидно, так и должно быть.

В фильме Эрика Ромера «Колено Клер» (Le Genou de Clair), умный, саморефлексивный мужчина теряет голову от колена молодой девушки. В «Шампуне», молодой человек имеет в своей жизни секса больше, чем может вообразить, и все же живет в депрессии, а его жизнь кажется пустым удовольствием. В «Дневной красавице», персонаж, играемый Катрин Денев, открывает, к своему изумлению, что мужчины приходят к ней как в проститутке для разыгрывания своих фантазий, которые не имеют с ней ничего общего. В «Последнее танго в Париже», у персонажа Марлоны Брандо имеется глубокая необходимость заниматься сексом с кем-то анонимным. Все эти фильмы отражают фантазии, которые могут быть у ординарного человека, и они показывают как иногда жизнь души далека от обычного, рационального смысла.

«Колено Клер» - это эссе о таинственном желании. Данный фильм был снят на озере в окружении гор, и природа ощутимо и чувственно присутствует практически в каждой сцене. Вода, элемент Афродиты, несет субъекта истории, Жерома, от места к месту. С помощью подруги Авроры (альтернативное имя Афродиты), которую он описывает как волшебницу и чародейку, Жером пытается открыться желаниям своего сердца. Кажется, он под полным контролем, до тех пор, пока однажды не замечает колена сестры юной женщины, с которой флиртует. Внезапно он теряет всякий контроль, и его желание выходит на поверхность.

«Она меня беспокоит...»

«Её тело?»

«Да. То, как она выглядит... Она вызывает во мне все еще неопределенное желание. Всё более сильное, так как оно неопределено. Чистое желание. Желание ничего. Я не хочу что-либо делать, но это желание беспокоит меня... Колено. Оно – магнит моего желания»

«Всё просто. Положи свою руку к ней на колено. Это будет избавлением»

«Неправда. Это самая трудная вещь для того, чтобы сделать»

В конце Жером остаётся верным своим запретам. Не происходит разрешения, за исключением того, что жизнь продолжается. Зрители знают, что Жером столкнется с более тяжелым испытанием желания, так как проживает жизнь с необычной открытостью и рефлексией. Фильм не предлагает выводов, и это его особое достоинство, ибо желание бесконечно и загадочно.

У Жерома была экстраординарная подруга, любовь-маг Аврора, с которой он мог говорить о своем таинственном влечении с удивительной искренностью. Здесь мы имеем обычный, но критический фактор в проживании своих желаний – честный разговор в контексте замечательной и интеллигентной дружбы. С помощью Авроры Жером смело занимается своим желанием, но также сильно сдерживается, и эта диалектика может быть ключом к проживанию неизведанной жажды.

Не всегда легко узнать, что происходит в сексуальном притяжении. Сценарий секса, кажется, имеет много общего с особым местом сновидений, за исключением того, что в сновидениях часто это чувствуется так, как будто наибольшая часть действия и обстановки сюрреалистичны или из иной реальности, с редкими вторжениями из жизни. Иногда во сне мы чувствуем смесь сновидения и жизни. Или мы можем моментально опознать то, что мы сновидим. Секс немного отличен. Главное ощущение касается того, что мы пребываем в жизни, но есть значительный элемент, отделенный от жизни, и эта сепарация может быть сознательной или бессознательной.

Место встречи для секса может быть лазейкой в него. Мы незаметно ускользаем от времени и пространства наших жизней и входим в театральную обстановку души. Театр, в этом случае, также представляет собой алхимию, так как пространство, созданное из нашего сексуального творчества – это также перегонный куб, печь, где элементарное вещество души, её ценности, эмоции и воспоминания, подвергаются трансформации. В сексе с душой происходит многое, что незримо для обычных глаз.

Я помню как однажды в классе с Дэвидом Миллером, который познакомил меня с работой Джеймса Хиллмана, кто-то спросил его, почему Юнг не написал ничего о сексе. Его ответ был такой: секс присутствует на каждой странице Юнга. Данный ответ может быть просто ловкостью, но в нем есть глубокая истина. Для всей *scotophilia* (или любви взором) в сексе, сексуальная субстанция во многом незрима. Многие во взорах, убажании, прикосновении, раздевании и трении друг о друга представляет собой деятельность призраков.

Великодушие, с которым любовники отдают себя друг другу, предполагает готовность играть роль многих любовников, и некоторая услада в сексе исходит от наблюдения или восприятия присутствия человека как таинственного любовника. Могут появиться мать или отец, или же брат с сестрой. Я припоминаю несколько случаев в терапии, где объектом глубинного желания был брат, который часто выступал в качестве сексуального партнера в сновидениях; любовник в жизни всегда сравнивался с братом. Иногда женщина говорит со своим возлюбленным, по ошибке используя имена своих братьев.

В нашем стремлении к обладанию своим любовником (важная фантазия в сексе, которую не следует разыгрывать воинственно), мы можем обнаружить трудность признания толпой того, что объединяет нас в постели. Потребность в Садиянском контроле иногда посещает любовника, который хочет полной ментальной и эмоциональной самоотверженности партнера по отношению к себе. Но здесь имеет место одна из ироний души секса: глубинное наслаждение требует открытия души, не только тела, и душа преисполнена необычайной жизни. Хороший секс требует умения жить из некоего иного места, чем эго. Может показаться, что сексуальное желание движется в направлении нашего собственного удовольствия, но на самом деле удовольствие может не быть нашим вообще. Интенсивность наслаждения может находиться в прямой пропорции к потере эго, и здесь, возможно, лежит фокус иронии и парадокса секса.

Может быть, привлекательность порнографии лежит в её способности представить секс путем, который не центрирован в эго? В порнографии мы можем наблюдать групповой секс, необычные позы и действия, проникновения, которых никогда не испытывали в жизни, и атмосферу перформанса, а не любви – в общем, безличное проявление Эроса. Острота порнографии, причина её огромной привлекательности, может быть заключена в некоторых личностях и сценариях, которые, на самом деле, посещают фантазию во время занятия любовью, и не связаны с реальной жизнью.

Прозрение таинственного любовника

Во время написания этой книги я подвергался соблазну не включать эту главу о таинственном любовнике. Это столь сложно для описания и столь неуловимо и фантастично для прагматичного, буквального мира. И все же таинственный любовник – это само сердце секса. В некотором смысле, это наиболее важное соображение, ибо секс души – ключ к душе секса.

Страстное желание душой её любовника (или любовников) столь сильно, что иногда мы пребываем в безумных поисках некоторых манифестаций этой фигуры, или же мы пытаемся устроить жизнь так, что он (или она) становится воплощенным в реальных отношениях. В фильме Альфреда Хичкока «Головокружение», персонаж Джеймса Стюарта пытается трансформировать обычную женщину, Ким Новак, в таинственную даму, в которую он был когда-то влюблен. Он настаивает на том, чтобы она носила определенное платье, делала правильный макияж, и чтобы цвет её волос совершенным образом соответствовал его памяти о возлюбленной. Из-за желания его любви, она согласилась на всё это. Но затем они поднимаются на колокольню, высокую и покосившуюся (олицетворяющую навязчивую мужскую идеализацию женщины, сублимацию обычной личности в совершенном любовном образе), и в результате женщина падает и погибает. Большие усилия, связанные с проявлением во плоти преследуемой им любви заканчиваются неудачей, тогда как чья-либо вообще беспокойная попытка сделать буквальным таинственного любовника может привести к провалу и разочарованию.

Все мы, мужчины и женщины, можем страдать этим любовным головокружением, в котором пытаемся осознать любовь души в действительной жизни. Общеизвестно, что женщины часто соглашаются преобразовать самих себя в любовный объект для мужчин, и это представляет собой определенную проблему для женщин, впадающих в культурное предположение, что они могут и должны «улетучиться» в мужские фантазии. Но у мужчин есть схожая проблема (возможно, не такая очевидная, так как они играют роль кажущейся независимости), в то же время с учетом требований сексуальных фантазий культуры, их партнерш и самих себя.

Альтернативой может быть щедрая помощь и сопутствие нашим любовникам в виде ежедневного поиска некоей жизни для их глубинных страстных желаний, и, в то же самое время, в равной степени великодушное пребывание в стороне, по мере того как индивид жаждет быть кем-то еще. Такая модель отражает открытую сердечную сдачу и агрессивное выстраивание дистанции, свойственное человеческой любви.

Головокружение также показывает как могут выглядеть наши поверхностные желания, когда мы привносим их в жизнь, за пределы личного воображения. Джеймс Стюарт одержим каждой деталью внешнего облика, и он, кажется, обращается с Ким Новак как с манекеном. Хотя горькая правда состоит в том, что мы можем превратить другого человека в куклу в театре нашей собственной фантазии, все же, сфера души – это театр, и поверхностные детали играют важную роль в театральной реализации наших фантазий. Светская хроника в любой газете показывает, как точны измерения и характеристики любовника фантазии.

Как любовники мы желаем знать, о каком виде секса мечтает наш партнер. Открывая, что некоторые из них сомнительные или отталкивающие для нас, мы можем отказаться от участия в этом. Эта настойчивость на своей собственной индивидуальности играет важную позитивную роль в сексе. Но мы также хотим быть тем тайным любовником, и, таким образом, можем постепенно и спокойно выяснить, какой вид сексуальности лежит за дверями личного воображения нашего любовника. Как говорит Юнг, сексуальные отношения всегда предполагают фигуры души, являющиеся частью психологического мира партнеров.

Как мы видели возле начала этой книги, секс никогда не представляет собой обыкновенное, буквальное поведение. Как и весь человеческий опыт, он всегда оформлен и окрашен незримыми историями или фрагментами истории. Секс – это всегда миф. Некоторое нарушение сексуальной пристойности может быть захватывающим. Некоторые формы эксгибиционизма могут быть чрезвычайно освобождающими и восхитительными, как в случае с психиатром, который занялся любовью со своей женой на довольно открытом пляже. Я слышал, что некоторые женщины говорят о том, как сильно они ценят интенсивных, зрелых мужчин, минотавров любви. Некоторые, конечно, наслаждаются сценариями рабства или другими видами театра. В последнее время общественность была обогащена откровениями знаменитостей, сосущих пальцы и переодевающихся в различную одежду. Любой опытный терапевт знает, что это «прирученные» примеры по сравнению с сексуальными ритуалами, которыми наслаждаются многие пары или фантазиями, преисполненными индивидуального сексуального воображения.

Особые сексуальные ритуалы предназначены для соединения отношений человека с таинственными любовниками, с которыми мы обычно встречаемся только в ночных сновидениях и дневных фантазиях. Из-за того, что любовник души действительно не от мира сего, наши попытки придать телесность этой любви всегда не достигают отмеченной цели и несколько разочаровывают, но мы можем стараться.

Всегда есть возможность перепутать личную фантазию с жизнью. Некоторые люди, кажется, держатся за изменения партнеров, наблюдая полное воплощение любовника души в реальном человеке. Или же, человек может чувствовать себя разочарованным, когда действительный секс не соответствует сексуальному опыту, получаемому в чистых фантазиях. Может быть, нам следует научиться

жить в двух мирах – мире сна и мире жизни, позволяя каждому из них свою законность и значительность, а иногда наслаждаясь их моментным перекрытием.

Искусство играет важную роль в разрыве между фантазией и реальностью. Оно привносит нас в имагинальное пространство, где эмоции и смыслы реальны, но чувственные детали не буквальны. Там мы можем встретить таинственного любовника на его (или её) собственной территории, так как время и пространство искусства идентичны времени и пространству воображения. Это – промежуточный мир, который не полностью внутренний или внешний, но он предоставляет место, где мы можем мельком узреть фигуры и сюжетные темы, занимающие душу.

В практической терапии, я никогда не выходил на путь начинания проектов искусства, но очень часто люди играли на пианино, приносили объекты, которые они нашли или сделали, а также рисовали свои сновидения и образы. Обычно образы творились без особого намерения или осознания, нарочно раскрывая происходящее на глубинном уровне. Часто мы наблюдали изображения любовников.

Одна женщина на курсе в колледже, где я преподавал серии живописи, сопровождаемые написанием размышлений, описывала в дневнике появления фигуры фантазии. Она видела её как таинственного мужчину, который что-то хотел от неё. В рисунках фигура иногда принимала форму её отца, а иногда была совершенно незнакомой. У женщины было сильное чувство, что это новое присутствие что-то спрашивает о ней, и она подозревала, что это нечто большое и важное. Но она не знала что именно. Только после многих месяцев сновидений, рисунков и бесед она осознала, что подходит к поворотной точке в своей жизни. Таинственный любовник её сновидений принял форму новых отношений, а также представлял собой полностью новый сдвиг в её жизненном пути.

Я думаю, что её метод работы с этим изменением был замечательным, и это хорошая модель для других. Она не принимала никаких быстрых решений на протяжении времени этих сновидений и ощущений. Она вела дневник своей внутренней жизни, в комплекте с множеством различных видов рисунков и стихотворений. В этих дневниках она признавала свои страхи, своё невежество, свои притягательные стороны и изменение отношений. Только долго после того, как её жизнь укрепилась в новом направлении, она смогла получить некоторое понимание событий, обозначенных в её дневниках.

Она опубликовала эти журналы, в ограниченной форме, и я был впечатлен более чем чем-либо её уважением к присутствию неизведанного приглашения следовать в глубину жизни. Обычно возникает соблазн действовать, даже если неясно что нужно делать. Требуется самообладание и мужество для того, чтобы скорее быть контейнером для совершенствования, нежели чем деятелем. Таким образом, эрос исполняет свою традиционную работу без вмешательства, создавая новую жизнь и сажая семена наслаждения.

Сексуальность души

Время души отлично от времени жизни. События иногда происходят более медленно, иногда - быстрее. В жизни может показаться, что последние романы улажены, тогда как в душе они все еще активны. Любовь души множественна. Несколько отношений и даже браков могут развиваться одновременно. Мечты влюбленных появляются и исчезают.

Не редкость для счастливых мужчин или женщин, состоящих в браке, проснуться утром от влиятельного эротического сна, в котором сексуальный партнер – это кто-то другой, известный или неизвестный, и паре может быть неловко обсуждать это сновидение. Пока неясно, имеет ли сон какую-либо связь с жизнью или, во всяком случае, исходит только из личного театра души. Сновидение оставляет пару на точке пересечения между их взаимоотношениями и чистым воображением.

Истина же заключается в том, что сновидение может иметь много общего с взаимоотношениями, но не в буквальном смысле. Наша сексуальность не ограничена тем, что мы выбираем или намереваемся в жизни, и некий более глубокий, менее умышленный эротизм, вероятно, играет в браке свою роль. Когда мы более глубоко входим в душу секса, то можем быть призваны расширить свои идеи по поводу сексуальности, позволяя ей несколько выйти за пределы воли и намерения, разрешая друг другу наши личные сексуальные разработки, всё время понимая, что они уместны для отношений. Я бы заменил известное выражение Рильке о браке как об охране чужого одиночества на брак как заботливый уход за душой другого, особенно её эротизмом, борьбой с желанием и страхом.

Таинственный любовник может присутствовать на некотором горизонте на протяжении всей жизни, так как мы ощущаем притяжение к одним людям после других, некоторые оказываются недоступными для отношений, другие же – неуловимы и, может быть, даже вымышлены. Глубинный любовник может также ощущаться только как сильное желание, которое никогда не удовлетворяется, и в жизни мы остаемся со страстью, ожиданием и поиском. Этот любовник также появляется в определенное время жизни, может быть - на протяжении значимого переходного периода, когда он (или она) могут стать понятным присутствием, ибо изменение обычно подпитывается желанием.

Когда я опубликовал книгу «Родственные души», несколько людей написали мне о той боли, что они испытывают из-за партнера – они знали, что он может войти в их жизнь, но до сих пор ускользал. Некоторые даже спрашивали насчет меня, был ли я доступен – это было льстивое приглашение для счастливого, женатого и устроенного мужчины среднего возраста. Я предположил, что они спутали вестника с вестью. Голод по глубоко значимому сексу иногда может приводить к отчаянию, и мы оказываемся в тупике, по мере того как пытаемся дать жизнь могучим и сильным фантазиям души.

Что же нам делать, когда глубинный эрос вдруг поднимается из некоего резервуара желания? Рисовать картины воображаемых любовников? Работа с дневниками, рисунками, поэзия и другие формы искусства удовлетворяют душу, пылающее желание, на её собственном языке и убирают путаницу между жизнью и фантазией. Простой рисунок без вовлечения будет бессмысленным и

неэффективным упражнением. Это трудно описать, но женщина, чей отец каким-то образом участвовал в появлении её таинственного любовника, сделала свой дневник в разгар глубинной, мучительной, совершенно тревожной эмоциональной борьбы. Художественное выражение этой борьбы может быть столь очаровательным и столь требовательным, что оно эффективно становится материалом воображения, из которого исходят изменения. Ручка или карандаш могут быть решающими инструментами в этой алхимии, когда на кону оказывается не что иное, как душа.

Честный разговор может играть аналогичную роль. Требуется храбрость, чтобы открыто говорить о происходящем в душе, тем более что сексуальность души столь часто буквально несовместима с жизненной ситуацией. Терапия, как я её понимаю, представляет собой немного большее, чем драматически усиленная беседа – разговоры о сновидениях и историях, взаимное раскрытие тем и мотивов, призыв к храбрости и присутствие сравнительно неоскверненной поддержки.

Так как секс столь обволакивающий и вовлекающий, так как он не может быть отделен от ткани жизни и личности, и так как он столь часто существенным образом включен в развивающиеся и переходные периоды, люди сталкиваются с неожиданными и непреднамеренными (или даже нежелательными) сексуальными страстными устремлениями, ощущая себя глубоко смущенными. Это помогает найти пути фокусирования на душе вместо ощущаемой тревоги в связи с потребностью быстро принять решения в жизни. Но этот сдвиг в фокусе – не всегда прост для современных мужчин и женщин, обусловленных в наблюдении чего-либо вообще исключительно посторонними терминами, включая их собственную психологию. В этих ситуациях люди часто чувствуют давление сделать что-то, а не сидеть в смятении, затопленном эмоциями и образами, которые одновременно и привлекательны, и тревожны.

Забота о душе – это простая фраза, которая, кажется, означает простое регулирование базовых элементов жизни. Но порой это может потребовать всей храбрости и мудрости, имеющих у человека - для терпения и присутствия разума с целью сохранения души, отделенной от жизни, и глубокого размышления о развитии, вместо того, чтобы встать на простой (хотя и более опасный) путь отыгрывания. В терапии я никогда не считал, что моя роль – это установление темпа или создание правил по поводу решений и выборов, но часто я был свидетелем появившихся непродуманных решений и действий. Люди чувствуют сексуальное давление, безотлагательность действия, даже когда смысл их действий далеко не ясен.

Сексуальный интерес всегда выразителен и всегда есть что-то такое, что можно сделать с глубинным желанием, будь это секс, направленный на пожизненного партнера или навязчивый любовник воображения. Секс не всегда сладок, конструктивен или позитивен, и все же он может быть глубинно выразительным.

Сексуальное отыгрывание может также сделать зримыми эротические напряжения общества. Семья, сообщество и нация могут иметь своих собственных мистических любовников и свою собственную, центрированную в

душе, сексуальность. Наши напряжения по поводу порнографии, огромного числа изнасилований, высокого процента разводов, нашего интереса к пресловутым сексуальным трансгрессиям – это интенсивная общественная сексуальная неурядица выдает нашу неспособность иметь дело с эротической жизнью коллективной души.

В связи с этим наши фильмы, телевизионные истории и популярные романы могут быть для общества эквивалентом индивидуальной сновидческой жизни. В этих вещах мы мельком видим неизвестных любовников, которые сводят нас с ума сумбурностью и желанием, но которые также подают надежды на глубокое удовлетворение. Наш общественный морализм – это только выжидание, отказ отвечать на эротические проблемы, которые могут нас оживить, если только открыть наши умы и сердца к этим возможностям.

Иногда люди выражают свои изумления и возмущения по поводу фокусировки общества на сексуальных проделках политиков, а не на главных политических событиях и жизненных потребностях граждан. Но возмущение бессодержательно, поскольку независимо от того, что вы говорите, люди собираются, чтобы быть очарованными сексом. Очевидно, это более глубинно и значительно для души, чем технология и политика.

Наш коллективный страх гомосексуальности, наши лицемерные суждения и осуждение общественных фигур, наше ханжество по поводу сексуальной образности, наше постоянное сексистское беспокойство по поводу женской силы, и наш общий морализм касательно секса, скрывающий всю глубину, подавляют любовь. Но эта любовь, будучи освобожденной и признанной, могла бы определенно бросить вызов текущему статусу-кво.

В симптомах содержатся семена нашего оживления. Если мы хотим узнать как взрастить новую жизнь и свежую чувственность, все что мы должны сделать – это внимательно посмотреть и оценить наши проблемы. Нам следует быть осторожными, чтобы не впасть в компенсацию – выступления противоположности нашим воплощенным симптомам. Например, безудержность порнографии предполагает, что мы можем рассмотреть значение сексуальной образности. Безудержность разводов предполагает, что наша идея брака может нуждаться в некотором пространстве. Изнасилование предполагает, что мы не научились использовать силу любви. Чрезмерный секс в средствах массовой информации предполагает, что мы не построили эротически богатое общество.

Это упрощенные уравнения, но они предлагают направление для выздоровления души секса общественным путем. Найдем ли мы мужество для выхода из-за укрытий морализма и лицемерия? Вероятно, нет, если не научимся воспитывать глубинные ценности или храбрость сердца. Мы больше заинтересованы в том, чтобы сделать своих детей администраторами данных, нежели чем в передаче какой-либо мудрости, которую мы можем приобрести из наших безумств. Мы привязаны к нашему морализму, поскольку он защищает нас от богатых возможностей жизни. По сути, мы не доверяем своей сексуальности. Мы чувствуем принуждение со стороны её очарования, но не хотим осложнять себе жизнь и создавать помехи своим планам.

Мы могли бы отыскать свой путь в жизнь, и, может быть, мир во всем мире, путем ослабления наших тревог по поводу эроса и, даже больше, принятия своих желаний серьезно, если не буквально. В пятом веке до н.э. Греческий поэт Пиндар предложил некоторый совет, который полезен и в наше время: «В должное время,

В юные годы

Надобно пожинать любовные утехы;» [1]. Обучение жатве урожая желаний – это, пожалуй, самый большой навык, который может дать истинное образование. Часто мы попадаем в беду, так как пожинаем свои желания слишком рано или слишком поздно. В первом случае, у нас в жизни происходит беспорядок. Во втором, мы ощущаем пустоту, полную прискорбия и сожаления, пребывая в депрессии.

Взаимодействие в душе

В замечательной книге Юнга «Mysterium Coniunctionis», он глубоко следует в природу брака, обсуждая идею священной свадьбы в Иудейской Каббалистической традиции. В этой сложной мифологии небесные король и королева, Тиферет и Малкут, отделены друг от друга – Малкут оказывается вдовой. Но считается, что с приходом Мессии они будут воссоединены.

В человеческом сексе всегда ожидается сходное таинственное единение: «Absconditus sponsus [сокрытый супруг] входит в тело женщины и соединяется с abscondita sponsa [сокрытая супруга]... Человеческое существо состоит из мира выше, который мужской, и из женского мира внизу. То же самое относится к женщине» [2]. В секса два человеческих мира объединяются.

Традиционные раввинские свадебные обряды представляют собой празднования вечного состояния, в котором мы целостны. Это символизируется идеальным воссоединением Тиферет и Малкут и архетипическим единением Адама и Евы, принципиальным преодолением одиночества. В этих ритуалах религии приглашают нас к рассмотрению свадьбы как восстановления первоначального счастья и состояния цельности, которые не должны приниматься за буквальную личную память. Речь идёт об архетипической памяти, имагинальном возвращении дней столь далеких, что они совсем оставили историю и живут вечно в наших сердцах.

Это священный союз, к которому мы все могли бы стремиться. Секс просит нас быть открытыми для духа, создающего наши жизни и поддерживающего мир, так чтобы мы могли достичь в своей жизни бракосочетания духа и тела, реальности смысла, обрученного с полностью чувственной и активной жизнью. Эта фундаментальная задача жизни – и духовной, и чувственной одновременно, достигающей высшей точки в сексе и находящей здесь ритуальное выражение. Когда мы позволяем эго исчезнуть, появляется дух. В результате – страсть, что есть признак достижения необходимого сексуального состояния, где мы – это сосуды для духов, жаждущих совместно единения в наших выразительных телах.

Вызывание таинственного любовника (или сокрытого супруга) не требует специальных ритуалов или языка. Оно предполагает нечто более сложное: щедрую капитуляцию своего контроля перед другим лицом. Подобно мистике, который сообщал о сдаче автономным процессам Божественного единения, свадебный партнер просит о сдаче себя своему партнеру и браку без исключений и без полного знания о том, кто есть на самом деле этот сексуальный партнер. Требуемое не представляет собой мазохистский акт буквального унижения, но жест глубокого милосердия, раскрытия любви, осуществляющей и делающей совершенной эротическую страсть брака.

Воссоединение Тиферет и Малкут и отдающее эхом единение Адама и Евы, свадебные обряды – празднуют и помещают нас в контакт с вечным состоянием, где мы целостны и принципиально не одиноки. Молитвы традиционной раввинской свадебной церемонии напоминают о паре прародителей и просят Бога даровать им счастье, которое он давал паре в Эдеме. В этих ритуалах религии приглашают нас рассмотреть брак как восстановление первоначального счастья и состояния целостности, которые не принимаются буквально как личная память. Это архетипическая память, имагинальное призвание тех далеких дней, пребывающих всегда вне истории и вечно действующих в наших сердцах.

Ужас, ощущаемый в изнасилованиях всех видов и уровней, проливает свет на эту чувственную духовность. Насилие не только личностное, определено – не только физическое и психологическое. Оно достигает самого низа нашего существования, где всё, что удерживает нас вместе и содержит нас живыми как личностей, ниспровергается. Таким образом, изнасилование – это кощунство, оскорбление духовной реальности, причастной к каждому аспекту нашей сексуальности. Мы, мужчины и женщины, можем потратить годы (а, возможно, и целую жизнь) пытаясь достигнуть того места в нашем существовании, где бы мы смогли истинно открыть и подготовить сексуальность. Когда кто-либо приходит и разрушает этот процесс сексуальной инициации, мы можем глубоко встревожиться - не эмоционально в одиночестве, а онтологически. Мы можем нуждаться в большем, нежели чем психологическом консультанте; нам может требоваться кто-то, кто может направиться к самой структуре нашего бытия, и не только чувственно, но также со смыслом и идентичностью. Консультирование в случае изнасилования требует наиболее весомых духовных обсуждений, так как психология не может пройти достаточно далеко в глубины нашего существования.

Таинственный любовник приходит не просто удовлетворить наше страстное сексуальное желание, но для того, чтобы сделать совершенной наши жизни. Сексуальное наслаждение всегда указывает на величайшее удовлетворение абсолютного желания. В сексе мы всегда пребываем в свадебном чертоге, наше физическое единение – это всегда отражение и соучастие в Божественном взаимодействии. Мы должны принимать свои желания серьезно, даже самые мирские, потому что они могут сигнализировать о присутствии ангельского партнера, глубинного внутреннего любовника, который единственно ответственен за сотворение жизни.

В классической мифологии орфиков Эрос – это одно из первобытных существ, рожденных в космическом яйце. Он оплодотворил великую тьму, и небеса с землей пришли к бытию. Этот миф говорит о наших персональных жизнях. Эрос настолько глубок, что представляет собой одно из составляющих нашего существования. Это создает нашу духовность (небеса) и наши жизни (земля). Это представлено во всех формах желания, все из которых могут быть прослежены до великого источника нашего бытия и нашего глубинного развертывания.

Этот творческий эрос сложно отличить от нашей сексуальности, и, может быть, мы не сможем сделать это различие. Нам следует просто увидеть, что в самой обычной сексуальной фантазии и страстном желании лежит великий творческий эрос, из которого наша жизнь приходит к бытию.

Мы могли бы позаботиться о том, чтобы преждевременно не действовать из своих желаний, потому что можем еще не знать, где им место в контексте нашей жизни, но мы можем доверять тому, что в их глубине лежит тайна нашей конечной реализации. Они представляют собой семена сексуальности души, рассортированные среди наших земных любовников и таинственных партнеров, ведомых только душе.

Глава 12. Сексуальность мира. Эротическая жизнь вещей.

Таинственный любовник – это пантеистический эрос, дух, живущий в каждом желании, каждой фантазии и каждом половом акте. Это проникающий эрос присутствует не только в личной и межличностной жизни, но также в наших взаимоотношениях с миром. Сам по себе мир пульсирует с присутствием этого электрического источника творчества и удовольствия. Даже когда мы чувствуем сильное желание чем-то обладать или что-то купить, это не просто всецело человеческий субъективный акт. Это взаимодействие, и вещь сама по себе принимает участие в эротическом обмене. Если, как интуитивно понимали древние философы, Афродита и Эрос лежат в истинном устройстве мира, то они представлены там динамическим путем.

Если бы вещи могли говорить, я бы ожидал от них жалобы по поводу безличного к себе отношения как к инструментам и объектам, прямо как люди жалуются по поводу сведения их к винтикам машины. Многие наш ординарный опыт ясно даёт понять, что вещи предлагают себя нам во взаимоотношениях и близости. В их присутствии мы наслаждаемся существованием. Мы скучаем по ним, когда они теряются, забираются, или когда мы уходим от них. Мы храним их в семье, как будто бы они были действительными членами семьи. Мы держимся за них, как за соучастников нашего детства и высоко ценим как друзей или умерших близких.

Вещи не только обладают способностью истинной близости, но также и привносят в наши жизни высокую степень чувственности. Мы прикасаемся к ним, наблюдаем за ними, слушаем их, очищаем их, смазываем и украшаем. Вообразите комнату без вещей, подобно квартире или дому во время смены собственника. Пустота

жутка, и жизнь не может истинно начаться до тех пор, пока в неё не будут привнесены вещи.

Когда мы таким путем говорим о вещах и местах, то обычно фокусируемся на объектах, романтизируя их и окутывая их сентиментальностью. Но я хочу сфокусироваться на динамике между человеческим чувством и присутствием вещей. Эрос – это связующее звено, и эротическая жизнь обогащается в наших взаимоотношениях с вещами.

Учитывая эту комбинацию связанности и чувственности, не будет надуманным предположение о том, что существует сексуальность во взаимоотношениях с миром, и что эта сексуальность что-то делает с нашими сексуальными жизнями (следовательно, даже с нашими супругами и любовниками). Обсуждение сексуальности не будет полным, если не принять во внимание протяженную эротическую жизнь объектов, больших и малых, заполняющих наш мир и вносящих огромный вклад в наши жизни.

Наиболее эротический объект в моей жизни – это скромная, зачастую сварливая, тяжелая коричневая бесценная махина, которого я вожу с собой, когда переезжаю – моё пианино. Я прикасаюсь к пианино кончиками пальцев, и оно отвечает мне красотой, которую мне тяжело вообразить, пусть я даже не особенно хорошо на нем играю. Мои пальцы на руках питают любовь к клавишам, тогда как мои ноги играют на педалях, а мои глаза наблюдают молотки и строки, создающие контакт и раздражающиеся в небольшие, многократные приступы звука. И нет ничего более сладкого, чем слышать мягкий механизм настройки пианино, привносящий строки в чистое созвучие.

Мои книги (также как и в случае многих других людей) – мои друзья. Каждая из них имеет свою историю, и, даже если я её ни разу не читал, я все же связан с ней и чувствую, что у меня есть потребность в её присутствии. Однажды я был в гостях у друга, когда, проходя через его библиотеку, определил книгу на длинной полке, которая принадлежала мне. Недавно он позаимствовал её у меня. Я чувствовал себя довольно эмоционально, наблюдая её на полке кого-то другого. Не знаю даже, стоит ли попросить её обратно или поработать над своей ревностью.

Уход за моим пианино, требуемый от меня и работа, влекущая за собой хранение небольшой библиотеки, напоминает мне, что собственность – не всегда подходящий термин для определения взаимоотношений между вещами и людьми. Во многих случаях мы представляем собой компаньонов, и вещи овладевают мной настолько, насколько я являюсь их владельцем.

Любовь между людьми и вещами очень важна для общества. Строения, шоссе, мосты, парки и общественные здания, дарующие плоть нашему социальному существованию – это разновидность наших любовников, и наши взаимоотношения с ними в некотором смысле сексуальны. Если мы видим физический мир как нечто из неживых объектов и механических функций, то большая порция нашей жизненной любви будет утрачена. Мы готовы провести огромную часть нашего времени без любви, бесполом окружении, но если

отведенные для работы часы наших дней не оживляются нимфами секса и духами эроса, как мы тогда вдруг и без соответствующего контекста падём в занятие любовью? Как мы можем отделить секс от жизни вообще и ожидать его в подходящее время в наших собственных жизнях?

Потеря контакта с Миром

Обладание и наслаждение физической жизнью – это не то же самое, что материалистическое бытие. Материализм представляет собой невротическое выражение наших отношений с материей, в которых мы становимся заядлыми в накоплении вещей и унижении всего, что не является материальным. Совершенно справедливо говорить, что мы на современном Западе стали материалистическим обществом, более заинтересованным в богатстве и технологическом удобстве, чем в более человеческих ценностях, но этот материализм – только знамение нашего пренебрежения материей. Только материалистическое общество будет столь онемевшим к нуждам физического мира, чтобы регулярно его отравлять и угрожать самому его существованию. Мы можем быть одержимы материальными объектами, только если у нас есть смутные взаимоотношения с ними.

Если материализм – это глубинный невроз, тогда наш симптом чрезмерного внимания к плоскости физического мира показывает, что мы не даём физическому миру внимания того типа, который ему необходим. Мы становимся чрезмерно поглощены тем, чем пренебрегаем, и причудливо демонстрируем то, чем глубоко не владеем. Эта инверсия ценностей, преисполненная парадокса, представляет собой схему, придающую смысл нашему экстремальному интересу к вещам и нашей тенденции болезненного наслаждения вещами в это же самое время.

Навязчивое увлечение материальными объектами создает равную оппозиционную реакцию в духовной реальности. Когда мы поглощены вещами, мы также экспериментируем с наиболее несветскими или потусторонними формами духовности. Институциональная религия становится озабоченной управлением и властью, и собственный поиск личностью духовной жизнеспособности, более не привязанной к традиции и не подчиненной рациональному рассудку – это сильно подозрительные и часто опасные эксперименты.

В настоящее время наше общество, кажется, деструктивно раскалывается между фанатичным материализмом и неудержимой духовностью. Люди либо агрессивно обороняются, защищая близкие себе духовные институты, либо же оставляют их позади. Многие люди годами имеют сексуальную жизнь по религиозным учениям, но однажды, покидая этот институт, они не знают как придать сексуальности значение. Тогда цель жизни была достаточно ясной и имела прочное духовное направление, сейчас же для многих видна лишь единственная цель – это владение вещами, либо как награда за успех в работе или как средство почувствовать оправданность жизни. Путаница около секса и хищного аппетита по отношению к вещам идут вместе, так как и те, и другие возникают, когда распадается твердое и ясное понимание ценностей. И секс, и обладание восполняют этот пробел, симптоматично подводя к онемению нашего чувства бессодержательности без предложения чего-либо существенного, что может удовлетворить наш голод.

Когда я был ребенком, моя семья жила на славной рабочей улице на Восточной стороне Детройта. Многие из наших соседей работали на одной из автомобильных фабрик. Мой дед, живший с бабушкой через дорогу от нас, трудился в комнате снабжения в Dodge Factory. Мой отец и несколько моих дядь были сантехниками. Мы были католиками и регулярно посещали церковь. Между нашей семьей и нашими друзьями имели место некоторые проблемы, но большую часть жизни, кажется, мы держались вместе. Я не припоминаю никаких признаков жадности обладания в моем кругу. Мы все, казалось, были довольны тем, что имели и с малым экономическим доходом.

Я хорошо помню тот день, когда в нашем доме появилось телевидение. Полагаю, мне было лет восемь. Мы были второй или третьей семьей в квартале, получившей его, и первые несколько дней соседи собирались в нашей гостиной, чтобы мельком увидеть реслинг, роллер-дерби или вечерние новости. В то время я, конечно, этого не осознавал, но это новое приобретение было отмечено ритуалом перехода, не только для нашей семьи, но и для всего общества. Аппетит по отношению к технологии начал расти день ото дня, и определенный вид невинности покинул нас навсегда. Я помню о счастливых временах с телевидением – моя мать и отец бесконтрольно смеются над тем, как Ред Скелтон дирижировал оркестром, напряженные минуты финального матча в хоккейный плей-офф, и вдумчивую тишину, наполнявшую комнату, когда Епископ Шин заканчивал одну из драматических телевизионных лекций. Но мои «дотелевизионные» воспоминания о том, как вся семья закатывала ковры, чтобы потанцевать, или просто сидела вокруг радио, скрывают волшебство, недоступное телевидению.

С приходом телевидения семьи квартала повернулись внутрь, пусть и немного, но коммерческий мир жесткого торгового бизнеса ворвался в частные жизни, соблазняя нас на постоянное увеличение потребления. Мои воспоминания, конечно, окрашены ностальгией, и, возможно, мои мысли по поводу детей и семьи обусловлены мифом о золотом веке, глубокой истории, которая может легко громыхнуть в подвале семейной памяти, но, вне всяких сомнений, мы претерпели революцию в ценностях в течение моей жизни.

Кажется, что если мы надеемся найти свой путь к сексуальному удовольствию, нам следует проработать свои взаимоотношения с вещами и общим экономическим измерением наших жизней. Секс может следовать примеру вещей – если мы заполняем пустоту своей жизни объектами, то мы можем сделать то же самое с сексом, и тогда мы не будем удовлетворены ни тем, ни другим. Разработка философии жизни, которая регулирует нашу жажду наживы, имеет кардинальное значение для приведения в порядок жизни, и пока не решена эта проблема, не решится и никакая другая (включая секс).

Наш Американский дух содержит элемент, удерживающий тело и дух в разделении. И часто мы, вероятно, живем так, как будто бы не имеем тела. Мы размашисто духовны и одержимо материалистичны, но эти две противоположности, кажется, редко согласовываются в истинно духовной любви мира. Несмотря на потребительское отношение к жизни, мы не держим дома и в

публичных местах достойные вещи, и, несмотря на духовность, мы - не мировые лидеры в области духовности и ценностей.

Жизнь в теле простирается на множественные вещи, порожденные человеческой изобретательностью и работой. Забота об этом теле означает имение красивых, хорошо сделанных вещей и содержание их в хорошем состоянии. Избыток мусора, шума, граффити, разбитые дороги с мостами в нашем обществе демонстрируют наше пренебрежение телом, и это пренебрежение не связано с нашими сексуальными проблемами. Неудачи в обеих областях намекает на нашу неспособность любить тело так же, как мы любим ум, а также отражает нашу привычку исследования незримого при крошечном внимании к видимому.

Все еще существует возможность вновь впасть в любовь вместе с вещами, восстанавливая признательность к красоте и удовлетворяя чувственность природы и материального существования. С другой стороны воображения, более абстрактной и далекой, мы можем возродить прошлые пути изготовления и украшения мира, в котором живем и снова обрести важные взаимоотношения между собой и вещами вокруг нас.

Дороги и фаллос Гермеса

Хорошая дорога может быть одной из наиболее красивых вещей в мире, и она может иметь богатую метафизическую глубину (как это, например, демонстрируют бесчисленные фильмы, по мере того как начинаются и заканчиваются дорогой, проплывающей на экране). Важно отметить, что Иисус, используя греческое слово «дорога» - «hodos», относится к себе, как к пути (дороге), истине и жизни (Евангелие от Иоанна, 14:6).

Соответствуя духу времени, мы обычно строим наши дороги для скорости, удобства и вместительности транспорта. Они еще вдобавок политичны, порой предумышленны для удерживания определенных частей общества отделенными от других. Но все же изредка, против всех шансов, красивая дорога приходит к существованию.

Какое отношение имеет дорога к сексуальности? Шоссе – это драматические средства придания формы нашему миру, восходящие из глубин воображения. Мы наблюдаем самих себя на наших дорогах, так как они представляют собой внешнюю манифестацию наших ценностей и чувств. Если они шумны и быстры, то они отражают нашу нечувствительность к шуму и наше нетерпение. Если они красивы и способствуют успокоению, то показывают нашу собственную признательность за красоту и мир. В свою очередь, дороги, которые мы строим, в большой степени определяют то, как мы чувствуем, как идем на работу, совершаем покупки, посещаем друзей и проводим выходные. Они часто опосредуют наш взгляд и, следовательно, наше представление природы.

Дорога – это эмоциональная и имагинальная сущность, и она также представляет собой тело. Дорогая, которая удаляется от природы или вторгается в окрестности – жестока. Действительно, наши города изнасилованы негабаритными шоссе и путепроводами. Некоторые люди находят сексуальное возбуждение в жестокости,

но не большинство из нас. С другой стороны, дорога, которая совершенствует природу и благоприятно служит окрестностям, имеет свою собственную красоту и приглашает нас насладиться вождением самим по себе, явно содействуя сексуальности нашего мира.

Во время написания этой книги у меня имелась возможность обсудить дороги и секс на радио. Ведущая сообщила мне, что в её общине Восточного Побережья некоторые люди хотят перестроить красивую аллею, которая изгибается и заворачивается на их территории. Они говорили: «Она слишком скучная, устаревшая. Нам нужно выпрямить её. Сделать её более эффективной. Чтобы многим из нас могли приходить на работу чуть раньше». Другие же ценили красоту и действительно медленный темп дороги. У ведущей на радио не было проблем с тем, чтобы рассматривать политический вопрос как сексуальный.

Историк искусства Брюс Радде, писавший о Меррит-Алле в Коннектикуте указывает, что вы не сможете даже увидеть изумительные детали на её пешеходном переходе и путепроводе на скорости более 30-45 миль в час (скорость, для которой эта дорога была спроектирована в 1930х годах) [1]. Эта дорога, которая постоянно изгибается, и с её тонким ландшафтным дизайном, она прекрасно подходит для тех до сих пор еще сельских, густонаселенных окрестностей. Я ездил по Меррит не так давно, из Хартфорда в Нью-Йорк, и моя семья была в восторге от различных привлекательных мостов, богатых заросших деревьев и растений. Неторопливый темп этой дороги требует аккуратного вождения.

Меррит-Аллея, столь красивая, была компромиссом между прагматическими, осознающими бюджет политиками и гражданами, обеспокоенными своей собственной изоляцией и прерогативами, а также командой энтузиастов - вдохновленных и согласованных дизайнеров. Нелегко привнести секс в общественную жизнь. Мы больше заинтересованы в работе, нежели чем в удовольствии, и сексуальные ценности падают на дно нашего списка приоритетов, где они становятся маленькими дьяволами, вызывающими все виды проблем для тех самых людей, которые не ощущают своей общественной ценности.

Мне кажется ясным, что чума сексуальных образов, заполняющих Интернет и линию наших городских улиц, и так называемый безвозмездный секс, придающий пикантность большинству взрослых фильмов, утрированы, автономны и скверны, так как мы не понимаем важности сексуальной дороги, привлекательных знаний или чувственного рабочего места.

В этой игре принцип прост: все, на что мы не находим воображения, чтобы соткать наши человеческие жизни красиво и интимно, будет преследовать нас в форме автономных искушений и теневых ценностей. Здесь, кажется, нет никакого среднего варианта. Или мы строим красивую дорогу, или же её безобразная версия скоро начнет уничтожать культуру, которую мы стремимся с таким трудом создать. Как всегда, наш выбор прост: Эрос или Танатос, секс или смерть.

Древние Греки выстраивали свои дороги с гермами, каменные столбами, указывающими на бога Гермеса. Затем они стали фиксированными столбами с весьма очевидными фаллосами. Дороги во многих частях мира по-прежнему выстраиваются со святынями и все еще предоставляют путь к природной красоте (вместо того, чтобы пускать по ней бульдозеры). Наиболее красивые дороги – это медленные и те, которые позволяют природе неожиданно принять нас в свои темные интерьеры и опухающие выступы. Когда люди путешествуют, предприимчивые из них говорят, что они всегда выбирают проселочные дороги, зная, что здесь можно найти удовольствие. У Греков были дорожные столбы, но наиболее близкое к дорожной герме среди имеющегося у нас – это телефонный столб.

Если город или регион решает, что ему нужно больше души и ищет способ найти её, им придется пройти более трудный путь, чем просто обеспечить строительство сексуальных дорог или заняться приспособлением существующих так, чтобы их сексуальность могла быть раскрыта. Любой ценой они должны будут противостоять антиэротическим силам, которые хотят культуры металлической эффективности, проявления насилия к сексу в нежелательных местах и усиления давления на нашу собственную сексуальность.

Мосты

Существует несколько вещей столь же романтичных как мост, и хороший мост естественным и таинственным образом притягивает к себе любовников. Люди ходят на мост «Золотые Ворота» в Сан-Франциско не только за видом залива и города, но из-за моста самого по себе, который скорее умножает красоту этого места, нежели чем уменьшает её.

Мост – это лиминальное место, место *между* двумя локациями. Не будучи ни здесь, ни там, он переключается с посреднической функцией души, которая, кажется, в особенности показывает себя между пробуждением и сном, а также в другие лиминальные моменты. С моста обычно можно увидеть жизнь на обоих концах, не будучи частью ни одной из них. Таким образом, мост представляет собой место интенсивного воображения и видения, где фантазии сильны, а эмоции необычайно остры. Любовники могут также наслаждаться нижней лиминальностью моста – неофициальным пространством собственного подземного мира моста.

В коротком эссе, Шандор Ференци предлагает своё психоаналитические значения мостов: (1) конечно, пенис в сексе; (2) взаимосвязь между тем, что по ту сторону матки и этой жизнью; (3) взаимосвязь с загробной жизнью; (4) переходы во всеобщее [2]. Он обсуждает пациента, который страдал и от страха пересечения мостов и от сексуальной дисфункции. Ференци считал, что страх этого человека сдать женщине в глубокие воды секса соответствовал его страху глубокой воды под мостом и неизвестной жизни на другой стороне.

Нет, мы больше не украшаем наши мосты образами, изящными арками и орнаментом. Мы заинтересованы в эффективности, а не в романтике, и настолько, что на протяжении веков часть сексуального ландшафта потеряла свою плоть, став просто функциональным скелетом, который позволяет нашей жизни быть быстрой. Но плата за это - эрос.

В терапии я иногда слышал жалобы от мужчин и женщин по поводу того, что секс в их браке стал «поверхностным» – это слово означает «посредственное получение». Но мне также пришлось иметь дело с идеей, что для этих людей вся жизнь в целом была поверхностной. В повседневной жизни они не уделяли время тому, чтобы видеть, трогать, созерцать, удивляться или слушать. Неудивительно, что их секс отражал то же самое стремление перейти к следующему делу и поддерживать темп движения жизни. Когда жизнь поверхностна, секс поверхностен.

Романтическая дорога, полная памяти и природы, и мост, преисполненный тайны и красоты, могут откликнуться на нашу повседневную потребность в красоте и рефлексии. И дороги, и мосты могут дать душе больше, чем телу, так как они переносят нас в места воображения и памяти, а также места на карте. Они оба глубоко сексуальны, и сексуальность мира и наша собственная страдает, когда они сооружены исключительно для транспортировки объектов.

Эротические здания

Старая усадьба моей семьи в северной части Нью-Йорка была современным домом с тремя входами. На переднем крыльце, которое никогда не использовалось, была дверь в гостиную, а гостиная вела к небольшой задней спальне глубоко внутри дома. Я любил ходить в эту затхлую гостиную, которая была еще одним законченным веком, и затем в изолированную заднюю спальню, далекую от жизни дома, где воздух всегда ощущался умиротворенным и вечным. Этот дом не соответствовал никаким технологическим схемам, но он был полон восхитительных загадок и навязчивых воспоминаний.

Старые мельницы Новой Англии, украшающие большое число городов в моей части страны, стоят того, чтобы о них подумать. Их кирпичи имеют цвет земли, окна закругления и форму, их двери и дверные проёмы соблазняют нас войти внутрь, а интерьеры заигрывают с нами, вызывая желание замедлиться. Старые дома в этих городах с мельницами всегда нарядные. У вас не возникнет чувства, что это – просто коробки с хорошо обтекаемыми формами. Они очевидно приятны для глаз и обращаются к вашим чувствам. Несмотря на влияние пуританизма, прагматизма и индустриальной революции, Венера нашла свой путь в эти дома и фабрики.

В «Старом пути видения», Джонатан Хейл говорит, что дома восемнадцатого века были построены так, чтобы тем, что снаружи можно было наслаждаться на протяжении дня, а тем, что внутри – ночью: «Мебель лицом к темноте. Тени находятся здесь, при свечах они станут скорее таинственными, нежели чем мрачными. Маленькие объекты меркнут в сиянии углов. Потолки и окна не слишком низки, так как мы сидим ниже» [3]. Или лежим ниже. Тьма, углубление тени, сидение, свечи – всё это образы души, касающиеся близости и соблазнения. Может быть, если мы бы планировали свои здания для ночи и дня, то они могли бы иметь больше души и сексуальности.

После входа в сексуальное здание, у вас есть эротический ответ, физическая реакция. Я чувствовал это во время своего первого визита в Пантеон в Риме, где вы находитесь в недрах религии, или, еще лучше, в вагине древних мистерий. Вы

чувствуете определенную трансгрессию, четкую и сильную, оставляя позади мир света, несмотря на то, что здание расположено под открытым небом. Это открытие увеличивает иллюзию сексуальности, так как в сексе мы обычно находимся на пороге между временной жизнью и безвременного телесного созерцания.

Сексуальность здания может быть заимствована из человеческой формы. Здание может быть фаллическим, но не просто потому, что оно длинное и высокое: стеклянный небоскреб необязательно фаллический. Фаллическое здание будет иметь некоторое очарование, и будет проявлять свою чувственность.

Акры зеркала и гладкого стекла, заложенные нами в небоскреб, предполагают не только нарциссизм века, но также и наш акцент скорее на смотреии, чем на прикосновении. Хорошие старые кирпичные, деревянные или каменные здания обладают внешней и внутренней сторонами. Вы желаете взглянуть на них, но также потрогать их и войти в них. Стеклянные здания неоднозначны, они отталкивают мир, выставляя ему отражение.

Церковные шпили преимущественно (если не все вообще) фаллические. В Новой Англии такие шпили окружают нас, но вы никогда не почувствуете, что пейзаж насыщен сексуальностью. Наоборот, эти шпили смотрятся подобно ракетам, ожидающим взлета с земли – не в оргазме, но в прелестном, неистовым духовном бегстве с земли и из плоти. Они представляют собой духовность Новой Англии более, чем её чувственность.

Мы можем обнаружить эротичное человеческое тело в общественной архитектуре, например, в куполах, находящихся на вершине церквей, замков, концертных холлов и общественных зданий. Купола предполагают много различных уровней значений, таких как небесный покров, привносящий вниз, на землю, космический контекст для нашей деятельности. В то же время, в этих архитектурных формах ясно заметна сексуальность, и они помогают придать городу таинственные ассоциации и даровать дух, связанный с телом (а в случае куполов – с женской грудью).

О куполе и покрове пишет теоретик архитектуры Донлин Линдон: это становится «обволакивающим присутствием, предоставляющим защитную ауру всему, что ниже... Привнесение элементов структуры ощутимо увеличивает ощущение объятий здания» [4]. Базилика святого Петра в Ватикане имеет купол, представляющий собой визуальный центр города Рима, и это осложняет представления многих о том, что Папа и св. Петр – центр религиозной патриархии. Католики ссылаются на эту базилику и все, что она представляет, как на мать церковь, отражающую защитный, заботливый и вбирающий в себя аспект Церкви.

В особенности в своих дверных проемах здание может заимствовать нечто от женского тела. Хорошая дверь или ворота – это приглашение войти, и мы можем отождествляться либо с тем, кто входит в дверь, либо со зданием, в которое входят. Исследование дверей по всему миру – это изучение человеческих

взаимодействий и мировоззрений. Лучшие двери захватывают, побуждая посмотреть, открыть и пройти через них.

Чисто функциональная дверь, подобная стеклянной и воротам из нержавеющей стали, ставящаяся в госпиталях и школах, может быть эротически искуплена посредством ясной лестничной площадки, портика или даже через рисунки и сообщения, прикрепленные к стеклу. Джозеф Кемпбел однажды описал посвященную силу пещер Ласко во Франции, где посетителю приходится проползать через узкий канал, чтобы добраться до внутренней части, как будто бы это акт возвращения в матку. Я чувствовал то же самое по поводу всех хороших дверей и дверных проемов. Когда вы проходите через них, вы следуете куда-то, не просто физически, но в воображении и чувствовании.

Когда вы проходите через дверь и не имеете при этом, по крайней мере, незначительного сексуального опыта, возможно, дверь должна быть изменена. У меня есть старая, простая, деревянная дверь в комнате, где я пишу, и это явно очень существенная деталь комнаты. Когда я касаюсь её, нажимаю железную щеколду, она с писком отворяется, и, закрывая её далее с металлической уверенностью, я подлинно вхожу в свою комнату и могу начинать писать. Я никогда не желал жить в доме, у которого несколько дверей и который предлагает только комнаты – стиль открытой планировки. Но затем я стал тем, кто предпочитает высоко сексуальную обстановку, преисполненную неприкосновенности частной жизни и потаённости.

Некоторые здания сексуальны, поскольку вдохновлены фантазией. Я помню своё занятие бизнесом в старом банке в Бруклине, Массачусетс, где высоко над окнами кассира были красивый полированный деревянный балкон и окрашенные витражи. Эти элементы смягчают акцент на деньгах и абстракциях, что типично для финансов, добавляя красоты и доставляя удовольствие клиентам, а также, по моим предположениям, сотрудникам банка. Иногда я ходил, садился и просто смотрел вокруг. Я удивлялся тому виду воображения, построившему этот банк, и почему другие банки должны быть столь равнодушными, ведь их архитектура требует бизнеса и эффективного использования времени?

Целый город находится в воображении каждого гражданина, хотя ни один гражданин не знает каждого сантиметра местности. То, что находится в городе – важно, вне зависимости от того, пользуется этим гражданин или посещает. Граждане часто теряют голову от своих городов, а когда путешествуют, они могут говорить о своих домашних городах с энтузиазмом любовника. Они ревностно защищают их от критики и с трудом расстаются с ними.

Секс в Саду

Недавно мне рассказали о старом городе Новой Англии, который, должно быть, был прекрасен в прошлом столетии. Его старые здания всё еще очаровательны. В центре города течет красивая река, берега которой соединяются мостом, отбрасывающим отражение в реке в виде безупречной широкой арки. Таинственные колонны поднимаются вдоль её размаха. Сейчас в пределах города остался только один пустынный парк, полный растений особых видов и деревьев. Некоторые жители начинали движение по вырубке деревьев и

трансформации парка в поле для гольфа. Другие жители жалуются, что им нужен парк, а поле для гольфа будет доступно только некоторым, кто любит эту игру и может позволить себе оплату. В таком случае, лес выглядит слишком подающим надежды, чтобы проиграть.

Настоящий конфликт демонстрирует типичный спор между удовольствием и развлечением. В каком-то смысле, без разницы, сколько жителей используют лес и как много хотят играть в гольф. Городу нужны леса – всякий цивилизованный район будет неполным без своего природного естества, сохраняющего в диалоге содержания первоначальной природы и цивилизованной городской жизни. Может быть, гольф побеждает столь часто, поскольку мы можем видеть в гольфе очевидную ценность развлечения, тогда как мы не осознаем явно важные и более тонкие наслаждения в лесу. Кроме того, мы, кажется, не в состоянии различить природу наших удовольствий. Возможно, мы думаем, что гольф может заменить нам прогулку в лесу. Древние культуры понимали, что «сырую» природу и ухоженное игровое поле населяют различные духи. По-видимому, мы утратили эту пронизательность.

Некоторые вещи в городе дают ему жизнь, тогда как другие только дают ему возможность хорошо работать. Среди дарующих жизнь участков есть сады, парки, аллеи и кладбища. Каждый из них предполагает подходящее место, где душа может делать то, в чем у неё есть потребность – играть, общаться, размышлять, кокетничать и искать расположения. Каждый из них также в значительной степени рассматривается как продолжение городской чувственности и эротического влечения. Уберите из Нью-Йорка парки, и безумие бизнеса и сложной жизни там станут невыносимы. Город будет телом, оснащенным только мозгом, руками и ногами.

Мы не понимаем, что город имеет тело, и что сексуальные центры этого тела драгоценны – это текущая река, пустынный парк, красивый фасад; некие груди, такие как купола; фаллический подъем в разных местах; некоторые неофициальные части. Сады имеют особую важность, так как они обеспечивают душу требуемой красотой.

Неудивительно, что Адам и Ева обнаружили свою сексуальность в саду Эдема, что Иисус молился перед своей смертью в Гефсиманском Саду, что Эпикуреизм был создан в Школе в саду в Афинах, что Будда дал свои великие проповеди в Оленьем парке в Бенаресе - месте, некогда известном как Анандавана, лесу блаженства. Любой сад или парк может быть лесом блаженства, если город воспринимает и почитает особый дух, пребывающий там. Это обычный дух удовольствия, игры, спокойствия и любви – в конечном счете, более важный для городской души, чем транспортная система или гражданская штаб-квартира.

Сады эпохи Возрождения были местами, где землей и растениями художник мог изложить архетипы, из которых человеческая жизнь черпает ясность и значение. Там может быть секция, посвященная Сатурну - уединенное, тенистое место для отхода и рефлексии. Еще одна область, где сильны чувства природной чистоты, может указывать на Диану или Артемиду, и человек может наслаждаться первозданной красотой. Венера также всегда обладала своей частью, и, на самом

деле, сад, как целое, может быть указанием на неё. Сад Венеры был общим образом в искусстве эпохи Возрождения и литературе; картина «La Primavera» («Весна») Боттичелли представляет собой один экстраординарный пример среди множества других.

Мы могли бы легко эмулировать превосходную форму природной магии – привнесение духа Венеры, сексуального духа, в наши дома и города посредством особого рода садоводства, где делается акцент на чувственном восторге, изобилии, цвете и текстуре. Это отличается от полезного или интеллектуального сада, где классификация цветов и растений имеет первостепенное значение. Эти и другие фантазии садоводства ценны, но подход Венеры отличен от этого и занимает особое место среди наших усилий по эротизации всей нашей жизни.

Эрос и рабочее место

Мы уже рассматривали фильм «Шампунь». Помимо прекрасных сценария и действий, он содержит множество утонченных прозрений по поводу современной жизни и любви, среди которых – сравнение между любовью в работе и любовью в сексе. Джордж, смущенный и депрессивный антигерой-парикмахер, вступает в сексуальную связь множество раз в длительный день на протяжении фильма, но он, кажется, не получает удовольствия и определенно не имеет от этого долгого удовлетворения. Женщины в его жизни желают его, но они также оказываются несостоявшимися в их сексуальных взаимоотношениях с ним. Но каждый раз, в середине спора или кризиса, Джордж замечает состояние их волос и делает комментарий. Они останавливаются и настоятельно спрашивают его мнения по поводу их волос и просят его исправить их для них. Действительно творческий эрос в этих жизнях – не весь в сексе, но в работе – работе, которая значительным образом сосредоточена вокруг красоты, чувственности и удовольствия.

Тот факт, что современная работа часто посвящена механистическим и техническим ценностям, может затмевать потенциальную сексуальность в работе вообще. Пожалуй, наиболее ясно мы наблюдаем эротические элементы в тех профессиях, где люди работают с необычной преданностью, вниманием и упорством. Я знаю из деревообработки, сколь много чувственного наслаждения можно извлечь из тяжелой работы, и как часы идут подобно минутам из-за истинного поглощения работой.

Один плотник описывал своё нововведение в своей профессии, используя эротические термины: «Мне требовалась мебель. Затем я начал смотреть деревообрабатывающие журналы. Я начал вожделеть инструменты и ходить по темным хозяйственным магазинам» [5]. Другой человек подчеркивает близкую связь между наставником и подмастерьем:

«Личность 'алхимизируется' в интересные формы, когда некто проводит время, делая нечто, имеющее значение. Но что-то особенно интересное происходит, когда кто-то проводит годы, по уши погрузившись в физический мир[6]. Это погружение в физический мир определенно связано с открытием тела – как своего, так и окружающего мира»

Конечно, большая часть работы не имеет явной чувственности деревообработки, или свободы и искусства. Тем не менее, наши побочные занятия учат нас тому,

что работа предполагает множество потенциальных удовольствий, зависящих в значительной степени от нашей фантазии о самих себе. При помощи небольшого воображения мы могли бы привнести больше эротической ценности в нашу работу. Мы могли бы позаботиться о том, чтобы выбрать определенную работу и условия труда, которые как-то обогащают нашу потребность в удовольствии. Мы могли бы уделить некоторое внимание физической среде. Живопись, ваза с цветами, немного ладана, хорошая музыка, предметы мебели или ремесла, какой-нибудь детский рисунок – нечто, что содержит дух Венеры. Всё это может волшебным образом наполнить рабочее место хотя бы каплей удовольствия и чувствования. Мы могли бы также серьёзно уделить внимание дружбе, пище, одежде, беседам, и, конечно, стилю нашей работы – всё это с идеей вселения некоторых сексуальных ценностей в область жизни, которая часто представляется с совершенно другой архетипической фантазии.

Сегодня имеет место огромный интерес к новым формам менеджмента и даже душе бизнеса. Один из способов обрести душу в бизнесе – это тщательное изучение эротических аспектов рабочего места. Обычно мы слишком болезненно осознаем сексуальные проблемы, от сексуальных домогательств до любовных историй, но мы также могли бы стать более утонченными по поводу человеческой потребности в сексуальных ценностях, даже на работе. Список, уже нам знакомый, включает в себя: желание, удовольствие, чувствование, воображение, близость, радость, физический телесный комфорт, дружбу, внимание к пище, красота, досуг, природа и уединенность. На тонком уровне компания также может работать с сексуальными проблемами утонченным способом, делая открытия именно в симптомах, где эротическая жизнь бизнеса даёт сбои.

Эрос в пище

Я знаю семью, где отец работает в часе езды от дома, и поэтому он покидает дом рано утром и возвращается после обеда. Обычно он приносит домой выносной китайский обед, тот же самый ужин почти каждый вечер. Мать также работает в течение дня и ест свой собственный завтрак, обед и ужин в одиночку, часто еду на вынос или быстрый бутерброд. Их сын находится под уходом няни, которая готовит ему пищу. Каждый день она греет для него готовые обеды. Маленький мальчик находится на терапии, а родители удивляются, что произошло неверного, чтобы он стал невротичным – они отдают всех самих себя его поддержке.

Мы говорим об эффективной семье - возможно, о карикатуре современной Американской культуры, или её воплощении. Родители делают все правильно в отношении к рабочей этике, но в связи с сексом, эросом и принципом жизни, они всё делают неверно. Из-за их тяжелой работы, они имеют дома механизмы, которые большинство Американских родителей считают необходимыми – телевидение, микроволновки, стерео-системы – но, кажется, что их дом не имеет души, и один из явных указателей на бездушность – это бесполое потребление пищи.

Секс и еда тесно взаимосвязаны, явным общим путем - эти две вещи телесные, чувственные, физические и приятные – и тонкими путями, как в сексуальной форме многих продуктов таких как бананы, перцы, морковь, инжир и дыня. Сексуальный сленг даёт нам большой лексикон, демонстрирующий связь между

сексом и пищей. Оральный секс, конечно, связывают с едой, но есть и поедание в У, где расходятся ноги; общественное питание, и даже съедание кекса, когда ягоды рассматриваются как пирожные. Женщина порой пирог, а яички – это яйца в корзинке. Сок – это слово для семени или вагинальной жидкости, нут – это грудь. Моряк – это морепродукты [7].

В своей блестящей книге «Американская мифология», философ популярной культуры Маршалл Блонский, описывает интервью с французским критиком пищи, которая рассказывала ему, как есть лосося без жевания, прижимая его к небу и посасывая. «Было так много интимного», пишет он, «в её описании пищи, слишком много эротической слюны, ибо она по большей части упражнялась в визуальной чувственности, от сексапильной пищи до сияющего тела... Как американец, я забыл, что еда – это Величайшая Метафора, способная привести нас в сексуальное» [8].

Но еда действительно переносит нас к сексуальному. И без радостной, внимательной и творческой жизни с пищей возникает вопрос – можем ли мы найти какой-либо другой способ прийти к половой жизни, наполненной душой. Хороший повар, подобно хорошему любовнику, свободно работает со всеми чувствами. Глаз для цвета, нос для аромата, пальцы для прикосновений, а уши для тонких звучаний, подготавливающих тело к чувствованию и через секс, и через приготовление пищи. Множественные грани приготовления и презентации пищи держат чувства «хорошо настроенными» и бдительными, обучая улавливать нюансы и устремляя к новому опыту.

Хороший повар следит за цветом пищи в кастрюле и точно знает, что делать, когда ароматы слегка изменяются. Даже приготовление дома имеет дело со льдом, огнем, водой, плесенью, гнилью, жжением, поджариванием, осадком и сжижением – первичными состояниями природного тела. Неvegetарианский повар, обрабатывая рыбу или мясо, хорошо знает признаки свежести и порчи на плоти, и обладает чувствительностью по отношению к органам, венам, сухожилиям и коже. Обычный повар – это телесный эксперт, и не так-то долог путь от животных и овощных тел на кухне к человеческому телу в спальне.

В своей книге «Томатные благословения и учения редьки» (одной из наиболее вдумчивых книг из тех, что я читал) Дзенский священник Эдвард Эспе Браун написал раздел с названием «Томатный экстаз», где описывается следующее: «Когда мы не замечаем неотъемлемо сочные, пышные и мясистые вибрации помидор, где-то внутри нас наше 'сердце' высыхает, наша соблазнительная плодовитость не получает признания и становится не востребованной. Мы также сухи и неискренни, и страстно желаем прорваться к открытости, становлению живыми и плавными» [9]. Здесь параллели между едой и сексом становятся идентичными – они кажутся различными аспектами одного и того опыта. Имеет смысл уделить пище как можно больше внимания, исходя из возможностей, в качестве заботы о сексуальности. И, может быть, мы добавим курс по приготовлению пищи в наших классах сексуального образования.

Сексуальность повседневной жизни

Более детальное исследование сексуальности повседневной жизни может состояться (а, может быть, должно состояться), обращаясь к преимуществам индивидов, пар и общества в целом. С этой точки зрения, мы могли бы решать такие проблемы как прогулы и неудовлетворенность на рабочем месте, которые переводятся в низкое качество работы и финансовые потери. Мы можем умерить тенденцию в политической жизни по направлению к агрессивному конфликту и неспособности реагировать на общественные потребности. Мы можем строить города, здания, дороги и дома для человеческих существ, у которых есть тело и желания, которые нуждаются в базовом удовольствии хорошо чувствовать себя и свою жизнь. Мы можем заботиться о влюбленных, стремясь к лиминальным местам, где они бы могли наслаждаться. Отвечая на эротические симптомы культуры, мы можем найти собственный путь к более удовлетворяющему сексу, счастливому браку и семье.

Если мы будем придерживаться трудовой этики и преувеличенной привязанности к уму, мы закончим хорошо функционирующим миром, где никто не сможет наслаждаться жизнью. Как мы во многих отношениях могли пренебречь эросом как расширением нашей сексуальности? К счастью, есть еще отдельные личности и сообщества, даже некоторые культуры, где сексуальность не сжата в плоскую физическую категорию медицины или психологии человеческой пары, где мир наделен своим собственным телом.

Это так просто – позволить присущей миру сексуальности расцвести и быть наблюдаемой, излучать наслаждение в мире вокруг нас. Нужно только потребовать больше досуга, меньше эксплуатировать и больше чтить природу, создать благоприятные возможности во времени и пространстве на работе, освободиться от исключительно гигиенических и удобных аспектов пищи, позволить некоторые творческие здания в общественной и частной жизни, создать общественные сады, сохранять старые здания. Всё это – секс, и все из этого напрямую связано с тем, что происходит в постели.

Глава 13.

Сублимация секса. Эротический интеллект и видение.

Секс погружает нас глубоко в тело, глубоко в эмоции любви и желания, глубоко в пути отношений. Из-за этой внутренней стороны и спускающегося движения, секс рассматривался как искушение против высших человеческих устремлений и был сведен к тёмной троице ценностей, известных как мир, плоть и дьявол. Из этого места в нас, где мы представляем жизнь в целомудрии, упорядоченности и социальной ответственности, секс может выглядеть угрозой или препятствием. В воображении он часто оказывается снизу, как если бы это была масса, удерживающая нас внизу от более величественных интересов.

С архетипической точки зрения (в которой мы пытаемся найти место всем человеческим склонностям и фантазиям), ценно и необходимо быть «сбитыми» своей сексуальностью. Нам требуется глубина, ибо мы нуждаемся в высшем

провидении. У нас есть потребность в тёмной стороне всей жизни, а секс предлагает достаточно возможности для переживания тени. Мы также становимся людьми характера, храбро имея дело с множественными вызовами, которые предлагает нам секс на протяжении хода жизненных событий.

Существует еще один аспект сексуальности, который может быть легко утерян во тьме и ухудшающейся выразительности чувственной жизни. Секс также играет важную роль в высших областях, где доминирует дух. Секс может поднять наше внимание ввысь и предложить визионерский опыт жизни, основанный на любви и страсти, и это будет равноправно любой абстрактной философии или высшей духовной форме созерцания. Секс – это не только земное, но и возвышенное.

Роль сублимации в ординарной жизни

Писатели исследуют роль сублимации в человеческой жизни две тысячи лет. Они указывают на величие и красоту природы как на источник трепета перед необъятностью жизни. Они чтут человеческое воображение за его способность превзойти наши маленькие частные жизни, чтобы прийти к великому видению человечества со всеми его перспективами.

Европейский Ренессанс, эпоха удивительных достижений в развитии культуры, прославляет возвышенную потенциальность человеческого воображения. Молодой, страстный ученый, Пико делла Мирандола, писал в своей знаменитой работе «Речь о достоинстве человека», что «человечество, с абсолютной справедливостью, рассматривается и называется великим чудом и достойно всяких восхищений». Во времена нашего Американского возрождения, Ральф Уолдо Эмерсон основывал свою идею уверенности в собственных силах не в антисоциальном индивидуализме, но в открытом взгляде на человеческую персону. «Мы находимся в кругу необъятного интеллекта, который делает нас приемниками его истины и органов его деятельности», пишет он.

В конце 20-го века мы можем переживать начало возрождения нашей собственной культуры. Это указывает на новый подъем интереса к тому, что люди аккуратно называют «духовностью», отличая её от институциональной религии. Они, кажется, заинтересованы в личной трансцендентности, и нам есть что наблюдать, если этот новый дух созреет в полномасштабное социальное обновление.

Не удивительно, что новое очарование духовной жизнью будет возникать в конце века материального и технического прогресса. Мы изучали природу технически и исследовали её из-за материальных ресурсов, утратив чувство тайны и необъятности. В то время как мы наблюдаем свои маленькие машины на Луне и на Марсе, рассматриваем пыль и камни этих далеких пейзажей, наше представление Вселенной немного увеличивается. В некотором смысле, сублимация питается этими путешествиями, тогда, когда мы смотрим на всю прекрасную голубую Землю со многих тысяч километров. Но, в то же самое время, наша признательность за красоту и величие Вселенной становятся меньше из-за узкого технологического видения.

Еще одна причина для того, чтобы возвращаться к чувству возвышенного – это разочарование и отчаяние, ощущаемые многими в современной жизни. Насилие по-прежнему отравляет наши городские улицы и до сих пор используется как инструмент политических перемен. Многим людям сложно создать удовлетворительные интимные отношения дома и растить детей в этой все более и более материалистичной культуре. Как будто мы потеряли чувство возвышенного и теперь жаждем его, разыскивая в древних мифологиях, духовных практиках и новой психологии, которая выделяет место духу и эмоциям. Текущий интерес к личному фитнесу и здоровью может также быть частью более глубокого стремления к трансцендентному, выраженному в желании длительной, плодотворной и здоровой жизни.

Научное понимание человеческой жизни и поведения, с его акцентом на химических веществах, генах и воздействия окружающей среды, сегодня очень влияет на образ человеческого существования. Повседневные средства массовой информации дают еще больше информации и объясняют тело и человеческое поведение в материалистических терминах. Эксперты часто обсуждают человеческие эмоции в терминологии мозга, и легко стать убежденным в том, что мы есть ни что иное, как химические вещества и гены.

В этом контексте секс, уже представляемый как часть низших аспектов человеческой жизни, становится еще более отдаленным от возвышенного. Наш разговор о сексе приобретает более и более медицинский говор лаборатории или вульгарного сленга, который когда-то использовался только в особых контекстах остроты и страсти. Эта вульгаризация сексуального языка содействует уменьшению нашего понимания сублимации секса и выражает низкий уровень, где наша сексуальность приходит к упадку.

Тогда как душа охватывает темные и неочищенные аспекты всей жизни, включая секс, она также нуждается в видении и ясности высшего, духовного измерения. Судя по книгам и статьям на духовные темы, в них, кажется, возобновляется интерес к нахождению места для секса в духовности, но часто такая забота ведет только к заимствованию языка и техник из Тантрических практик Индии или из некой другой эзотерической традиции. Когда общий интерес к духовности начался впервые, мы наблюдали этот вид заимствования из древних традиций, который позднее превратился в более сложное и комплексное стремление к духовной жизни. Возможно, настало время для совершенствования нашего подхода к сублимации секса и рассмотрения того, как секс может быть частью нового величественного видения человеческой потенциальности.

Сублимация: лестница и круг

Один из способов связи абстрактной идеи величественного с современной жизнью (а особенно с сексуальностью) – это переход к идеи возвышенного к процессу сублимации. Наше понятие психологической сублимации сильно зависит от работы Фрейда, чьи идеи все еще пропитывают нашу культуру. В этом случае сублимация заключается в защите себя от эротической страсти посредством перевода телесного желания в величественное искусство и интеллектуальное выражение. Если мы уберем оборонительный приговор в этом определении, то останется позитивный взгляд на сублимацию. В нашем искусстве и письме мы

можем просто расширить свои желания и удовольствия в реальность не буквально физическую, но полную воображения.

Юнг рассматривает сублимацию как часть полного процесса трансформации буквальных деталей нашей повседневной жизни в вещество души. Сублимация представляет собой часть работы по сотворению души, где наши дремучие эмоции и сокрытые мысли поднимаются на более утонченный уровень. На этом высшем уровне мы можем ясно выразить свои переживания с большой точностью, тонко используя язык и образность для выражения глубины нашего чувства. Сердечное письмо, искреннее стихотворение или даже пикантная песня, могут сублимировать болезненный или радостный опыт к уровню, где он может быть оценен и понят, и даже иметь более широкую привлекательность.

Юнг использует традиционный образ лестницы для описания этого значимого процесса. Он ссылается на древние истории о восхождении души по лестнице, которая извивается через планеты и заканчивается на солнце. Он также упоминает, что Египтяне использовали помещенную в гробницу маленькую ритуальную лестницу, когда хоронили свои мертвых – это образ восхождения души. Иногда шаманы носят лестницы, как эмблемы своих офисов, так как они служат посредниками, соединяющими глубинную душу, ординарную жизнь и высшие области духа.

В каждой области жизни душа требует заземления в глубинах и вдохновения в высотах. На протяжении тысяч лет душа описывалась как посредник, тот элемент в нас, который может охватить самые высокие и самые низкие сферы человеческого опыта. Марсилио Фичино говорил, что величайшая трагедия человеческой жизни состоит в том, что дух отделен от тела, а путь сохранения этих двух значимых измерений связанными лежит через деятельность души. Душа само по себе – это лестница, позволяющая нам сохранить нашу человеческую природу целой, так как мы свободно перемещаемся между телесным и духовным опытом.

В сексе душа обладает необычайно мощной возможностью соединить тело и дух. Секс фокусирует наше внимание (как, пожалуй, ни что другое) на чувственном присутствии в этом мире и другом человеке, тогда как в то же самое время она осуществляет наше желание эмоционального и духовного единения с другим - для трансцендентности нашего самосознания и для выразительного опыта. Если наша сексуальность имеет душу, то в ней содержится весь спектр человеческого опыта.

Секс может поместить нас в контакт с возвышенным. Во время занятия любовью или после этого, мы можем ощущать себя абсолютно завершенными, и вся жизнь может обновиться через этот опыт. Британский композитор Филипп Хезелтайн, известный как Питер Чернокнижник, написал своей возлюбленной поле первого занятия с ней любовью: «Я столь трансцендентально счастлив, я не могу найти слов, чтобы рассказать тебе это. Но я чувствую, как будто бы новую жизнь, бесконечный источник новой силы и возможности дарован мне». Райнер Мария Рильке писал Лу Саломе: «Только через тебя я связан с человеческим, в тебе оно поворачивается ко мне, чувствует меня, дышит на меня». Их заветные моменты

любви, очевидно, означали мир этих любовников и давали им чувство трансцендентного.

В дополнение к лестнице, Юнг предлагает другой алхимический образ процесса сублимации – *rotatio*. В алхимии различные материалы, понимаемые как образы материи души, подвергались нагреванию, смешиванию и дистилляции в длинной и сложной серии обработки. Один из ключевых процессов заключался во вращении материала – введении его снова и снова в процессы обработки, до тех пор, пока он не станет необычайно тонким и чистым. Алхимики убеждены, что этот высший очищенный материал может использоваться как эликсир для трансформации всей жизни.

Мы можем представить секс в этом смысле, так как высшая очищенная часть жизни способна трансформировать всякую вещь с элегантною и силой. В этом смысле секс действительно представляет собой самый важный элемент в жизни личности, потому что он обладает силой трансмутировать всё. Если наша сексуальность свободна от беспокойства, всякая вещь в жизни может быть удобной и творческой, но если наша сексуальность незрела, тогда всё в жизни страдает соответствующим отсутствием утонченности.

В алхимии вращение материала критично по нескольким причинам. Оно показывает, что работа души динамична, а не статична. Вы не можете остановиться и сказать, что вы прибыли к конечной точке. Всегда есть место для дальнейшего совершенствования. Вращение также испрашивает у нас преданности душе на её различных фазах, внимания к её изменениям и удерживания её движений между реальностями тела и духа.

Мы могли бы применить те же самые идеи к сексу. Наши сексуальные жизни не статичны. Мы склонны считать, что все движения линейны и эволюционны, но мы могли бы также просто представить свою сексуальность как вращение. В одно время, в жизни секс может ощущаться сжимающим и доминирующим, тогда как в другое время он может отойти на задний план. Фокус наших сексуальных интересов может постоянно меняться – обращением к человеку определенного вида, нашими фантазиями о занятии любовью, нашей тенденции быть более активным или восприимчивым. Секс имеет циклы, не только физические, но и эмоциональные, преисполненные значимости.

Вращение требует, чтобы алхимик был преданно вовлечен в процесс. Мы можем испытывать соблазн отказаться от секса или чувствовать себя неудачниками из-за новых наработок в нашей сексуальности или возвращения старых проблем. Но, понимая собственные сексуальные циклы, мы можем быть преданы своей собственной эксцентричной сексуальности. Иногда проще осудить сексуальность, чем позволить ей множественные повороты и возвращения.

Оставаясь верным своей сексуальности, с течением времени мы можем заметить, что она стала более изысканной. Наши принуждения могут облегчиться, а дискомфорт в некоторых областях снизиться. Когда мы занимаемся любовью с партнером много раз, мы вращаем сексуальные мистерии, которые разделяем, и этот процесс представляет собой форму сублимации. Повторяемый секс,

осуществляемый с преданностью и постоянством, может привести к чувству возвышенного в жизни в целом.

Когда люди жалуются, что секс запутанный и неудовлетворительный, может быть, он просто «не обработан». Может, нужно то внимание, которое алхимик уделял своему сосуду с грубым материалом. Могут также потребоваться месяцы или годы мягкого, терпеливого устремления. С течением времени всё это может преобразоваться в гель изысканного аспекта личности, отношений и жизни вообще, где эрос тонко и аккуратно вплетен среди других ценностей и других сфер жизни.

Эротический интеллект

Когда я впервые прочитал Кама Sutra, древнее руководство по сексу из Индии, то был удивлен, обнаружив, что он не сразу же начинается со стилией занятия любовью, но с обсуждения того, как жить. Сперва он рекомендует любовникам уделить внимание двум критически важным сферам жизни: исследованию своего собственного предназначения и правильного жизненного маршрута (dharma), а также нахождению своего собственного пути творить жизнь и дом (artha). Этот совет указывает нам то плодотворное направление, где мы можем поразмышлять о ролях нашего желания, удовольствия и вообще сексуальности в том, как мы живем и думаем.

Для того, чтобы раскрыть радости секса, мы можем проработать особый вид интеллекта эротической жизни. Как терапевт я обнаружил, что есть одно слово, характеризующее отношение большинства людей к своей сексуальности – это слово «замешательство». Они не понимают своих тяготений и желаний. В целом они чувствуют, что их сексуальные жизни были и представляют собой беспорядок. Они считают, что они слепы и бессильны перед лицом страсти. Они лелеют надежду, что однажды смогут найти сексуальное блаженство, но до сих пор эта надежда не была реализована.

Центральная идея замешательства касается разницы между удовольствием души и потребностью эго. Душа раскрывает глубочайшие и высшие уровни нашего бытия. Она не столь привязана к стремительно развивающейся жизни как в случае с эго, и её желания, кажется, направлены на глубинные и долговременные удовольствия. Эго, с другой стороны, представляет собой тот аспект нашего «я», который даётся нам на протяжении этой быстро развивающейся и относительно короткой жизни. Оно может легко зацепиться за удовлетворение страстей. Также оно – та часть нас, которая становится жертвой комплексов. Если мы оторваны от своей собственной души, то можем пережить её, по предположениям многих психологических теорий, как бессознательное. Эго может гоняться за вещами и людьми, удовлетворяющими эго нарциссизм, длительно подавляемыми желаниями, жадой спасения и счастьем, и вся эта деятельность будет ощущаться, по меньшей мере, несколько принудительной, из-за своей оторванности от глубинной души.

Объекты желаний, которые столь быстро поселяются в эго, часто пустые и недолговечные. Они открывают, что представляют собой не истинные объекты желания, но только заменители. Становится очевидным, что эго временно

ошеломляется привлекательным человеком или объектом, но его страстное желание упорствует и, возможно, усугубляется. Сексуальный опыт, долго посещающий фантазии и питающий надежду, вероятно, не сможет дать обещанного удовлетворения.

Эго – это эффективный инструмент для построения жизненного пути, но оно всё время должно быть связано с глубинной душой. Желание возникает из души и обычно должно быть удовлетворено на глубинном уровне и именно с правильным объектом. Просто получение хорошо оплачиваемой работы, к примеру, может не удовлетворить потребность души в творчестве и лично удовлетворяющей работе. Только имея секс можно моментально удовлетворить эго, но это может также оставить ощущение души пустой, поскольку она пребывает в поисках конкретного партнера и сексуального опыта, преисполненной эмоций, дружбы и жизни.

Эротический интеллект начинается с ознакомления с собственной душой – с её сильными желаниями и склонностями, циклами и фазами. Рильке рекомендует жить из глубинного места, создавая творческий опыт, и этот принцип применим к сексу. Можно оказаться достаточно близко к основным желаниям души, дабы возыметь присутствие разума для отказа от временного удовлетворения в пользу глубинных потребностей.

Жизнь из глубины может потребовать периодов спокойствия и тишины, когда мы можем слышать разговоры души. Длительные, честные и непредубежденные беседы с хорошими друзьями часто могут раскрыть то, чего желает душа. Сновидения дают много хороших подсказок по поводу развития души и обороны эго. Дневники, прогулки, ретриты, походы и определенные виды путешествия представляют собой традиционные пути сохранения контакта с душой. И они так же важны, как и раньше. Эти простые практики могут быть основой для эротического интеллекта и могут помочь нам принести свою сексуальность к точке утонченности.

Эго доверяет уму, и поэтому мы часто обращаемся за наставлениями к книге или эксперту вследствие сексуального замешательства. Душа, с другой стороны, первично оперирует принципом эроса. Желание и удовольствие – это сигналы её нынешнего состояния и потребности. Эротический интеллект требует того, чтобы мы ценили эти обычно пренебрегаемые чувства и использовали их в качестве наставников. Среди моих коллег в архетипической психологии я часто слышу эту идею, сжато выраженную в простом вопросе: что хочет душа? Мы можем найти время, чтобы рассмотреть только то, что является реальным объектом нашего желания и какие виды наслаждения предлагают длительное и глубокое удовлетворение.

У желания есть свой собственный интеллект. Если мы думаем, что ум – это лучший наставник по жизни, то будем делать выбор, собирая мнения и взвешивая варианты. Но если мы следуем за душой, то будем понимать, что желание также представляет собой указатель на лучшее и нужное. Мы можем путаться, особенно в самом начале желания, по поводу верной природы страстного устремления души, но со временем нам станет яснее то, чего ищет душа. Это динамический путь жизни, что коренится в глубоких устремлениях, требующих ответа, а не

статика, базирующаяся на фиксированных идеях благоразумности. Некоторые люди, например, предполагают, что обретение хорошей финансовой жизни – это единственная и надлежащая жизненная цель. Всё остальное приспособляется к этой ширме. Но затем, после долгого мучительного эксперимента и самоанализа, они могут осознать, что им требуется более простая жизнь, с меньшими деньгами и с меньшим престижем, чтобы ощущать себя осуществленными. Они могут пробудиться к осознанию, что их сердце имеет потребности, которые первичны, а не являются результатом встречи с широко принятыми стандартами. Законы желаний и удовольствия иногда вступают в противоречие с благоразумием.

Пребывая рядом с желаниями души, мы можем лучше узнать, с кем вступать в брак, с кем дружить и где жить. Все эти выборы связаны с желанием и удовольствием, а также требуют эротического интеллекта. Они имеют непосредственное отношение к нашей сексуальности, которая, в конце концов, представляет собой ни что иное, как эротическую жизнь.

Душа подобна источнику, из которого поднимаются животворные пузырьки воды. Мы находим здесь не только жизненность, но и идентичность - душу секса, которая бесконечно больше и гибче, чем личность, предлагаемая эго. Из-за того, что душа так глубинна и так высока, когда мы соединяемся с ней (главным образом давая ответ на её желание) само наше самоощущение имеет возвышенное качество. Сегодня некоторые назвали бы это личным мастерством. Об Эпохе Возрождения люди говорили, как о добродетели, обозначая этим не столько моральную целостность, сколько личную силу и мощь.

Многие исследования сексуальности и агрессии ясно дают понять, что эрос требует твердого чувства силы. В мифологии Марс – это особый любовник Венеры. Она сглаживает его грубость, а он придаёт её чувственности привлекательную меру силы и действенности. Могучие и творческие люди часто сексуально привлекательны из-за таинственной связи между сексом и силой. Люди часто попадают в беду в сексуальных отношениях, потому что есть дисбаланс в личной силе или в обыгрывании энергетических проблем. Проработанная и утонченная тренировка личной силы – это аспект эротического интеллекта.

Сексуальная путаница иногда возникает из-за нашей застенчивости по поводу наличия желания и сексуальной фантазии. Мы можем разумно дать ответ на эти виды притяжения, размышляя: Будут ли они эксплуатировать или вредить другим? Являются ли они подозрительно экстремальными или преувеличенными? Имеют ли они смысл в отношении к другим ценностям, обязательствам и идеалам? Этот вид вдумчивой рефлексии является альтернативой неуклюжему отстранению новых и манящих желаний или бездумному обыгрыванию. «Обработка» желания – это эффективная альтернатива и репрессии, и сексуальной распушенности.

Величественный секс и общество

Общество, как правило, озабочено кричаще безвкусной стороной секса. Оно имеет дело с недугами, нежелательной беременностью, проституцией и порнографией. Оно отстаивает моральное сдерживание секса, и, как правило,

затоплено многими видами нездорового сексуального поведения. Журналы и газеты полны историй о сексуальных проступках, с небольшим позитивным пониманием за пределами медицинской интерпретации и даваемыми советами. В целом, образ секса далек от величественного.

Исторические и культурные исследования, с другой стороны, дают нам множество примеров публичной сексуальности в высокодуховном и провидческом: в Индии лингам и йони можно увидеть повсюду, даже сегодня, и они вдохновляют на религиозный трепет и преданность, а не на похотливость. В Древней Греции и Риме могущественные сексуальные образы можно было найти в общественной архитектуре, скульптуре и живописи, опять-таки в представлении самых высоких устремлений. На многих церквях в Англии образ женщины, демонстрирующей свои гениталии предназначался не только для защиты от злых духов, как это часто наблюдается, но также для отдачи социального признания самым глубоким тайнам человеческой жизни, включая рождение, секс и смерть. Во многих местах такие образы, как полагают, были целительными, и не будет надуманным считать, что более позитивное, глубинное и величественное присутствие сексуальной образности может иметь целительный эффект в нашей культуре.

Современное общество в сочетании с морализмом, направленным против секса и одержимое им, показывает, что мы еще не обнаружили глубинный смысл сексуальности. Мы размышляем о ней в чисто в личностных терминах, в отличие от многих культур, рассматривающих секс как священную космическую силу. Мы пытаемся удержать секс сокрытым, по-видимому думая, что то, что мы не видим, не повредит нам. Но, как и все могущественные элементы души, секс должен проявиться. В противном случае, мы страдаем не только от внезапного возвращения подавленного (секс пробивает наше подавление негативными и дискомфортными путями), но также от умаления жизни и жизненной силы. Секс придаёт жизни цвет и живость. Когда мы скрываем это из-за страха, наши собственные жизни и социальная жизнь становятся плоскими.

Из-за того, что мы так далеки от понимания величественности секса, может быть трудно представить себе, как он может быть различным, но есть простые вещи, которые мы могли бы делать в качестве продвижения общества по направлению к сексуальной зрелости. Мы могли бы понять наше ханжество по отношению к сексуальной образности как излишний, защитный страх жизненности, и позволить нашим художникам представлять образы, почитающие тайны человеческого тела с восторгом и достоинством. Мы могли бы благоприятствовать фильмам и телевизионным драмам, осуществляющим сдвиг за пределы типичной доктрины застенчивости и обозревать высший подтекст человеческой сексуальности. Развивать небольшие и частные типографии, публикующие превосходную эротическую поэзию, написанную провидческими мужчинами и женщинами, облачающими возвышенное в соответствующий земной язык. Но такая деятельность фактически подавлена, так как такое по-прежнему доступно лишь небольшому числу читателей.

В другом направлении, мы могли бы привнести сексуальные качества и ценности в создание культуры и общественной жизни. Удовольствие и чувственность часто теряются в общественных институтах и архитектуре, так как мы позволяем

функции и эффективности доминировать в городском планировании и строительных принципах. Совсем не необычно сидеть на городском собрании или совещании, касающихся развития бизнеса, и не услышать ни слова о красоте, чувственности и образности. Тем не менее, красота – это один из главных источников возвышенного.

Расширенная сексуальность может позволить нам рассмотреть социальные проблемы и развитие культуры с провидческой точки зрения – такой, которая не погрязла ни в прагматичных излияниях, ни в экстравагантном и нереальном в своем полете в футуризм. Когда наше понимание сексуальности расширится, мы обратимся к серьезному рассмотрению таких вещей как глубинные удовольствия, красота и индивидуальность. В свою очередь, общественный и личный миры, построенные из таких эротических, богатых фантазий предлагают виды удовольствия и безопасности, которые помогают нам вести спокойную и полноценную жизнь.

Древние, таинственные иллюстрации алхимического процесса могут дать нам сегодняшнее прозрение по поводу путей, идя которыми общество может стать провидческим через сексуальность. Многие картины последнего этапа, когда необработанные элементы очищаются, показывают птицу, выходящую из материала – павлин может величественно стоять на горлышке сосуда или голубь может вылетать из трясины. Всё это обозначает достигнутую сублимацию.

Наша сексуальность может внести позитивный вклад в социальную гармонию и творчество, если она сможет достичь той стадии, где у неё есть крылья. На данный момент наше воображение секса в значительной степени застряло в мутных и грязных деталях сексуальных проблем и недостатков. Но мы можем облагородить его до такой точки, где оно сможет внести существенный вклад в социальную реабилитацию возвышенных ценностей. Это развитие высшего предела спектра человеческой сексуальности будет также помогать на нижнем пределе, где мы пытаемся придать смысл своим желаниям и провалам повседневной жизни. Как индивидам и как обществу нам требуются пронизательность и вдохновение, и этого нет нигде больше, кроме как в наших сексуальных жизнях, где мы находим страсть и смысл, необходимые для преобразование необработанного материала наших личностей и нашего мира в тонкое вещество душевной жизни.

Глава 14.

Земные наслаждения.

Эпикурейская жизнь.

В пятнадцатом веке Марсель Фичино встретился со своими товарищами - художниками, архитекторами и философами, в очаровательной вилле в Карегги, недалеко от Флоренции, в верхней комнате, где стены были украшены вдохновляющими словами. «Laetus in praesens» («Счастье сейчас») было одним

из тамошних благодатных высказываний. Эти заслуженные слова выражали некую часть гуманистической философии, разделяемой теми, кто присутствовал там. Имеется в виду Возрожденная версия Эпикуреизма, убежденная в том, что наслаждение не только обосновано, но и представляет собой необходимую и вдохновляющую цель повседневной жизни.

Сегодня само слово «наслаждение» может иметь гедонистические и потому негативные ассоциации, и для многих — это вряд ли достойный мотив в повседневной жизни. Мы используем слово «эпикурец» для отсылки к чревоугоднику, гурману и щеголю, личности, которая делает хорошую еду и отрадно проживает свои простейшие ценности. Обычно мы заключаем, что такой человек стремится к крайностям и живет поверхностной жизнью.

Философия Эпикура, Греческого философа, учившего своих студентов (мужчин и женщин) в своей школе в саду в Афинах, не имеет почти никакого отношения к современному понятию Эпикуреизма. Эпикур описывал наслаждение как *ataraxia*, иногда переводимое как «спокойствие» или «мир ума». Вы достигаете этого состояния, живя просто и избегая боли, когда это возможно. Согласно Эпикурейской эпиграмме: «Вам лучше лежать на подстилке соломы и быть свободными от страха, чем иметь золотое ложе и обильный стол, все же будучи беспокойным в уме». Эпикур рекомендовал простую диету из хлеба и овощей и выступал за культивацию дружбы как существования среди наиболее важных активностей жизни.

Имея в виду именно это древнее понятие Эпикуреизма, я намереваюсь обозреть роль земных наслаждений для души и попытаться отдать место уважению сексуального удовольствия в философии жизни. В наших усилиях придать жизни духовный резонанс, отвечая нуждам близким нам людей и обогатить самого себя. Мы можем обрести удовольствие (если оно заземленное и истинное) в качестве меры душевного присутствия. Эпикурейские наслаждения включают глубокие удовлетворения, подобные дружбе, семье и сообществу, а также чувственные наслаждения, которые, на первый взгляд, не могут быть столь значительными.

С Эпикуром мы можем сделать различие между наслаждениями, дающими ощущение того, что мы управляемы и теми, которые дают чувство глубинного удовлетворения. Первые не являются подлинными наслаждениями, но могут, вместо этого, быть вознаграждениями, недостаточными для движения души. Они могут быть симптоматическими удовольствиями — нереальными вещами, только лишь признаком того недостающего реального жизненного наслаждения. Сексуальное удовольствие может или приводить к движению души, или предлагать своеобразную разновидность мимолетных вознаграждений, к которым Эпикур относился пренебрежительно, ибо они могут быть глубинными и устойчивыми и иметь глубинное воздействие на всю жизнь.

Фичино был вегетарианцем, но также любил и хранил славные вина. Эдгар Винд, проницательный ученый Возрождения, говорил Фичино, что «он пытался влить в Христианскую мораль разновидность нео-языческой радости» и верил, что «наслаждение (*voluptas*) должно быть классифицировано как благородная страсть» [1]. Следуя старому обычаю древних, Фичино хранил картины двух философов в своем кабинете — смеющегося Демокрита и плачущего Гераклита.

Он много написал о депрессии и признавался в том, что является меланхоличным человеком, но также отстаивал радостное бытие и посвятил большую статью теме наслаждения.

Если мы удержим в одном кадре эти два образа, отражающем столь различные, но совместимые эмоциональные состояния, нам не стоит выпускать из виду то, как мы оказываемся поглощены в другом. И тоска, и удовольствие играют важные роли в эмоциональной комплексности нашего сердца. Когда мы разделяем их, то, в конечном итоге, остаемся с суровым пуританизмом с одной стороны и безрассудным гедонизмом с другой. Истинный Эпикуреец делает эти две позиции близкими друг другу - таким образом, что наслаждение имеет степень сдержанности и глубины, тогда как целомудрие не направляется на уничтожение радости жизни.

Это и есть разница между сексуальным гедонизмом и сексуальным наслаждением. Большинство из нас знакомы с принуждением к сексу и, возможно, также с фантазией о том, что безграничная сексуальная жизнь будет блаженством. Но мы, вероятно, также пробовали наслаждаться занятием любовью с человеком, которого хорошо знали, к которому чувствовали глубокую привязанность и которому мы желаем равной радости и счастья. С таким партнером сексуальное наслаждение неотделимо от радостей и вызовов современной жизни. Оно может быть ослаблено совместными жизненными усилиями или же ограничено только одним любовником.

Эпикурейский секс состоит из огромного чувственного восторга прикосновений, ароматов, взглядов и звучаний тел, ублажающих друг друга, сопровождаемых чувством любви, эмоциональным покоем и глубоким дружелюбием. Изредка слышно о взаимосвязи секса и дружбы, но для Эпикурейства дружба - это центральная потребность души, и она дает сексу достаточное основание. Если секс нарциссически эгоцентричен, или если он представляет собой тревожное бегство от одиночества, его удовольствие будет слабым. Это не будет отражением главной Эпикурейской доктрины *ataraxia* - «без беспокойства».

Секс и дружба

То, что брак и дружба должны «шагать рядом», может показаться аксиомой, как и то, что любовники всегда дружили. Но, конечно, это не всегда так. Когда возникают сексуальные проблемы, мы можем подумать об Эпикуреизме и исследовать роль дружбы в наших отношениях. Дружба – это особый вид связи, служащий потребности души в длительной и глубокой близости. Другие виды любви важны, но они служат другим целям. Романтическая любовь ведет нас к другому, более изменчивому воображению, эмоциям и общности, хотя сущность души – это не столько близость, сколько - дружба.

Дружба, как правило, претерпевает изменения, которые неминуемо появляются в жизни и не уничтожается при эмоциональных потрясениях. Друзья часто собираются вместе, чтобы поговорить о волнующих и больших событиях жизни с дистанции давних взаимных наблюдателей, и прочная природа их взаимосвязи даёт душе постоянную поддержку.

У любовников, являющихся друзьями, есть что сказать друг другу перед, после и во время секса. Они будут знать свои глубинные связи во время занятия любовью, и их любовь будет тесно вплетена в другие измерения близости. Их дружба задаст сексу любовных контекст, более устойчивый, чем романтическая любовь или физические влечение. Дружба также может вдохновить на разнообразность поцелуев и ласки, которые растянут занятие любовью, задавая цель и причину прелюдии, и сохраняя накал в медленном угасании оргазма. Дружба также помогает направить сексуальные удовольствия в определенное русло ординарной жизни: друзья хотят быть вместе и после занятия любовью, у них есть близкая и любящая жизнь за пределами спальни.

Смешать секс и дружбу просто, но необязательно просто сделать это на практике. Ключом является культивация руководствующей жизненной философии, в которой дружба и секс важны и имеют взаимосвязь друг с другом. Мы можем отклонить важность таких ординарных удовольствий просто потому, что мы воспитывались в сомнении по поводу ценности наслаждения и в исключении его из компании целомудрия и ответственности.

Как энергичные люди, мы признаем ценность возбуждающих и волнующих элементов повседневной жизни и часто упускаем потребность души в глубинных, более ординарных уладах. Это уважение к стойкому сердечному комфорту представляет собой сущность Эпикурейского образа жизни, и это даёт сексу укоренение, контекст и спокойствие, которые трудно отыскать в управляемом обществе.

Удовольствие и влечение

Эпикурейские удовольствия – это частный вид радости и комфорта. В нашей культуре трудно вообразить удовольствие без экстремально сильного желания, беспокойных поисков и тревожной нужды, но эти качества делают наши удовольствия невротическими. Для нас удовольствие часто сопровождается чувством вины, и получается почти шуточным признание в том, что всё, что вы делаете, вы делаете для удовольствия. Мы еще не догнали Флоренцию пятнадцатого века, где в замечательных руках недоразвитого и горбатого священника и мага, удовольствие было «классифицировано как достойная страсть».

Порой, когда я читаю лекции на Эпикурейскую тему и акцентирую важность чувственно богатой жизни (и особенно, когда я рекомендую это людям в браке, испытывающим проблемы в совместном существовании), кто-то жалуется, что я не говорю о любви, тогда как любовь – наиболее важный фактор в сексе. Когда я слышу это возражение, сперва я резко прерываюсь. «Конечно, любовь – это центр. Почему я не говорю о любви?», спрашиваю я себя. Но затем я обращаю внимание на сентиментальный тон в разговоре о любви и влечении. И это указание на то, что наши представления подозрительно поверхностны и, возможно, оборонительны. Часто популярная психология склоняется к сентиментальности в человеческих отношениях, тогда как профессиональный и академический психолог склонен к сухости. Душа, как обычно – это нечто срединное.

Когда мы пытаемся придать сексу больше сути, фактически объясняя свои удовольствия нечто более значительным, нежели чувственность, то часто апеллируем к влечению. Мы предполагаем, что секс имеет силу только тогда, когда он выражает любовное *чувство* по отношению к партнеру. В то время как моралисты оправдывают секс как средство деторождения, психологически мыслящие люди утверждают секс как выражение влечения. В некоторых кругах секс присущ только тогда, когда понимается как выражение любящего внимания, а обсуждение чувственного аспекта без любви раскалывает этическое ядро секса. Такие люди имеют склонность рассматривать намек на чувственность как нечто существенно вредоносное для любви.

Во многих случаях настояние на нежной любви мотивировано тревогой, беспокойством не столько по поводу секса, сколько по поводу удовольствия. Из-за того, что защита влечения исходит из тревожности, она склонна к сентиментальности, и поэтому данный вид притяжения не может обладать значительной субстанцией. Супружеская пара может не чувствовать нежности во время занятия любовью, но так как они творят любовь, то имеется возможность достигнуть верности друг другу в браке, доме и в отношении своих детей. После нескольких лет или месяцев брака качество любовных эмоций может измениться, но супруги могут быть вместе подобно друзьям, которые жаждут реального бракосочетания и многозначительной сексуальной жизни.

В некоторых случаях любовники могут обнаружить в сексе эффективный путь к прославлению своей страсти, желание дать нечто друг другу и радость исследования своей сексуальности с партнером, с которым они чувствуют безопасность, комфорт и искренность. Они могут глубоко хотеть выразить своё сексуальное влечение, но другие мотивы также достойны. Взаимное исследование чувственности может дать отношениям больше, чем любая беспокойная попытка сохранить влечение постоянным, а фокус на физическом утешении не уведет их от любви. На самом деле, потребность размещать наружный слой любви на чувственности секса может указывать на сопротивление уязвимости и открытости партнеру. То, что кажется добродетелью (настаивание на влечении) может быть лишь защитой от вызова секса быть абсолютно и всецело присутствующим.

Влечение – это важная часть секса, но также и похотливая. Похоть может ссылаться на две различные эмоции – безответственный и экстремальный интерес к сексу или просто желание чувственного сексуального восторга. Если похоть – произвольное желание, то это может быть знаменем того, что секс не вплетен в ткань жизни. С другой стороны, чувственное желание может быть желанным гостем в сообществе эмоций и достоинств, которые составляют богатую жизнь, а в перевернутом вверх дном мире Афродиты похоть может быть добродетелью. В Эпикурейской жизни, особенно, похоть может иметь место и все же, в то же самое время, находиться под влиянием фундаментальных ценностей дружбы и глубокого спокойствия.

В сексе мы также призваны быть щедрыми, будучи необычайным образом отдающими своё тело и эмоции. Эта добродетель щедрости – простая вещь, и все же мы можем легко проигнорировать этот важный момент, когда путаемся в сложностях межличностной коммуникации и тонкой динамики отношений. В вопросах щедрости сердца и сексуального тела – это одна из центральных

добродетелей, так как секс обычно требует чувственного избытка – полного присутствия, бьющей через край любви, незаурядного внимания и полноты удовольствия. Двое людей дарят себя друг другу, и каждый надеется, что у другого есть что-то для отдачи, и что он обладает свободой щедрого дарения.

Наряду с современной тенденцией к углублению отношений приходит более традиционная попытка удержать людей вместе с принципами, правилами и обязательствами. Даже если мы доверяем чувственности и удовольствию, то обнаружим, что можем держать людей вместе, и, возможно, в долгосрочной перспективе этим делаем это трудное дело более эффективно. Зачем люди шагают за пределы брака в поисках секса, кроме как за поиском удовольствий, которые, как они верят, не могут быть получены внутри брака? Многие супруги остаются в браке из-за обязательств и не испытывают радости. Они могут провести жизнь вместе посредством сущих усилий и самоотрицания на протяжении лет, а затем они либо необъяснимым образом уходят в безрассудное поведение или впадают в эмоциональную и физическую разобщенность.

В своей терапевтической практике я работал с многими мужчинами и женщинами, которые прожили свою жизнь из-за обязательства и оставались в болезненном браке по соображениям пристойности или ответственности. Такие браки поддерживались дисциплиной, а не любовью и удовольствием. Многие считают, что их старые и мучительные желания наслаждения с действительным партнером эгоистичны и должны быть преодолены. Они верят, что их жизни будут более добродетельными, и, следовательно, более значительными, если они отрекаются от желанного удовольствия, и остаются соединенными с партнером, с которым не чувствуют радости. И это отсутствие радости простирается от смутного ощущения неурегулированности до мук физического злоупотребления.

Ни один из них не установил связь между чувством сухой дисциплины, удерживающей их в браке и захватывающим сексуальным желанием, соблазняющим в отношении их обязательств. Им никогда не приходило на ум, что секс – это значимый и выразительный аспект брака. В одном случае, который я помню, женщина, «забыла» проинформировать меня, как месяцами боролась со своими страхами и надеждами по поводу того, что не имела секса со своим супругом в течение нескольких лет. За несколько недель перед этим признанием она спросила меня, есть ли у меня ключ к разгадке того, почему её брак чувствуется сухим и мертвым.

Вообразите местонахождение секса на вершине наших приоритетов в браке или других близких взаимоотношений – прежде любви, влечения, чести, коммуникации, родительства и взаимной поддержки. Если придание сексу такого выдающегося положения звучит безответственно или поверхностно, то, возможно, мы действительно утратили видение души секса. Через краткую исповедь секса мы придаём ему силу и автономию, которые, в конечном итоге, часто возвращаются к нам и испытывают нас крайне плохим обращением наших партнеров. Когда мы позволяем сексу его активность, привлекательность и удовольствие, то обнаруживаем, что он может быть наиболее эффективным «клеем», удерживающим все части и детали вместе. Это, конечно, динамическая

роль Эроса – удержание сообща частей нашей Вселенной, мира личности и космоса.

Одно из преимуществ этой новой классификации секса и удовольствия – это сдвиг фокуса наших жизней с исключительно ментального места, где мы чувствуем, что должны понять всё, что мы делаем и всё, что происходит, и где мы верим, что должны обладать полным контролем над всем. Секс даёт нам облегчение от интеллектуализированной жизни и помещает нас в другое положение, где интуиция, эмоции и физическое ощущение приобретают особую важность. Это не глупое положение, где мы находимся в абсолютной милости по отношению к инстинктам (типичный моральный и интеллектуальный критицизм секса), но скорее другие конфигурации интеллекта, каждая из которых равна интеллекту по эффективности.

Здесь мы подвижны не обязательством, но удовольствием. Правильное место, определенное время, обстановка, одежда, свет и прикосновение даруют величайшую усладу. Наслаждение представляет собой меру и отдельный критерий – удовольствие, которое мы даем и удовольствие, которое получаем. Мы не просим ум рассказать, что является правильным и умным, и мы не консультируемся с голосом суперэго для создания уверенности в том, что мы одобрены и оправданы в том, что делаем. Мы не выясняем как всё это работает, когда делаем это. Мы не оцениваем наши действия и реакции на соответствие кодексу, который был дан нам и каждому на все времена и во всех местах. Мы индивиды особого времени и места в поисках глубинного наслаждения. На данный момент, мы в Эпикурейском саду, где учимся жить от души.

Мы могли бы разместить дощечку над кроватью, с цитатой древнего Эпикурейского предложения: «Незнакомец, здесь ты хорошо проведешь некоторое время. Здесь наше высшее благо – это удовольствие». Для Эпикурейца, удовольствие – это хорошее, высшее благо. Древний теолог Орфей предположительно говорил, что у Амура завязанные глаза, потому что любовь не имеет глаз – речь не о невежественном ослеплении, но о том, что выше интеллекта.

Сегодня мы – незнакомцы в школьном саду, где куртизанка была талантливым учеником, а дискуссии сосредотачивались на дружбе и праздничной жизни. Мы ищем удовольствия каждый день и преследуем его с силой и слепой энергией, но это поиск для тех, кто исповедует неверие в это и убежден, что это будет врагом нравственной жизни. По большей части наши поиски наслаждения представляют собой принуждение, которое противоречит нашим установленным ценностям и духовным амбициям, и как таковое оно чуждо нам, будучи отделенным от остальных наших намерений и сущностной ткани наших жизней.

Удовольствие и осквернение

Известное изречение Юнга, написанное над его дверью, имеет сексуальный подтекст: «*Vocatus atque non vocatus Deus aderit*, Званный или нет, Бог будет присутствовать». Мы можем сделать все приготовления для сексуального наслаждения, но оно появится в своё собственное благоприятное время. Невозможно насильно затолкнуть удовольствие в свою жизнь, хотя, кажется,

часто мы безжалостно пытаемся обладать хорошим временем. Удовольствие не принуждается, но мы можем затребовать, чтобы оно сделало своё присутствие ощущаемым, и иногда оно появится неожиданно. Истинный Эпикурец – это личность, внимательная к благоприятным возможностям для глубинного и прочного наслаждения, плетущими удовольствия в жизни, где усилие и отрада переплетаются в красивый бант. И в этом банте одно может быть глубоко вовлечено в другое.

Тайна удовольствия состоит в том, что оно бесконечно более религиозно, священо и добродетельно, чем любая его противоположность. Противостояние наслаждению может казаться добродетельным, но удовлетворение, обретаемое в результате, может исходить из инфляции эго, его чувства гордости, что оно боролось с ангелом желания и победило. Когда мы конструируем жизнь согласно глубинному желанию и честному удовольствию, то глубоко проникаем в нашу человечность и обнаруживаем коллегальность с нашими людьми-товарищами. Мы не выше обычных удовольствий жизни в своем надменном интеллекте и целомудренном контроле, но скорее глубоко в гуще человеческого существования, где можно найти душу и наслаждение.

Когда я рассматриваю людей, которых знаю и которые сильно проявляют в своей жизни то, что я считаю душой, я думаю о мужчинах и женщинах, наслаждающихся жизнью, хорошо питающихся, с приятным чувством юмора и избегающих многих морализмов дня. Они не без недостатков. С ними необязательно легко ужиться. Их слова не всегда соответствует поведению. Они сильные индивиды, их взгляды не являются ужасно сбалансированными. Они ищут удовольствия, глубинного наслаждения и не оправдываются по поводу этого.

С другой стороны, имеет смысл то, что культурно мы можем поместить сильные табу на насилие в виде силы, необузданности и творчества, как секс и страдание виной, сопровождающиеся трансгрессией. Но буквальный разговор о табу приводит к беспокойному дистанцированию от секса у одних людей и мятежном игнорировании торможения у других. Вместо этого мы можем осознать, что секс, на самом деле, глубоко священен и к нему можно приближаться со своего рода сдержанностью, которую мы дарим священным местам и деятельности. Непринятие табу буквально означает наблюдать его как необходимого средства сдерживания и предостережения, но не помещать моральный щит вокруг секса или игнорировать его громадную силу, участвуя в нем без оговорок.

Табу – это аспект душевной морали, глубокого сдерживания, окруженный ореолом святости, необъяснимости и даже бесспорности. Смысл табу в том, что сдерживание находится в самой сердцевине проблемной темы. Табу на инцест трудно объяснить, но его присутствие несомненно и может быть постигнуто без объяснения. Табу против сексуального злоупотребления детьми также сильно, и его нарушение – это больше, чем просто нарушение закона или принципа. В качестве результата индивид чувствует осквернение как физическую и эмоциональную травму – миазмы, как это называли Греки. Они верили, что скверна прелюбодеяния может побудить к атаке пчёл, питающих отвращение к неверным и брезгуя их запахом [2]. Пчёлы могут действительно учуять прелюбодея и ужалить его в наказание, так как они – животные, представляющие чистоту девственной богини Артемиды, чьей жрицей является Мелисса (мёд или пчела).

Мощная, основательная чувствительность к загрязнению защищает нашу чистоту и одновременно отражает глубину сексуальной страсти. Удовольствие – это не продукт генов или инстинкта; оно превосходит человеческую жизнь, ибо животные, растения и даже звезды, как говорили древние, регулируются эротической динамикой космоса. Когда мы нарушаем запреты секса и совести, мы оскверняем, а наше общество становится загрязнено моральным соучастием в нарушении.

Сексуальное осквернение заразительно и коллективно. Когда мы читаем об ужасном сексуальном злоупотреблении и изнасиловании, происходящим ежедневно в нашем обществе, мы читаем о себе и можем почувствовать загрязнение. Мы можем беспокоиться об обществе, в котором живем и удивляться, где же тот лидер, чувствующий загрязнение тем, что происходит. Это не то же самое, что индивидуальная ответственность и виновность, но иного рода соучастие в неразберихе нашего времени.

Загрязнение призывает к абсолютному очищению. Половинчатое выражение сожаления не работает, хотя раскаяние играет важную роль в психе [3]. В древние времена люди восстанавливали чистоту через огонь, водные чистки, преследование общественных козлов отпущения, выразительные церемонии и символическое изгнание загрязняющего элемента [4]. Чувство нашествия и глубокая потребность обновления, сопровождающие осквернение, намекают на эту глубину. С табу, осквернением, удовольствием и сексом, мы находимся в реальности религии, и никакие психологические или социологические интерпретации не будут достаточными для описания их интенсивности и значимости. Ментальные отговорки, рационализации и анализ не могут даже близко подойти к источнику осквернения, и, на самом деле, они просто удерживают нас на защитной дистанции от нравственной ответственности и заботы о наших душах.

Сутью в древних ритуалах очищения после осквернения было создание нового начала и установление духа обновления. Часть нашей работы по восстановлению души секса предполагает позитивные усилия для вплетения Эроса и искусства Афродиты в наши повседневные жизни и в культуру в целом, но другая часть данной работы включает в себя очищение и чувство эротического обновления. Все признаки указывают на то, что наше общество нуждается в глубоком изменении сердца и ума, особенно в области секса, а также очистке от нравочений. Нам нужна сущностная переориентация в отношении секса, эроса, удовольствия, человеческого тела и тела мира. Медицина и наука, физическое и социальное, секуляризовали человеческое тело, и в этом процессе секс утратил сакральный характер. Мы могли бы восстановить тайну секса, которая чтилась во многих культурах прошлого через ритуал, историю и повседневную жизнь, но это новое открытие сексуальных мистерий в перспективе повлечет за собой фундаментальный сдвиг.

В понимании того, как идея осквернения может помочь пролить свет на святость секса, может помочь рассмотрение других форм загрязнения. Когда мы слышим о человеке, который сошел с ума и убил большое количество человек, мы пребываем в ужасе и далее сразу же задумываемся о детстве и семье этой личности, обращаемся к личностной психологии, тревожно разыскивая объяснения. Если мы рассмотрим сообщество или нацию, действительную

культуру в целом, то можем заключить, что мы по-прежнему ищем разумные причины и лечение – мы пространно говорим о бедности и сломанной семье. Мы чувствуем огромную потребность понять, как такое ужасное могло произойти. Мы могли бы поучиться у старинных культур тому, что такой поступок представляет собой социальное осквернение и требует глубинного ритуального очищения определенного рода. Наши интеллектуальные запросы проливают некоторый свет, но они не достигают глубоких корней нашего поведения в душе.

То же самое истинно и для секса. Мы можем чувствовать загрязнение, если участвуем в прелюбодеянии, но мы защищаем себя, предлагая объяснения и надеясь на более чистое будущее. Греки, подобно многим другим культурам, сознавали, что Эрос божественен, считая, что сексуальные проступки имеют куда более глубокие последствия. Нарушения в эротической реальности представляют собой не просто ошибки, требующие разрешений и объяснений; они – форма кощунства, требующая глубокого очищения, выходящего за рамки умозаключений и психологии.

Разговор о прелюбодеянии и других сексуальных нарушениях как осквернениях помогает нам не стать моралистами. Чувство загрязнения сильнее побуждения избегать дурного поведения, так как оно не является обвинительным. Лучшие из людей причиняли мучительную боль своим партнерам, и все мы можем найти свой путь к эффективной, подлинной сексуальной нравственности, свободной от беспокойства. Выявляя загрязнение, мы также уделяем нашему обществу внимание. Когда нарушение серьезно, вовлекаются все, и даже перед тем, как это нарушение произошло, все мы связаны, так как обеспечиваем ритуалы и вдохновение, необходимые для нравственной жизни.

Когда газеты публикуют сенсацию о знаменитости или политике, потерявшем свой моральный компас в области секса, легко осуждать и защищать себя от загрязнения, возглавляющего наш путь как часть национального общества. В таких случаях журналисты берут высокие моральные основания и свободно раздают свои суждения, и даже Конгресс ищет пути осудить и наказать. Такие обвинения и осуждения не служат общей душе и не предлагают средства ограничения такого поведения в будущем. Они представляют собой моралистическое потворство, пытающееся держать на расстоянии духов секса.

Ординарная эротическая жизнь

Что значит прожить нашу обычную, повседневную жизнь эротически? Это не означает преувеличение значимости секса (это то, что случается, когда мы подавляем эрос). Это не значит отказ от духовных и нравственных чувств. Если они основаны на подавлении эроса (который, другими словами, означает сам принцип жизни), тогда они принципиально вредны для жизненного и динамичного образа жизни. Это не означает создание сентиментальной философии, отрицающей темные и сложные аспекты повседневной жизни. Эрос участвует в нашей боли и напряжении столько же, сколько и в счастливые моменты, и, в конечном итоге, он создаёт более стойкую и требовательную жизнь, чем та, что основана на интеллекте.

Эротическая жизнь начинается в фундаментальном утверждении жизни перед лицом возможностей, проблем и поражений, возникающих в повседневном опыте. Это не сдача отчаянию. Это ключевая идея Эпикурейского обучения: независимо от того, сколько боли есть в жизни, не отдавать себя ей целиком.

Во всем, что мы делаем, мы можем вставать на путь желания, и это особый вид Эпикурейского наслаждения. Мы можем эротически развиваться после сердечных потрясений. Мы можем читать отборные эротические книги и отрывки, привлекающие нас и приводящие нас к любви. Мы можем научиться получать от этого удовольствие и обучить других удовольствию, воспринимаемому в нашем наслаждении. Мы можем замечать малейшее желание, волнующее нас и рассмотреть пути для дарования ему полноты. Мы можем позволить себе быть втянутыми в тему или предмет разговора, пока это не исчерпает нас своим стремлением к нашему вниманию. Ум не должен отдаляться от сердца, потому что он также эротичен, как и любой орган и частица души.

Говоря «да» предложениям и вызовам повседневной жизни, мы можем обнаружить дар жизненности, отсутствие которого может рассматриваться как распространенная депрессия, испытываемая сегодня людьми всех возрастов. Но чтобы сделать такое торжественное заверение искренне, требуется согласие с моментами потерь, неудач, разочарований и завершений, которые приходят с полной телесной жизнью. Мы можем обнаружить, что эрос не столько связан с любящими людьми, событиями и объектами, которые обнаруживаются в мире, сколько с позволением себе быть любимым и преследуемым предназначением, участью и самой жизнью. Иллюзорно думать, что мы всегда субъекты в предложениях повседневной жизни. Мы в основном объекты, то есть те, кем делают, а не только те, кто делает.

В этом контексте секс приобретает огромное значение. Выражение любви, желания, страсти и влечения к партнеру – это ритуальные способы сказать «да» величественным предложениям жизни. Вместе с нашим партнером мы танцуем эстетику жизни, выражая глубинную природу вещей, и это осуществление идет настолько глубоко, что делает отношения многозначительными и превращает секс в источник, из которого струится полноценная жизнь. Когда мы воплощаем нашу любовь к другим, то делаем значительный вклад в эротическую динамику, сохраняющую все вещи в полной мере живыми и связанными. Секс отражает контуры, движения, качества и ощущения повседневной жизни, воспроизводя, прославляя и создавая их в искусстве.

Например, было бы слишком буквально и упрощенно объяснять как древнее суеверие ритуал занятия любовью фермера и его супруги на поле (способ сделать его более плодоносным). На самом деле, существует взаимосвязь между их действиями и плодоношениями земли, но этот акт выходит за рамки простого производства потомства. Мужчина и женщина, занимающиеся сексом, делают то же самое, что и земля, живущая своей собственной жизнью – они углубляют свою связь и повышают качество своей совместной жизни. Как священный ритуал, секс даёт телу принцип жизни среди людей и в природе. Природа и человеческая жизнь тесно взаимосвязаны. Особенно в сексе, мы ослабляем свой жесткий

контроль над разумом и позволяем природе течь через наш кровоток и оживлять воображение.

Пик жизненности, который мы обнаруживаем в сексе, даёт нам телесное чувство значимости жизни – это одна из причин того, почему секс так привлекателен и почему, когда секс отсутствует или неудовлетворителен, жизнь кажется скучной и пустой. Жизнеспособность секса также объясняется его юмором, так как комедия ломает барьеры, сохраняющие жизнь сдержанной и ограниченной. Важно, чтобы секс был забавным, чтобы мы шутили по его поводу и обсуждали его с хорошим юмором. Сексуальная жизнеспособность также помогает удерживать пару вместе, поскольку секс способен придать повседневной жизни необходимый оптимизм. Вы, возможно, помните о римской богине изобилия Опс, раскрывающей сокрытый в нашем мире оптимизм.

Радикальный эпикуреец

Эпикурейская жизнь, укорененная в глубокой признательности в отношении роли желания и удовольствия, предлагает богатую и плодородную почву для преисполненной душевной сексуальности. По определению, это философия жизни, в которой сексуальному желанию и наслаждению предоставляется своё обиталище. Может показаться, что наша культура посвятила себя удовольствию, поскольку мы, кажется, так заняты развлечениями и удобствами, но всё это поверхностные заменители неизменных наград Эпикура, описанных более двух тысяч лет назад. Те наслаждения, что он рекомендовал – это те самые глубинные удовлетворения, возникающие из дружбы, семьи и творческой работы и ведущие к спокойствию – не к пассивности, но к успокоению тревоги и тоски.

Предложение воскресить Эпикурейство радикально, поскольку наша культура придает большее значение немедленным радостям, нежели чем удовольствиям, медленно обретающим форму, как если бы они прорастали из земли. Современная жизнь – это фундаментальное нетерпение. Она оставляет в стороне эти успокоительные душевные прелести, такие как чуткое садоводство и традиционную кухню, так как это требует времени, отступающего от работы и других мероприятий, втиснутых в календарь. Эпикурейская жизнь может быть медленной и изобретательной, тогда как мы можем жаждать удержания в быстром темпе и непрерывном творчестве.

По этим самым причинам Эпикурейский стиль может хорошо повлиять на нашу сексуальность. Он даёт нам время быть чувственными, и это способствует возвращению близости, дающей сексу его личную сущность и глубину. Он способствует глубокому удовольствию, а не мимолетному удовлетворению. Он предпочитает усладу возбуждению, не будучи требовательным. Его суть – в достижении точки изобилующего спокойствия.

Эпикурейская жизнь имеет определенную простоту и непосредственность. Люди явно наслаждаются сексом по телевидению и в фильмах – опосредованно и на расстоянии. Но Эпикурейский секс начинается в Эпикурейской жизни – это прямое, относительно простое, физическое и эмоциональное удовлетворение. Он не имеет качеств безрассудства или тревоги, которые иногда окружают секс в средствах массовой информации. Эпикур часто обсуждал связь между болью и

удовольствием и настаивал на том, что жизнь может обладать глубоким наслаждением в присутствии боли. Хотя он также говорил, что, если идея удовольствия имеет пределы, то можно найти путь к жизни, которая всегда более приятна, нежели болезненна. «Человек, который ценит пределы жизни, знает, что всегда можно найти то, что облегчит боль, обусловленную желанием и всем, что завершает жизнь».

Эпикурейский секс глубоко приятен, поскольку имеет место в относительно невозмутимой жизни и из-за того, что не имеет нереальных амбиций; он наслаждается вместо страдания от ограничений. Если вы не можете иметь одновременный оргазм каждый раз, это отлично. Если вы занимаетесь сексом с одним и тем же человеком всю свою жизнь, то тем лучше. Это волнующе - позволить воображению бродить, представляя восхитительные тела и незамысловатых любовников. Но, в то же самое время, реальное удовольствие может прийти только тогда, когда мы живем в своих коренастых тела с недочетами и занимаемся любовью с телом, которое меняется, стареет и, возможно, разваливается. Если вы не величайший герой-любовник, но живете по принципам любви и удовольствия своим скромным путем, тогда вы будете смаковать душевные наслаждения Эпикурейского секса.

Люди часто привносят в секс невыполнимые ожидания, подобранные в популярных журналах, книгах или фильмах, и эти требования к себе и партнерам часто придают сексуальной жизни высокий уровень тревожности. Читатели иногда говорят мне, что суть моего письма – это само-принятие. При необходимости сократить сотни тысяч слов до фразы, я бы предпочел говорить о душевном принятии, признании своих собственных и жизненных ограничений, принятии судьбы и предназначения, в частности, принятии друзей, любовников и членов семьи, которых судьба выбрала для вас. Этот вид принятия кажется мне истинно Эпикурейским, умеренным, но глубоко приятным и, следовательно, полностью пригодным для жизни и удовлетворения.

История Эпикурейской философии показывает, что на протяжении веков люди выбирали элементы Эпикурейской мысли, которые нравились им и игнорировали остальные. Сознаюсь, что я частично в этой традиции: признаю, что выделяю определенные темы, которые кажутся особенно уместными для обновления представления о сексе и удовольствии. Но, так как мы продолжаем ускорять физическую и умственную жизнь, при этом имея меньше времени для простых удовольствий, мы могли бы сделать худший выбор, чем подражать Эпикуру по-своему. Один из подзаголовков, который мог бы быть выбран к этой книге – «Руководство по обычному сексу». И это наименование, я верю, будет вполне Эпикурейским.

По моей интерпретации, Эпикурейский подход – это активный образ жизни, где мы делаем вещи, доставляющие удовольствия. Мы возвращаем дружбу, мы пишем письма, мы приглашаем друзей и семью в свои дома, мы играем музыку и рисуем, готовим хорошую еду и вносим свой вклад в развитие общества. В Эпикурейском сексе мы развиваем чувственную жизнь, мы подходим к проблемам с искусством занятия любовью, дарим удовольствие партнеру, живем из любви и влечения, и,

прежде всего, в великом спокойствии и отсутствии амбиций, наслаждаемся обычными ночами, утрами и днями занятия любовью.

Эпикурейский секс

Как я представляю себе, Эпикурейская жизнь коренится в умеренном внимании к глубинам удовольствия и почтения желания. Я думаю, что такой образ жизни требует большего мужества, чем репрессированная жизнь. Его мораль лежит глубже окружающего нас морализма, поскольку он основан на утверждении жизни, будучи менее контролируемым, менее зараженным эгоизмом, обороной и нарциссизмом. Правда, это может быть проблемой для тех, кто воспитывался убежденным в дисциплине и самоотрицании как основных принципах, но всё это не ладит с упорядоченной и умеренной жизнью. На самом деле, я пытался показать, что утверждение жизни вместо её подавления не приводит к излишним компенсациям, таким как отрицание самих себя (а в впоследствии - к удовольствиям и развлечениям).

Когда секс Эпикурейский, важны несущественные черты: время, обстановка, атмосфера, звуки, вкусы и ощущения. Ролевыми играми становятся все игры, и после этого нас приглашают к сексуализации повседневной жизни. Периметры занятия любовью размываются: трудно сказать, где кончается секс и начинается эротическая жизнь. Качества секса становятся стандартами жизни, и мы можем посметь жить из любви, удовольствия и желания.

Эпикурейский секс драгоценен сам по себе; он не требует какого-либо оправдания. Он не для зачатия ребенка или избегания этого. Он не должен быть эмоционально совершенным или политически правильным. Он не помогает взаимоотношениям и не вредит им. Он может иметь немного ревности, немного гнева, немного юмора. Он может быть преисполненным страстью, или, даже больше, дружелюбным. Он базируется на доставлении удовольствия и не имеет ничего общего с причинением эмоциональной или физической боли другому человеку. Он не корыстный, не оскорбительный, не манипуляторный.

Я не имею в виду, что данный вид секса не имеет тени. Секс – замечательное место, дабы отдать тени должное. Но абсолютный фокус на умеренном удовольствии как жизненном пути предотвращает некоторые виды подавленной агрессии, часто приносимые в секс. Не придавая серьёзного значения удовольствию, мы пользуемся сексом для других целей, и это может обернуться холодностью и агрессивностью.

Красота Эпикурейской жизни состоит в том, что в ней нечего выяснять, понимать, подвергать болезненному анализу. Деятельность, скорее, представляет собой обучение чувствам, дарование им должного в изобилии, нахождение в них души и любви с такой консистенцией, дабы выглядеть глупым и неосмотрительным. Предельный Эпикуреец – это священный дурак, чья мудрость судится по стандарту, заключенному в небесах.